

В ПЕРВЫЕ ПЛА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

РОБЕРТ КРЕЙС

Роберт Крейс — одна из признанных звезд
литературного мира...

The San Diego Union

Смертельные ИГРЫ

КУЛЬТОВЫЙ ЦИКЛ РОМАНОВ ОБ ЭЛВИСЕ КОУЛЕ

Annotation

Элвис Коул — удачливый частный детектив, именно поэтому один из самых модных режиссеров Голливуда Питер Алан Нельсен, прозванный Королем Приключений, обращается к нему с просьбой найти бывшую жену и ребенка, которыми знаменитый кинодеятель обзавелся еще в начале своей карьеры. Легкое на первый взгляд дело оборачивается для Коула настоящим кошмаром. Ведь когда детектив находит бывшую жену режиссера в маленьком сонном городишке в Коннектикуте, то оказывается, что та запуталась в своих связях с мафией, и перед Элвисом Коулом открываются мрачные перспективы закончить свое расследование на дне Гудзона...

Роберт Крейс — автор сериала об Элвисе Коуле, самом популярном частном детективе последнего десятилетия. Его книги издаются огромными тиражами. Они получали премии Энтони и Эдгара По, не раз удостоивались титула «Лучшие книги года».

-
- [Роберт Крейс](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
-

Роберт Крейс

Смертельные игры

*Посвящаю с любовью и уважением моей матери
Ивлин Кэрри Крейс, которая спасла меня от
чудовищ*

*Есть за холмами, где солнце заходит,
дивный край.
Там расположен чудный городок Баюбай.
Ведут в нем к домам из золота серебряные
пути,
А дворцы там такие, что трудно глаза
отвести.*

*Разносчик по городу ходит с котомкою за
спиной.
Попробуйте догадаться, что скрыто в
котомке той.
Не вареньем, не вкусным мороженым он
торгует вразнос.
Но что у него за товар? Он продавец грез!*

*Из стихотворения «Городок Баюбай»
Джона Ирвинга Диллера*

Перевод В. Иванова

*Мы рады, что вы заглянули к нам снова, друзья!
Наше шоу забыть нельзя.
Заходите! Скорей заходите!*

Эмерсон, Лэйк и Палмер

Глава 1

— Это Элвис Коул, величайший в мире детектив? — спросила Патриция Кайл.

— Именно.

Я лежал на кожаном диване, стоящем напротив моего рабочего стола, и наслаждался видом на Нормандские острова. Раньше у меня были кресла, но диван значительно лучше помогает расслабиться после трудов праведных на детективном поприще, особенно если ты специалист мирового уровня.

— Ты спал? — поинтересовалась она.

— Я никогда не сплю, — возмущенно заявил я. — Я жду, когда Синди выйдет на соседний балкон.

Стеклянные двери, ведущие на мой крошечный балкон, были открыты, чтобы впустить внутрь ветерок, пробравшийся по бульвару Санта-Моника в Западный Лос-Анджелес. Мне нравился этот прохладный ветерок, потому что он нес с собой запах моря и морских птиц. А кроме того, открытая дверь позволяла слышать Синди.

— А кто такая Синди?

Я перенес телефон от левого уха к правому, потому что левое еще болело после того, как по нему дважды врезал каджун,^[1] у которого были могучие руки, но напрочь отсутствовали зубы.

— Синди — агент по продаже косметических товаров, и ее офис находится рядом с моим.

— Хмм, думаю, я знаю, что она продает, — бросила Пэт Кайл.

— Такие грубость и бездушие тебе не к лицу. Она очень славная женщина и всегда с удовольствием улыбается.

— Угу, знаю, что она делает с удовольствием.

— Частные детективы очень одиноки и ведут замкнутую жизнь. Мне совершенно нечего делать после того, как я начищу свой пистолет и смажу маслом дубинку.

— Ты не мог бы пригласить меня на ланч в кафе «Люси Эль Эдоуб»? То, что напротив «Парамаунт».

— Синди? — спросил я.

Пэт Кайл рассмеялась. Ее смех был таким, каким должен быть смех. Чистым и без намека на смущение. Пэт Кайл сорок четыре года, у нее вьющиеся каштановые волосы и отличная спортивная фигура. Когда мы познакомились шесть лет назад, она выглядела как «Граф Цеппелин»^[2] и пыталась покончить с неудачным браком. Я ей помог. Теперь она каждый день пробегает четыре мили, владеет собственным агентством по подбору актеров и помолвлена с дантистом из Пасадены. Возможно, когда-нибудь он даже начнет мне нравиться.

— Я подбираю актеров на фильм, который будет снимать «Кэпстоун пикчерс». Режиссер Питер Алан Нельсен. Ты о нем слышал?

— Он снимает боевики.

— Точно. Причем очень успешно. Журнал «Тайм» назвал его Королем Приключений.

— И не только.

«Высокомерным, требовательным и великолепным». Я читал ту статью.

— Да. Это он. — Я слышал какой-то шум, может быть, голоса у нее за спиной. — У Питера возникла проблема, и я рассказала про тебя. Представитель «Кэпстоун» хочет с тобой переговорить.

— Хорошо.

Я сел и спустил ноги на пол — детектив, готовый к действию.

— Когда Питер учился в школе режиссеров, он развелся с женой. Это произошло сразу после рождения их единственного ребенка. Мальчика. С тех пор Питер их не видел и ничего о них не слышал, но хочет их найти. Я сказала ему, что ты мастер находить пропавших людей. Возьмешься?

— Это как раз то, чем я занимаюсь.

— У «Кэпстоун» есть офисы в «Парамаунт». Я оставлю для тебя пропуск на главном входе. Скажешь, что должен встретиться с Донни Брустером. Донни — директор, — (Донни. Двенадцатилетний мальчишка во главе кинокомпании.) — Ты можешь быть здесь минут через двадцать?

— Подожди, я проверю календарь.

— Ха, какой календарь? — поинтересовалась Пэт.

— Злая и грубая. Все вы, дамочки, такие.

Она снова очень мило рассмеялась и повесила трубку.

Я встал с дивана и задумался о «Кэпстоун пикчерс» и Питере Алане Нельсене. Да уж! Я был в фуфайке с Микки-Маусом и пятном от горчицы на правом плече. Микки вполне сошел бы, а вот горчичное пятно — ни в коем случае. Успею ли я съездить домой и переодеться в смокинг? Я взглянул на часы с Пиноккио. Хмм. Сняв фуфайку, я натянул желто-белую гавайскую рубашку, прихватил «дэн-вессон», свой револьвер тридцать восьмого калибра, а поверх надел светло-голубой пиджак, как у официанта. Наряд, гарантирующий мне полный успех.

Я начал тихонько напевать себе под нос: «Нет ничего лучше шоу-бизнеса», затем включил автоответчик и прослушал свое сообщение, которое слушаю вот уже два месяца: «Детективное агентство Элвиса Коула. У нас низкие цены». Может быть, пришло время перемен. Если ты работаешь на большую кинокомпанию, нужно что-нибудь посерьезнее. Например: «Детективное агентство Элвиса Коула — нет мелких дел, есть мелкие детективы. К вашим услугам самый крупный сыщик, работающий в этой области!» Я решил оставить все как есть.

Я спустился с четвертого этажа в гараж, сел в машину и поехал на восток по бульвару Санта-Моника через центр Голливуда. Стоял октябрь, и воздух был весьма бодрящим. У меня открытый автомобиль, «корвет» 1966 года, но я не стал поднимать верх, решив, что еще не настолько холодно. Впрочем, здесь редко бывало настолько холодно. Глобальное потепление. Лето кончилось, и машины из Юты, Мичигана и Делавэра исчезли, зато появились гости из Канады. Зимние пташки спасаются от холода. На красный свет на пересечении Санта-Моники и Ла-Бри я остановился рядом с бордовым «бьюиком»-седаном, за рулем которого сидел крошечный мужчина, рядом с ним, на переднем сиденье, примостилась крошечная женщина, а сзади — двое крошечных детей. Мужчина неуверенно вертел головой по сторонам. Я дружелюбно им улыбнулся, помахал рукой и сказал:

— Добро пожаловать в Лос-Анджелес.

Женщина поспешно закрыла окно.

Я продолжал ехать по Санта-Монике до Гауэр-стрит, затем свернул направо, по Гауэр миновал голливудское кладбище и направился к «Парамаунт».

Студия «Парамаунт» расположилась в великолепном здании на углу Мелроуз и Гауэр за неприступной стеной. Судя по всему, именно

эта стена, высокая, надежная и мощная, помогла «Парамаунт» удержаться на плаву после того, как большинство первых голливудских студий пошло ко дну. В таком нищем, грязном и не самом спокойном районе стена эта даже избежала набегов любителей граффити. Возможно, потому, что всякого, кто осмелится подойти к ней слишком близко, начнут поливать кипящим маслом засевшие на парапетах стражники в кольчугах.

Я свернул за угол на Мелроуз и подъехал к охраннику, стоящему у ворот.

— Элвис Коул. У меня назначена встреча с Донни Брустером.

— Певец? — поинтересовался охранник, заглянув в журнал.

— Элвис Пресли умер в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, — объяснил ему я.

Охранник нашел желтый листок и прилепил к моему ветровому стеклу скотчем.

— Не Король. Другой парень. В очках.

— Элвис Кастелло. Нет. И не он.

Охранник печально покачал головой:

— Господи, я еще помню времена, когда был только один Элвис.

Видимо, он попал сюда из простых патрульных.

Донни Брустер обосновался в двухэтажном домике с красной черепичной крышей и экзотическими растениями размером с динозавра. Девушка, сидевшая в приемной, провела меня к секретарше, а та, в свою очередь, — в зал для совещаний, где я обнаружил Патрицию Кайл и лысоватого мужчину лет сорока, в спортивной куртке за восемьсот долларов, которая сидела на нем, как отсыревшая палатка. Остатки волос были стянуты сзади в короткий хвост. Очень стильно.

Пэт Кайл встала, улыбнулась и поцеловала меня в щеку. Со времени нашей последней встречи она успела загореть, и загар ей очень шел.

— Элвис Коул, это Донни Брустер. Донни, Элвис Коул.

Донни Брустер протянул мне влажную руку — видимо, нервничал.

— Господи, где вы были? Думал, вы уже не приедете.

— Я тоже рад с вами познакомиться.

Донни награбил меня взглядом, в котором читалось: все-хотят-меня-обидеть, и посмотрел на Пэт Кайл.

— Она предупредила меня, что вы считаете себя очень остроумным. Только вам придется понять, что все это вовсе не смешно. — Он поднял три пальца. — Есть Спилберг, потом Лукас, только он больше не снимает, и Питер Алан Нельсен. Шесть картин Питера, которые обошли весь мир, принесли нам больше миллиарда долларов прибыли. Питер занимает третье место в списке самых успешных режиссеров в истории кино и знает это.

— Это нелегко от него утаить.

Донни потер рукой голову и подергал себя за хвостик. Он делал это с таким остервенением, что я понял, почему у него осталось так мало волос.

— Питер — очень талантливый, блестящий режиссер. А с талантливыми и блестящими людьми иногда бывает трудно, и обращаться с ними следует осторожно, — сказал Донни, причем скорее для себя, чем для меня, а затем, взглянув на Пэт, добавил: — Ты ему объяснила, в чем проблема?

— Да, — ответила Пэт, повторив то, что рассказала мне.

Донни кивнул и снова на меня посмотрел:

— Ну так вот, нам нужен человек, который найдет его бывшую и сына. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Донни уселся на один из вращающихся стульев, откинулся на спинку и награбил меня оценивающим взглядом, демонстрируя деловые качества: бизнесмен нанимает на работу частного детектива.

— Вы берете почасовую оплату или за число отработанных дней?

— У меня жесткая такса. Вперед.

— Сколько?

— Четыре тысячи плюс накладные расходы. Счет за расходы я представлю, когда работа будет сделана.

— Это невысказано. Мы не можем заплатить четыре тысячи вперед.

— А как насчет шести тысяч?

Он постучал пальцами по столу и награбил меня хмурым взглядом чрезвычайно делового человека.

— Вы вернете деньги, если не найдете то, что ищете?

— Нет.

Донни Брустер снова принялся барабанить по столу. Уговаривал себя.

— Я поручил нашим юристам навести справки. Они разговаривали с одним человеком из офиса окружного прокурора и полицейским по имени Ито. Все сказали, что вы отлично справляетесь с подобными вещами. Сколько дел такого рода вы вели?

— Может, триста.

— Хмм. И сколько из этих трехсот дел закончились успешно?

— Думаю, двести девяносто восемь.

Донни поднял брови — мой ответ его явно впечатлил. Возможно, ему стало не так жалко четырех тысяч.

— Хорошо. Мы вас нанимаем. Сколько вам нужно времени, чтобы их найти?

— Не знаю.

— Ну хотя бы примерно.

Я только развел руками.

— Если она живет в Энсино и любит рассказывать своим друзьям, что была замужем за Питером Аланом Нельсеном, возможно, я найду ее завтра. Если она пять раз меняла фамилию и работает в миссии на Амазонке, на это уйдет больше времени.

— Боже праведный!

Я едва заметно пожал плечами и улыбнулся.

«Мистер Уверенность в Себе».

— Настолько плохо бывает не так уж часто. Люди, как правило, не меняют фамилию по пять раз и не уезжают на Амазонку. Они пользуются кредитными карточками, а в кредитной истории указывается их предыдущий адрес. Кроме того, у людей есть машины и права, а также номера страховок, и все это идеально помогает, когда нужно кого-то найти.

Моя уверенность его не слишком вдохновила. Он снова подергал себя за волосы, встал и начал расхаживать взад-вперед.

— Через три недели Питер должен приступить к съемкам нового фильма, и именно сейчас ему взбрело в голову искать свою семью. Господи, он не видел эту женщину десять лет. Мог бы подождать до окончания съемок.

— Это было бы бесчувственно с его стороны.

Донни скрестил руки на груди, продолжая расхаживать по комнате.

— Да, понимаю, как все это звучит, но и вы должны меня понять. Мы собираемся вложить в фильм Питера сорок миллионов долларов. Я уже истратил восемнадцать. Заказал декорации и звукозаписывающую аппаратуру. Пригласил звезд, которым нужно платить, даже если нет съемок, и набрал съемочную группу. Если Питер будет отвлекаться на посторонние дела, мы превысим бюджет на десятки миллионов долларов и получим очередной «Небесный замок». И тогда все: я пропал.

На его месте я бы, наверное, тоже нервничал.

— Ладно. В таком случае, может быть, лучше подождать до окончания съемок, а потом начать искать его семью. Бывшая жена ведь никуда не денется. И я тоже. Позвоните мне, когда дело будет сделано.

Донни закатил глаза, перестал расхаживать и упал на другой стул.

— Вы видели «Бензопилу»?

— Да.

— «Бензопила» — первый фильм Питера. Бюджет составил около четырехсот тысяч. Фильм принес четыреста миллионов долларов, и за один день Питер Алан Нельсен из никому не известного паренька, паркующего чужие машины, превратился в нового голливудского вундеркинда. Каждый его фильм приносит целое состояние. Каждая студия в городе хочет заполучить Питера Алана Нельсена на свою следующую картину. Самые знаменитые актеры обхаживают его в надежде на роль, а всемирно известные сценаристы, обладатели «Оскаров», готовы продать мать родную ради того, чтобы он прочитал их сценарий. Вы понимаете, что я говорю?

— Вы говорите, что Питер всегда получает то, что хочет.

— Совершенно верно, черт подери! Самое главное, самое важное, важнее и не бывает, чтобы Питер был счастлив и доволен. Питер желает найти этих людей, а мы желаем, чтобы Питер был счастлив, поэтому мы нанимаем человека, который их отыщет.

— Чтобы Питер был счастлив, — добавил я.

— Совершенно верно, черт побери! — Донни оперся ладонями о стол и встал. — Вы мне нравитесь. Очень нравитесь. Питер о вас знает, он хочет с вами встретиться, так что сейчас мы пойдем к нему. Если Питер будет счастлив и доволен, мы вас найдем.

— Самое важное, важнее и не бывает, чтобы Питер был счастлив.

— Точно. — Донни Брустер наклонился ко мне и заговорил тише, словно боялся, что его могут подслушивать. Настоящий Конспиратор. — По правде говоря, мне глубоко наплевать, найдете вы его бывшую или нет. Но если Питер будет счастлив и доволен, что кто-то ее ищет, значит, мы обеспечим ему такого человека.

«Мистер Искренность».

Он махнул рукой и направился к двери.

— Сейчас мы с ним встретимся. Что бы Питер ни сказал, кивайте и говорите: «Конечно». Если у него будут какие-нибудь пожелания, отвечайте: «Нет проблем». Если спросит, сколько времени займут поиски, скажите: «Максимум пару недель».

— Чтобы Питер был счастлив.

— Угу. Самое главное, чтобы он был счастлив и доволен.

Я посмотрел на Пэт Кайл, затем на Донни Брустера и покачал головой:

— Вы просите, чтобы я солгал клиенту. Я не буду этого делать. Вы также хотите, чтобы я ввел его в заблуждение. Этого я тоже не буду делать.

Донни остановился у двери. На лице его был написан ужас.

— Эй-эй, я ничего такого не говорил. Я люблю Питера Алана Нельсена, как брата. — Он метнул испуганный взгляд в сторону двери. Мало ли кто там подслушивает? — Я только просил вас с ним не спорить и на все соглашаться, а детали мы обсудим позже.

— Нет.

— Нет? В каком смысле? — Он бегом вернулся в комнату и расставил руки в стороны. — Вы не можете сказать «нет» Питеру Алану Нельсену!

— А я и не говорю «нет» Питеру Алану Нельсену. Я говорю это вам.

На лице Донни Брустера появилось удивленное выражение.

— Вы ведь хотите, чтобы Питер был счастлив, верно? Если он будет недоволен, вас не наймут. Вы понимаете, что означает такая работа?

— Язву желудка?

Донни еще шире развел руками с таким видом, словно не мог поверить, как можно не понимать таких простых вещей.

— Если вы работаете на Питера Алана Нельсена, вы попадаете в список «А». Оказавшись в этом списке, вы сможете получать заказы от самых влиятельных и знаменитых людей из мира кино. Может быть, про вас даже напишут в журнале «Пипл».

— Вот это да! — присвистнул я.

Донни воздел руки к потолку и посмотрел на Пэт Кайл. Она покраснела и явно занервничала.

— Что это за тип такой? — спросил он. — Кого ты ко мне привела?

Она предостерегающе выставила вперед руки.

— Возможно, человека с принципами?

Донни принялся снова тереть голову и дергать себя за хвостик. Он тер так сильно, что мне даже показалось, будто я вижу, как падают волосинки, но, с другой стороны, у меня слишком богатое воображение.

— Ничего не выйдет, — сказал Донни. — Питер ни за что не согласится.

— Мы с Питером довольно долго разговаривали про Элвиса, — сказала Пэт. — Мне показалось, что он не против.

Донни махнул рукой в мою сторону.

— Но он говорит, что не собирается играть по нашим правилам. Ты же знаешь Питера. Он может быть настоящим чудовищем. — Донни снова испуганно оглянулся, проверяя окна и двери на наличие желающих подслушать его откровения. — Но я люблю его, как брата.

— Он ждет нас через пять минут, — напомнила ему Пэт.

— Дерьмо собачье, — пробормотал Донни, и мне показалось, что он начал задыхаться.

— Да расслабьтесь вы, — посоветовал я ему. — Подышите в мешочек.

— Это ты расслабься, — возмутился Донни. — Я получил сорок миллионов баксов под Питера Алана Нельсена, а ты тут капризничаешь. Это Голливуд. Здесь никто не позволяет себе капризничать.

Я сложил пальцы пистолетом и выстрелил в него. Донни с несчастным видом рухнул на стул.

— Да-да-да. Это тоже нас ждет. Причем в спину.

— Донни, Элвис — настоящий профессионал, и у него отличные результаты, — сказала Пэт. — Он уже не раз выполнял такую работу.

— Но не для Питера Алана Нельсена!

— Я объяснила ему, что представляет собой Питер, а Питеру сказала, чего следует ждать от Элвиса. Питер все знает.

— О господи! Боже праведный!

— Донни, давайте пойдём к Питеру и покончим с этим делом. Я хороший специалист. Возможно, мне даже удастся найти его малыша. Подумайте, как он будет счастлив, — заметил я.

Донни прищурился и задумался над моими словами. Мне даже показалось, что я вижу, как у него в голове завертелись разные там колёсики и винтики.

— Да-да, правильно.

— Скажите ему, что я талантливый и блестящий специалист. Все знают, что с талантливыми и блестящими специалистами очень трудно.

Глаза Донни превратились в два блюдца, и он с силой шлепнул ладонями по столу, словно только что нашёл Розеттский камень.^[3]

— Точно! Правильно! С талантливыми и блестящими специалистами всегда трудно. — Он вскочил и бросился к двери. — Пошли, встретимся с ним и покончим наконец с этим делом.

И мы отправились на встречу с чудовищем.

Глава 2

Чудовище обитало в двухэтажном доме в стиле бунгало, прячущемся в зарослях банановых пальм и гевей в задней части студии. Когда-то это было самое обычное бунгало, но теперь все изменилось. Фасад украшала длинная веранда, окна закрывали широкие ставни, повсюду виднелись грубо отесанные шесты, связанные веревками, чтобы создавалось впечатление, будто вы оказались на тропическом острове. Что-то вроде дома на дереве, построенного швейцарской семьей Робинзонов.^[4] Крытая ветками с банановыми листьями крыша, весело журчащий искусственный ручей и черный флаг с черепом и костями на маленьком шесте довершали картину.

— Мы должны показать ему билетик, чтобы он нас впустил? — поинтересовался я.

— Оставьте ваши шуточки, ладно? — тут же нахмурился Донни Брустер. — Я скажу ему, что вы талантливый и блестящий специалист, но если вы начнете выделываться, он сразу поймет, что это не так.

«Славные ребята!»

Полы внутри были выложены грубо отесанными досками, а потолок как две капли воды походил на крышу. С него свисали каирские вентиляторы, которые медленно вращались. Мы прошли через прихожую и оказались в комнате с двумя большими диванами и маленьким круглым стеклянным столиком. Стены украшали афиши шести фильмов, снятых Питером Аланом Нельсеном. Диваны были застелены шкурами зебр, а афиши вставлены в рамки из шкур носорога — по крайней мере, мне так показалось. За столом из тикового дерева сидел безукоризненно одетый чернокожий мужчина, очень маленький. У него за спиной я разглядел дверь, тоже из тикового дерева, за которой кто-то дико вопил. Брустер снова потер голову, воскликнув:

— Боже праведный, и что же нам теперь делать!

Увидев нас, чернокожий мужчина радостно закивал. Видимо, он не слышал криков.

— Здравствуйте, мистер Брустер. Мисс Кайл. Питер сказал, чтобы вы, как только появитесь, сразу же проходили к нему.

Мы и прошли.

Офис Питера Алана Нельсена по длине мог бы посоревноваться с дорожкой для боулинга, а по ширине напоминал улыбку воздушного змея. Отделан он был в стиле прихожей киношного дома в Найроби. На одной стене висели афиши «Дикой банды», «Асфальтовых джунглей» и «Великолепной семерки». У противоположной стены между музыкальным автоматом «Вурлитцер-800 баббл-лайт» и видеоигрой «Убей или умри!» пристроился старый автомат фирмы «Вэбкор» по продаже сладостей. Он предлагал арахис «Эм-энд-Эм», изюм, жевательные конфеты со вкусом фиников и конфеты-в-день-получки. На свете нет ничего лучше таких конфет! Блондинка с шеей, словно выточенной из розового дерева, и плечами, как у Алекса Карраса, сидела боком на небесно-голубом «харлее-дэвидсоне электроглайд», стоящем на приколе в дальнем конце офиса. Блондинка была в черных велосипедках из спандекса с ярко-зеленой полосой, в черном же спортивном топике и серых кроссовках фирмы «Рибок». Я обратил внимание на массивные бедра, мощные накачанные икры и живот, будто вырезанный из камня. Взглянув в нашу сторону, она соскользнула с «харлея» и уселась рядом с парочкой парней, которые могли бы выступать в качестве болельщиков «Далласких ковбоев». Они удобно устроились на диване, застеленном шкурой зебры, один из них был в футболке «Стантс анлимитед», другой — в спортивных штанах и ковбойских сапогах. Парни бросили взгляд в нашу сторону и тут же снова уставились на Питера Алана Нельсена.

Питер Алан Нельсен стоял на мраморном рабочем столе, размахивал руками и так громко вопил, что его лицо стало багровым. Около шести футов двух дюймов роста, тощий, задница шире плеч. Похоже, в детстве он был рыхлым и неуклюжим. Квадратное лицо делало его похожим на Фреда Макмюррея. Одет он был в черные кожаные штаны с серебряным ремнем и голубую хлопчатобумажную рубашку с закатанными рукавами, из которых торчали тощие руки. Стил, популярный в середине семидесятых, но, думаю, Король Приключений может позволить себе одеваться, как ему вздумается. Король заорал диким голосом:

— Остановите пленку! Не хочу смотреть на это дерьмо! Господи, вы что, все разом спятили?!

Питер Алан Нельсен орал на аккуратно одетую женщину и мужчину с лицом кролика, которые стояли рядом с большим телевизором «Мицубиси». Мужчина возился с видеомагнитофоном, пытаясь вытащить кассету, но у него ничего не получалось, и женщине пришлось ему помогать.

Донни, дергая себя за волосы, бросился вперед.

— Питер, что происходит? Эй, если у тебя проблемы, я здесь для того, чтобы их решить!

Женщина у телевизора объяснила:

— Мы показали ему пленку с работами нового художника по костюмам. Ему она понравилась, но потом мы сказали, что он с телевидения.

Питер громко застонал, затем спрыгнул со стола, метнулся к телевизору, вырвал пленку из рук пунцового мужчины с лицом кролика и вышвырнул в окно. Когда Питер бросился к ним, мужчина отшатнулся, однако женщина даже не шехолнулась.

— Он все делает неправильно! — завопил Питер. — Неужели вы не понимаете, что такое текстура? И плотность образов? Телевидение — это мелко. Кино — это мощь и величие. Я делаю кино, а не работаю на телевидении!

Донни развел руками, показывая, что он не понимает, как такое могло произойти.

— Господи, Питер, извини. Мне очень жаль, что так получилось. Поверить не могу, что они решились отнять у тебя драгоценное время, показав работу парня с телевидения. Как я могу исправить их ошибку?

Похоже, он хотел продемонстрировать мне, как следует себя вести, чтобы Питер был счастлив и доволен.

— Если хочешь все исправить, поцелуй меня в задницу на Голливудском бульваре, — взвыл Питер.

Мне не показалось, что он стал счастливее, но, с другой стороны, Донни виднее, он же у нас специалист по этому вопросу.

— Ты, мать твою, окончательно свихнулся, — заявила аккуратно одетая женщина, повернулась и вышла, уводя с собой мужчину с лицом кролика.

Когда они проходили мимо меня, я принялся напевать «В мире нет ничего лучше шоу-бизнеса». Пэт Кайл пихнула меня локтем в бок.

Донни широко улыбался, показывая всем, что они с его верным другом Питером заодно.

— Эй, нет так нет, Пит-мэн! — (Представляете, Пит-мэн.) — Хочешь получить другого художника, ты его получишь. Мы же здесь кино делаем, верно?

— Дерьмо! — изо всех сил заорал Питер Алан Нельсен.

Затем он подошел к «харлею» и пнул его ногой. Сильно. На полу, в тех местах, где мотоцикл, судя по всему, уже не раз падал, остались отметины. Блондинка дождалась, когда Питер закончит, затем поставила «харлей» на место, а я залюбовался тем, как играют ее могучие мышцы. Питер не обратил на нее ни малейшего внимания. Он стоял посреди комнаты, тяжело дыша и опустив руки, словно внутри его бушевала слепая ярость, с которой он, как ни старается, не может справиться. Ну просто театр одного актера.

— Я Элвис Коул, — представился я. — Вы вроде хотели со мной что-то обсудить? Или мне уйти, чтобы вам не мешать?

— Вот дерьмо! — выдохнул Донни Брустер и принялся размахивать руками, показывая, что он больше всего на свете хочет сделать Питера счастливым. — А он шутник. Правда, Пит-мэн? Этот парень — частный детектив, о котором мы с тобой говорили. Он...

— Я его слышал, — сказал Питер и подошел ко мне.

Он протянул мне руку, и я ее пожал. Он сжал мою ладонь сильнее, чем требовалось, и подошел ближе, чем положено подходить к незнакомому человеку.

— Извините за то, что вам пришлось увидеть, — проговорил он. — Эти ребята нагрузили меня масштабным фильмом, а теперь имеют во все места. Меня это слегка выводит из себя.

— Понятное дело.

Он кивком показал на женщину:

— Это Дани.

Затем махнул рукой на двух парней:

— Ник и Ти-Джей. Они на меня работают.

Ник был в футболке «Стантс анлимитед», а Ти-Джей — в обтягивающих сапогах. Каждый из них весил больше Питера примерно фунтов на шестьдесят.

— Вы видели мои фильмы? — спросил Питер.

— Я видел «Бензопилу» и «Трудное дело».

— И как они вам?

— Неплохо. «Бензопила» напомнила мне «В поисках».

Он чуть заметно улыбнулся и кивнул:

— Мне было двадцать шесть. «Бензопилу» я снимал сразу после киношколы. Я тогда свою задницу от дырки в земле отличить не мог, а потому и изгалялся как мог.

Донни смотрел на него, продолжая держать в руке телефонную трубку, которую зачем-то схватил.

— Мы как раз говорили про «Бензопилу» перед тем, как к тебе прийти. Не фильм, а просто динамит. Динамит. Огромные сборы.

Питер подошел к автомату, треснул по нему ладонью, потянул на себя рычаг и получил бесплатно упаковку орешков «Эм-энд-Эм». Разорвал ее зубами, бросил пакетик на пол и высыпал половину содержимого себе в рот. Он никому не стал предлагать конфеты, а Дани спокойно подошла и подняла пакетик.

Затем Питер направился к мраморному столу и уселся на него по-турецки.

— Похоже, мы с вами ровесники. Сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

— Мне тридцать девять. Мы разговаривали с одним копом, который сказал нам, что вы были в Наме.^[5] Это правда?

Он наклонился вперед и произнес «в Наме» так, как это принято на телевидении: с восторгом, интересом и недоверием. Совсем как Барт Симпсон.^[6]

— Угу.

Он высыпал в рот очередную порцию орешков.

— Тот коп сказал, что вы там здорово отличились и получили кучу медалей.

— Копы много чего знают.

— Я тоже пытался записаться, но меня не взяли. У меня проблемы с тазобедренными костями. — Он посмотрел на афишу с Джоном Уэйном в «Кровавой аллее». Дюк стрелял из автомата в каких-то коммуняк. Широкие плечи и почти никакой задницы. — Никстер тоже был в Наме.

«Никстер».

— Аэромобильный отряд, — кивнул Никстер.

— Я жутко хотел попасть в такой отряд, — заявил Питер. — Носиться по небу. Если бы я не был таким старым, то отправился бы в Саудовскую Аравию.

— Ты там был бы лучше всех, приятель, — откликнулся Никстер. — Я с радостью взял бы тебя в мой отряд вместо половины говнюков, которыми мне пришлось командовать.

— Класс, твою мать! — добавил Ти-Джей.

Питер кивнул, опечалившись из-за того, что ему не пришлось носиться по дружественным небесам Вьетнама и Саудовской Аравии.

Донни положил телефонную трубку и повернулся к нам, изобразив на лице широкую улыбку и всем своим видом демонстрируя, что у-него-все-под-контролем.

— Слушай, Пит-мэн, ты не хочешь, чтобы парень с телевидения работал на твоей картине. Считай, что он уже вчерашний день. Все, его больше нет. Он останется лишь в нашей памяти. Итак, скажи-ка мне, чего ты хочешь от художника. Нам нужно принять решение и продолжить делать декорации.

— Отстань, Донни, — сказал Питер. — Я занят.

Донни поморщился, и у него сделался испуганный вид.

— Но послушай, Питер. Мы должны снять фильм. Пора заняться делом. Некоторые вещи больше нельзя откладывать.

— Донни? — позвал Питер, не глядя на него.

— Да, Пит-мэн?

Питер плюнул в него разжеванным орешком, который угодил в правую штанину, повисел пару секунд и упал, оставив зеленый след.

— Вали отсюда.

Пэт Кайл фыркнула. Донни побледнел и напрягся, словно конфетка была кусочком дерьма, и на мгновение на его лице появилось сердитое выражение. Затем постепенно, очень медленно, гнев начал отступать, как будто маленькие человечки внутри Донни разобрали его на кирпичики. Когда они все были спрятаны, человечки выстроили улыбку. Не слишком удачную, но, наверное, маленькие человечки устали работать без передыха.

— Конечно, Пит-мэн, — ответил Донни. — Как скажешь. Я позвоню позже. Слушай, мне правда очень жаль, что тебе морочили голову с тем типом с телевидения.

Голос у него звучал немного напряженно. Видимо, в контролирующей его команде не все были высококлассными специалистами.

Донни Брустер повернулся и вышел, даже не посмотрев на меня и Пэт Кайл. Впрочем, на Ника, Ти-Джея и Дани он тоже не посмотрел. Питер засунул остатки орешков в рот, смял бумажку, швырнул в корзину для мусора и не попал. Дани ее подняла.

— Конечно, Пит-мэн. Как скажешь, — плаксивым голосом проныл Никстер.

Питер, Ти-Джей и Никстер рассмеялись. Дани оставалась совершенно серьезной.

Я посмотрел на Пэт Кайл. В ее глазах застыло жесткое выражение, она сжала зубы и смотрела в пол.

«И что теперь, отказаться от шоу-бизнеса?»

Я взглянул на Питера Алана Нельсена. Ник и Ти-Джей валялись на диване и хохотали, хлопали в ладоши и колотили друг друга по чему попало.

— Питер, я пришел сюда вовсе не затем, чтобы смотреть домашние спектакли, — сказал я.

Смех тут же прекратился.

— Я пришел, потому что меня попросила Пэт Кайл, с которой я дружу, а на вопросы о себе отвечал, поскольку именно так себя ведет большинство людей: ходят вокруг да около, прежде чем приступить к делу. Но все, мы уже в конце пути. И если вы не покончите со всем этим дерьмом и не приступите к делу, я уйду, а вы ищите себе кого-нибудь другого.

Питер Алан Нельсен заморгал, глядя на меня удивленными глазами маленького мальчика. Ти-Джей встал с дивана, упер руки в бока и уставился на меня с наглой ухмылкой.

— Ни фиги себе, Питер! Похоже, этот парень напрашивается на неприятности, — нахмурился Никстер.

Дани опустила свои могучие руки и, шагнув вперед, оперлась правым бедром о край стола совсем близко от Питера. Четырехглавая мышца ее левой руки сокращалась, словно пульсирующее сердце. Питер, едва заметно улыбаясь, довольно долго сверлил меня взглядом, причем, у него был вид мальчишки, которого поймали за поеданием

червяков и который знает, что это нехорошо. Вид у него был даже слегка смущенный.

— Ник, Ти-Джей, пойдите выпейте пивка или еще чего-нибудь, — сказал он наконец.

Ник и Ти-Джей посмотрели на него и вышли, причем Никстер, проходя мимо, чуть ли не задел меня плечом. Когда они убрались, Питер соскользнул со стола, вынул из бумажника маленький снимок и протянул мне. Снимок был сложен пополам и пожелтел, как желтеют старые фотографии, когда годами пылятся в коробках, куда никто не заглядывает. На снимке был изображен Питер, намного моложе нынешнего и еще более худой, с длинными вьющимися волосами, в футболке с надписью «КИНОСТУДИЯ ЮЖНОКАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА». Он сидел на уродливом диване, обтянутом какой-то тряпкой, и держал на руках крошечного младенца. Ни тот ни другой не выглядели особо счастливыми.

— У меня есть бывшая жена и сын. Я не видел его с тех пор, как ему исполнился год. Или типа того. Его зовут Тоби. Мы называли его в честь Тоби Тайлера из фильма «Десять недель с цирком». Сейчас ему уже, наверное, двенадцать, но я не знаю, жив он или нет. А может, он инвалид и лежит в какой-нибудь больнице. Я не знаю, нравятся ли ему черепашки ниндзя. Вы меня понимаете?

Я кивнул.

— А что, ваша бывшая жена ни разу не обращалась к вам за денежной помощью на содержание ребенка?

— Не обращалась.

— А как насчет алиментов?

Он беспомощно развел руками.

— Я вообще ничего про нее не знаю. Она с таким же успехом может находиться на Луне.

— Питер, а вам не приходило в голову, что она просто не хочет, чтобы ее нашли? — спросил я.

Он уставился на меня, явно не понимая вопроса.

— Прошло десять лет, вы жили не слишком замкнуто. Если бы она хотела вас разыскать, то легко могла бы это сделать. Мне приходилось выполнять подобную работу, и в конце концов оказывалось, что все хотят только одного: чтобы их оставили в покое.

Дети напуганы и ничего не понимают, а родители вспоминают старые обиды и начинают новую войну.

Питер сделал глубокий вдох, покачал головой и с интересом оглядел свой офис. Без Ти-Джея, Никстера и Донни Брустера он казался пустым, а Питер ужасно одиноким.

— Я стою... сколько... Может, двести миллионов, что-то вроде того, — произнес он. — Если у меня есть ребенок, половина принадлежит ему. Разве не так? — Он словно пытался убедить меня в своей правоте. — А что, если ему нужна машина? Если его мать не может платить за колледж?

— Иными словами, вы хотите стать отцом, — констатировал я.

Он убрал снимок очень молодого Питера Алана Нельсена и его крошечного сына. Тоби. Тоби Тайлер и цирк.

— Если он не умер, я его отец, и мои желания в данном случае здесь ни при чем. Так ведь?

— Да, должно быть, так, — согласился я.

— Пусть Карен на меня злится. Пусть я вел себя тогда не лучшим образом и все испортил. Неужели это означает, что я до конца жизни должен расплачиваться за свои ошибки?

— Не означает.

Он снова тряхнул головой, обошел свой мраморный стол и уселся за него, точно вдруг постарев, и снова достал фотографию.

— Знаете, что странно? — спросил он. — В этом мире есть частичка меня, мой сын, а я о нем ничего не знаю и даже не видел его. Мне кажется, я его чувствую, словно это я сам, понимаете?

— Понимаю, — кивнул я и добавил: — Но мальчик может так не чувствовать. И уж ваша бывшая жена наверняка.

Он встал и подошел к автомату для игры в пинбол, потом к видеоигре и к «Вурлитцеру». Он останавливался, потом снова начинал ходить и снова останавливался, как будто не знал, что с собой делать, где он должен находиться или как выразить все, что у него на душе.

— Просто скажите, — посоветовал я ему.

Он повернулся ко мне, и на его лице появилось какое-то потерянное, отстраненное выражение, словно ему было больно произносить эти слова.

— Я просто хочу поздороваться со своим сыном.

— Понимаю и обязательно помогу вам его найти, — сказал я.

Режиссер, входящий в тройку самых известных в мире, тяжело вздохнул.

— Хорошо. Очень хорошо. — Он пересек комнату и пожал мне руку. — Хорошо.

Глава 3

Чернокожий секретарь просунул в дверь голову и сообщил Питеру, что некто по имени Лонгстон требует его немедленно в павильон.

Мы вышли из офиса и вернулись в реальный мир инопланетян, нефтяных баронов и людей, которые подозрительно походили на работников студии. Патриция Кайл, Питер Алан Нельсен и я шли рядом, Дани замыкала шествие. Где-то между офисом Питера и павильоном звукозаписи снова появились Ти-Джей и Ник. При этом Ник всякий раз, когда я смотрел в его сторону, изображал из себя крутого парня. Он меня напугал просто до полусмерти. Стоит на такого взглянуть, как сразу хочется отдать ему свою лицензию. Вместо этого я повернулся к Питеру Алану Нельсену и спросил:

— Как зовут вашу бывшую жену?

— Карен Нельсен.

— Нет, я имею в виду девичью фамилию.

— Карен Шипли. Тот коп, с которым мы разговаривали, Ито, сказал, что вы мастер по боевым искусствам. Что даже вырубил какого-то убийцу из Японии.

— А сына как зовут? — спросил я.

— Тоби Сэмюэль Нельсен. Сэм в честь Сэма Фуллера. Великий режиссер. А в вас когда-нибудь стреляли?

— Один раз в меня попала осколочная граната.

— И что вы почувствовали?

— Питер, давайте лучше поговорим про вашу бывшую жену.

— Ладно, конечно. Что вы хотите знать?

Мы шли по длинным задним улицам студийного городка, а люди бросали свои дела и смотрели на него. Они видели знаменитостей каждый день и не стали бы пялиться на Мела Гибсона, Харрисона Форда или Джейн Фонду, а от Питера Алана Нельсена не могли оторвать глаз. Он выпрямлялся во весь рост, а когда говорил, делал широкие жесты, словно все происходящее записывалось в анналы истории, а он выступал на сцене перед восхищенными зрителями. Может быть, они тоже так думали. Может быть, поскольку Питер был

Королем Приключений, они надеялись, что перед ними неожиданно появится биплан Стирмена или из-за угла выскочит «ламборджини контакт», за рулем которого сидит Дэрил Ханна, преследуемая психопатами в навороченных «фордах» со сверхмощными двигателями, и Питеру придется вступить за нее. И это будет что-то. Если бы Дэрил Ханна управляла «контактом», Питеру пришлось бы двигаться очень быстро. Потому что я планировал добраться до него первым.

— Хорошо. У вас есть какие-нибудь мысли насчет того, где может жить Карен? — спросил я.

— Нет.

— Вы думаете, она все еще здесь, в Лос-Анджелесе?

— Не знаю.

— Она когда-нибудь говорила о каком-нибудь конкретном месте, ну, например: «Я бы хотела жить в Палмдейле» или «Лос-Анджелес — величайший город в мире. И я никогда отсюда не уеду». Что-то вроде того?

— Я никогда не думал о том, чтобы жить в каком-нибудь другом месте.

— Не вы. Она.

— Не знаю.

— У нее были друзья?

Он поджал губы и тряхнул головой.

— Полагаю, были. — Потом задумался и добавил: — Не знаю. Я занимался своими делами.

Ему явно стало неловко, что он не смог ответить на мой вопрос.

Я посмотрел на Пэт Кайл.

— Где она родилась, Питер? — спросила Пэт.

— В Аризоне или Нью-Мексико. Может, в Фениксе. — Он нахмурился. — Мы никогда не обсуждали эти вещи.

— Ладно.

— Почему бы вам не спросить то, что я знаю?

— Хорошо. А что вы знаете?

Он снова задумался.

— Про Карен?

— Угу.

— Не знаю.

— Как вы познакомились? — спросил я. — Она была членом какого-нибудь клуба или организации? У нее есть братья или сестры, тети или дяди, кузены, бабушки или дедушки?

Я подумал, что если задам побольше вопросов, то мне повезет и я получу хотя бы какой-нибудь ответ.

— У меня есть старшая сестра, — ответил Питер. — Она замужем за толстым парнем, который живет в Кливленде.

«Ох уж это его „я“!»

— Отлично. Но это про вас. А как насчет Карен?

— О! — Неплохая реакция. Потом он все-таки добавил: — Мне кажется, она была единственным ребенком. Думаю, ее родители умерли.

— Но вы не знаете.

— Они умерли.

Мы прошли еще немного, раздумывая над его словами. Затем он произнес:

— Может быть, она из Колорадо.

Мы вошли в двойные двери высотой примерно в двадцать шесть футов и оказались в сером, под цвет боевого корабля, павильоне звукозаписи, который был перестроен под зиккурат майя. Двери были открыты, чтобы впустить свет и воздух. Над нами и вокруг нас дюжины мужчин и женщин в шортах и футболках цеплялись, точно пауки, за леса, прикрепляя заполненные вакуумом пластиковые панели к деревянным рамам. Панели изображали каменные блоки. Со всех сторон доносился стук молотков, визжание пил и рев шуруповертов, пахло краской и синтетическим клеем, где-то смеялась женщина. Было жарко, и многие мужчины сняли рубашки.

Крепко сбитый парень с бородкой а-ля Ван Дейк и рулонами строительных планов в руках заметил Питера и направился к нам. Питер нахмурился и попросил:

— Ник, Ти-Джей, прикройте меня!

Ник махнул рукой в сторону Бороды, а Ти-Джей поспешил его перехватить. Они прикрыли Питера своими телами.

Мы свернули налево, прошли мимо парней, которые строили нечто похожее на жертвенный алтарь, и, протиснувшись между двумя декорациями и мотком электрических кабелей, оказались на небольшой площадке, превращенной в некое подобие офиса: с

рабочим столом, телефоном и кофейным автоматом. Рядом со столом стоял еще один автомат по продаже конфет. Питер пнул его локтем, и из него вывалилась шоколадка.

— Такие автоматы имеются во всех павильонах, — сообщила Дани деловым тоном, словно общалась с прессой. — Это записано в контракте.

— Пойди отыщи Лонгстона, — велел ей Питер. — Скажи, что мы прячемся здесь и готовы к работе.

Дани протиснулась между декорациями и исчезла в темноте. Ник стоял за ними и по-прежнему старался на меня не смотреть.

— Вечно им что-то от меня нужно, — заявил Питер. — Вот почему мне приходится прятаться.

Он снял обертку с шоколадки, засунул ее почти целиком в рот, а обертку бросил на пол. Мне стало интересно, как часто здесь подметают.

— Расскажите, как вы познакомились, — попросил я.

— Я учился в Университете Южной Калифорнии, когда познакомился с Карен. Я объявил о наборе актеров на свой фильм, и Карен позвонила, чтобы принять участие в пробах. Фильм был про байкеров шестидесятых. Восемнадцать минут, синхронизированный звук, черно-белый. Хотите посмотреть?

— Карен в нем играет?

— Нет. Я не дал ей роль.

— В таком случае мне незачем его смотреть.

— Я сделал запись ее проб, но не смог ее найти. Зато у меня сохранилось несколько кусков. Это было очень давно, и пленка в бета-формате, я ее принес. Если хотите взглянуть, возможно, нам удастся найти машинку. Я с ней очень неплохо поработал.

Снова я. Я познакомился. Я женился. Я жил. Может быть, Карен Шипли вообще была ненастоящей. Может, она, как Пиноккио, — деревянная кукла, которую он оживил.

— А что такое запись проб?

— Так актер представляет себя агентам, — ответила Пэт. — Он рассказывает о себе, иногда что-нибудь читает. Питер снял гораздо больше, чем требовалось Карен, затем сократил запись до трех или четырех минут. А то, что они вырезали, не вошло в конечный продукт, но сохранилось.

Питер кивнул и что-то пробормотал, но у него снова во рту была шоколадка, и я ничего не понял.

— Хотелось бы на нее взглянуть, — сказал я. — А фотография у вас есть?

Питер проглотил шоколад и покачал головой.

Пэт открыла портфель и достала черно-белый снимок восемь на десять, на котором была изображена симпатичная девушка с темными волосами и глазами, которые, видимо, в жизни были зелеными или карими.

— Я позвонила своему приятелю из Гильдии киноактеров, и он прислал мне эту фотографию.

Девушка на снимке была одета как официантка, в кружевной передник и наколку, на лице застыла радостная улыбка, которая сообщала всем, что пирог с лимоном сегодня просто великолепный. Я ей не поверил. Внизу, под фотографией, на широкой белой полоске крупными печатными буквами было написано «КАРЕН ШИПЛИ».

— Хорошенькая, — сказал я. — Слушай, а твой приятель из гильдии не говорил, у Карен был агент?

Пэт снова открыла портфель и достала конверт, достаточно большой, чтобы туда могли поместиться снимки восемь на десять.

— Оскар Кертисс. У него здесь офис, неподалеку от Лас-Палмас. Адрес в конверте.

Питер подошел ко мне и посмотрел на фотографию.

— Господи, я помню этот снимок. — Он показал на лицо Карен. — Ничего особенного. Видите, нос, слишком обыкновенный. А рот? Может быть, ему бы следовало быть покрупнее. Она сделала эти фотки до того, как мы познакомились. Когда я их увидел, я спросил: «Боже, с какой стати ты вырядилась как тупая официантка?» А она ответила, что подумала, это будет классно. Я ей сказал: «Что за хрень!» — Он некоторое время разглядывал фотографию, потом посмотрел на Пэт Кайл. — Можешь сделать мне такую?

— Конечно, — ответила Пэт.

Питер снова посмотрел на фотографию, и мне показалось, что его лицо смягчилось, точно с него слетело все наносное.

— Она сразу забеременела, потом родился ребенок, ну а я в семейную жизнь не вписывался. Я метался от одной работы к другой, пытался хоть как-нибудь удержаться в кино, а она рассказывала мне

про памперсы. Меня выгнали из киношколы. Это было ужасно. Вот я и сказал, что это не мое, я больше не хочу быть женатым, а она не стала спорить. Не думаю, что я видел ее или мальчика с тех пор, как мы подписали бумаги. Через некоторое время после этого вышла «Бензопила», и дальше все закрутилось. — Он развел руками, пытаясь лучше выразить свои чувства. — Я стал больше.

— Карен работала или только хотела стать актрисой? — спросил я.

— Немного снималась, и еще несколько раз ее приглашали в массовку. Это когда им нужно, чтобы на заднем плане появлялось хорошенькое личико.

— А куда отправляют гонорары?

— Ей начислено четыреста шестьдесят восемь долларов и семьдесят два цента за съемки в «Адаме двенадцать». Но никто не знает, куда их отправить.

Лицо Питера вдруг просветлело. Он снова подошел к автомату, треснул по нему локтем, получил «Алмонд джой» и бросил очередную обертку на пол.

— О, я это помню. Я поехал с Карен, чтобы попытаться уговорить продюсера разрешить мне снять один эпизод. Но тот даже слушать меня не стал. Дерьмо телевизионное. Вонючий продюсер дурацких сериалов заявил мне, что я не подхожу для «Адама двенадцать». Сказал, что они делают «стильные» вещи. Боже мой, я не вспоминал о нем много лет.

У меня сложилось впечатление, что, вспоминая какие-то эпизоды из своей жизни, Питер мог привязать их к Карен. Только так, а не иначе.

Вернулась Дани с толстым типом в вязанном из разноцветной шерсти свитере.

— Это Лонгстон. Мой оператор. Мне нужно обсудить с ним проход камеры по декорациям, изображающим пирамиды. Вы хотите еще что-нибудь про меня знать?

— Карен. Мы говорили про Карен.

У Питера сделался недовольный вид.

— Я именно это и имел в виду. Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь. Вам достаточно лишь назвать мое имя. В этом городе это все равно что сказать: «Сезам, откройся».

— Али-Баба.

— Точно, — улыбнулся он. — Совсем как Али-Баба.

Питер подошел к Лонгстону.

— Ну? — спросила Пэт.

Я покачал головой:

— Он про себя знает, а вот про нее нет. Как долго они были женаты?

— Четырнадцать месяцев.

Я снова покачал головой. В моем деле это приходится делать очень часто.

Мы с Пэт прошли мимо электрических кабелей, потом между декорациями и направились к большой двери. Мы уже почти к ней подошли, когда Питер Алан Нельсен завопил:

— Эй, Коул!

Я обернулся. Питер забрался на один из подвесных мостиков и радостно мне улыбался. Рядом с ним стояли Дани, толстяк Лонгстон и еще несколько человек, скорее всего строителей.

— Я рад, что ты на меня работаешь, — сказал он. — Мне нравится твой стиль. — Он швырнул вниз батончик «Марс» — наверное, под потолком имелся еще один автомат. — Я и ты, — добавил он, — мне кажется, мы из одного теста. Люблю таких.

Я хотел было сорвать бумажку с «Марса» и бросить на пол, но решил, что это будет мелко, а потому откусил большой кусок прямо с оберткой.

Питер еще шире заулыбался и крикнул:

— Да ты дикарь, приятель.

Пэт Кайл только покачала головой.

Мы прошли в большую дверь и оказались на улице, где светило солнце. У обертки оказался отвратительный вкус. Если Дэрил Ханна меня видела, то, надеюсь, осталась под большим впечатлением.

Глава 4

Мы с Пэт Кайл вернулись в офисы «Кэпстоун», где кто-то уже успел установить видеомэгнитофон «Сони бетамакс» и положить на стол несколько желтых полицейских блокнотов и карандаши, чтобы делать записи. В конверте, закрепленном скотчем на видеомэгнитофоне, я нашел чек на четыре тысячи долларов. На боковом столике стояли кофейник со свежим кофе и поднос с булочками, сливочным сыром, копченой лососиной, нарезанными помидорами и красным луком.

— Компания нужна? — спросила Пэт.

— Конечно.

Пэт включила видеомэгнитофон, вставила кассету, и перед нами предстала девятнадцатилетняя Карен Шипли, которая вошла в пустую комнату и остановилась около табуретки. На сей раз она не стала изображать из себя официантку. На эти пробы она надела выцветшие джинсы, прозрачную белую кофточку и красные сапоги. У нее был великолепный загар, и она производила впечатление человека, который много времени проводит на свежем воздухе. Каштановые волосы были коротко подстрижены и пушистым облаком обрамляли лицо. Глаза у нее оказались карими. И никакой косметики.

Карен посмотрела на кого-то за камерой и сказала:

— Что я должна сделать?

У телевизора был какой-то металлический, неживой звук, и все равно мне понравился ее голос — легкий и какой-то девчоночий. Она захихикала.

С той стороны, куда она смотрела, послышался голос Питера Алана Нельсена.

— Покажи нам спину, потом правый бок и левый. И постарайся не хихикать.

Карен повернулась левым боком, потом спиной, затем правым боком. Прodelывая все это, она без умолку болтала, раскачивалась, подпрыгивала на месте и извивалась. Так обычно ведут себя пятнадцатилетние девчонки, когда изображают взрослых людей.

— Вот мой левый бок, а это моя спина. А теперь правый бок. — И она захихикала: — Хи-хи-хи.

— Господи! — пробормотала Пэт Кайл.

— Похоже, ее талант тебя не впечатляет.

Пэт сочувственно улыбнулась:

— Я каждую неделю получаю такие пленки. Молодые женщины и мужчины приходят ко мне в офис, чтобы что-нибудь сыграть или прочитать. И им так отчаянно хочется понравиться, что это написано на их лицах, но они не лучше той девушки, которую ты только что увидел, и никогда не будут лучше.

— Иными словами, ты подозреваешь, что она не стала актрисой и работает где-то в другой области?

Пэт пожалала плечами, словно хотела сказать: надеюсь, что нет.

Картинка неожиданно изменилась, и мы увидели лицо Карен крупным планом. Вблизи сразу становилось понятно, что у нее совсем нет ни характера, ни силы воли. Она рассказывала о себе и пыталась быть серьезной.

— ...мне кажется, моя сильная сторона — это комедия, но я могу играть и в драме. Думаю, из меня получится действительно хорошая инженерю.

Голос Питера резко прервал ее рассказ.

— Ты говоришь совсем как придурок из пивной — «действительно хорошая инженерю». Если ты инженерю, так и говори. Скажи: «Я великолепная инженерю».

У Карен сделалось несчастное лицо, и она умоляюще спросила:

— О, Питер, я, что ли, взаправду должна?

Обращаясь к Питеру, она отворачивалась от камеры, а когда играла, смотрела прямо в нее.

— Какого хрена я тут трачу свое драгоценное время? — взорвался Питер.

Карен сделалась еще несчастнее, затем улыбнулась, посмотрела в камеру, напустила на себя серьезный вид, произнесла требуемые слова — и захихикала.

Дальше было то же самое, все эпизоды оказались совершенно одинаковыми. Как правило, это были фрагменты — пять секунд одного, восемь секунд другого, — и многие повторялись. Питер задавал вопрос или говорил, что она должна сделать. Карен отвечала

или делала. Она была такой наивной, такой непосредственной. Возможно, потому, что ей было всего девятнадцать. Она старалась, даже когда огорчалась.

А у меня уже заурчало в животе, и я то и дело поглядывал на лососину и булочки. Мне даже пришлось несколько раз напомнить себе, что я совсем недавно завтракал в кафе «Люси».

В какой-то момент Питер появился на экране и протянул ей три страницы сценария. Он был в оранжевой футболке, какие носят морские пехотинцы, с парой пятен на спине. «Меня не взяли. У меня проблемы с тазобедренными костями». Он был молодым и тощим, с такой же точно фигурой, как и сейчас: здоровая задница, плечи, похожие на вешалку для пальто, и напряженное выражение глаз. Волосы торчали в разные стороны, и на маленьком телевизионном экране казалось, будто в них целых три фута длины. Карен откашлялась и прочитала из «Роки» речь Талии Шир, когда та вдохновляет Сильвестра Сталлоне на дальнейшие подвиги. Читала она плохо. Закончив, захихикала и спросила Питера, понравилось ли ему. Он сказал, что нет.

Запись продолжалась двадцать две минуты. И за все это время Карен Шипли ни разу не упомянула свою семью, друзей или город, из которого она родом. Она принималась хихикать шестьдесят три раза. Я сосчитал. Должен признаться, что хихиканье не входит в перечень моих любимых вещей.

Когда пленка закончилась, Пэт Кайл выключила телевизор и мы занялись ланчем. Платила «Кэпстоун пикчерс».

Через час и десять минут, наевшись буррито и выпив пива «Дос эквис», Пэт Кайл вернулась на работу. И я последовал ее примеру.

Лас-Палмас, расположенный над бульваром Санта-Моника, застроен скучными, безликими лавками, сдающими напрокат костюмы и звукомонтажное оборудование, а также маленькими одноэтажными домиками с вывесками, рекламирующими водолечение. Женщины в цветастых топиках толкали перед собой детские коляски, мужчины, выглядевшие так, словно искали дневную работу, слонялись у крошечных рынков, а дети выделывали немислимые фигуры на скейтбордах.

Я заехал в «Севен-илевен» на Фаунтен, неподалеку от Ла-Бри, разменял два доллара на четвертаки и, выскочив наружу, успел

опередить двух толстяков, направлявшихся к телефону-автомату, висящему на стене. Один из толстяков торопился, другой — нет. Тот, что торопился, сделал такое лицо, точно у него прихватило живот, и сказал: «Вот дерьмо!» — когда мне удалось добежать до телефона первым. Тот, что не спешил, прислонился к решетке белого грузовика, рекламирующего ремонт окон, и принялся спокойно потягивать «Миллер хай лайф». Неужели Майк Хаммер^[7] использует «Севен-илевен» в качестве своего офиса?

Я засунул в автомат четвертак, набрал номер женщины, которая работает в телефонной компании, и поинтересовался, есть ли у них какой-нибудь номер Карен Шипли — зарегистрированный, а может, и нет в Калифорнии — или Карен Нельсен. Она сказала, что перезвонит, но не раньше чем завтра. Я спросил, знает ли она мой номер. Она рассмеялась и ответила, что уже несколько лет, как знает. Мне такое не раз говорили.

Когда я повесил трубку, толстяк, который спешил, бросился вперед. Но я засунул в автомат очередной четвертак, и он воздел руки к небесам, закатил глаза и вернулся к грузовику. Наверное, у него выдался не слишком удачный день. Его приятель сделал новый глоток «Миллера» и громко рыгнул. Впрочем, он успел прикрыть рот двумя пальцами и извиниться. Надо же, вежливый!

Я позвонил еще одной своей знакомой, которая работает в отделе кредитования в «Бэнк оф Америка», и попросил ее провести кредитную проверку Карен Шипли и Карен Нельсен, поскольку оба эти имени могут значиться как основные имена на счете или как девичьи в связи с другим, неизвестным. Она сказала, что все сделает, если я приглашу ее на игру «Лейкерс». Я предложил ей придумать что-нибудь еще, так как все равно собирался пригласить ее на эту игру. Она фыркнула, сказала, что позвонит завтра, и повесила трубку. Ну разве не милашка?

Толстяк напрягся у своего грузовика совсем как Карл Льюис,^[8] готовый сорваться со старта. Я показал еще одну монетку и скормил ее телефону. Толстяк побледнел, треснул рукой по крылу грузовика, затем на всех парах обогнул его и влетел в «Севен-илевен». Его приятель сделал еще один глоток и покачал головой:

— У него точно будут проблемы со здоровьем.

— Уговори его заняться йогой, — посоветовал я. — Это здорово помогает расслабиться.

Приятель толстяка только устало покачал головой и пожал плечами, словно они уже тысячу раз обсуждали этот вопрос.

— С ним невозможно разговаривать.

Я набрал номер Полицейского управления Северного Голливуда и услышал мрачный мужской голос:

— Детективы.

— Элвис Коул. Я бы хотел поговорить с Лу Пойтрасом.

— Минуту.

Телефон положили на какую-то жесткую поверхность. На заднем плане я слышал голоса, громкий смех, затем тот же голос, что ответил мне в первый раз.

— Соединяю. Он в своем кабинете.

И вот Лу Пойтрас взял трубку. Я по-прежнему слышал смех и шум, но приглушенно и словно издалека.

— Мне чуть задницу не надрали за то, что я пытался отмазать тебя от последнего штрафа. Больше не проси.

— Лу, можно подумать, что наши отношения основываются исключительно на том, что я прошу тебя о разных одолжениях и услугах.

— И чего же ты хочешь?

— Маленькую услугу.

— Вот дерьмо!

Толстяк, который спешил, выскочил из «Северн-илевен» с бутылкой «Миллера» в руке и с усталым видом прислонился к грузовику рядом со своим упитанным приятелем. Они молча пили пиво. Если не можешь победить, присоединяйся.

— Мне нужно знать, есть ли у вас что-нибудь на Карен Шипли или Карен Нельсен, — сказал я. — В течение последних десяти лет.

— Еще что-нибудь? — поинтересовался Лу Пойтрас.

Я ответил, что больше ничего.

— Ты у себя в офисе?

Я доложил ему, где нахожусь. Мне показалось, что я даже вижу, как он качает головой.

— Великий частный сыщик работает на парковке.

— Защищает налогоплательщиков.

Пойтрас заявил, что позвонит мне завтра, и повесил трубку.

Почему-то все обещали позвонить завтра. Может, сегодня происходит что-то очень важное, о чем я и не знаю? Может, именно поэтому толстяк так спешит? Может, ему известно, кому следует позвонить, чтобы выяснить, где разворачиваются судьбоносные события, а потом они с приятелем туда отправятся, я же так и останусь в неведении. Может, они возьмут меня с собой?

Я повесил трубку, посмотрел на толстяка, который спешил, и сказал:

— Он полностью в вашем распоряжении.

Толстяк сделал новый глоток «Миллера» и даже не пошевелился, изображая, что ему все равно. Его приятель посмотрел сначала на него, потом на меня и пожал плечами. Представляете? На некоторых просто невозможно угодить.

Глава 5

Агентство Оскара Кертисса «Таланты» располагалось в двух кварталах от бульвара Сансет в маленьком, обшитом вагонкой домике небесно-голубого цвета, с крошечной лужайкой, крыльцом и ведущей к нему узкой дорожкой. С северной стороны дома из окна торчал кондиционер, который громко урчал и потихоньку капал. На лужайке валялась пара пустых винных бутылок.

«Полночный бродяга».

Я припарковался, прошел по дорожке и открыл дверь с шероховатым дымчатым стеклом, какое уже не используют с 1956 года. Дверь украшала большая золотая звезда, над которой полукругом шла надпись «Агентство Оскара Кертисса „Таланты“» и были установлены маленькие лампочки, вероятно, чтобы подсвечивать небо.

Внутри на жестком угловом диване сидели три девушки, а за выдавшим виды столом устроилась чернокожая женщина лет шестидесяти. Стол стоял так, чтобы женщина могла видеть, что происходит в комнате. У нее за спиной я заметил еще одну дверь с таким же дымчатым стеклом и табличкой «Мистер Кертисс». По девушкам сразу было видно, что они не знакомы. Две из них читали «Вэрайети». Третья жевала жвачку. На стенах висела пара сотен портретов, но я не узнал никого из тех, кто там был изображен. Потертый бежевый ковер на полу, зеленоватый диван и горчичные стены. В общем, сплошная эклектика. Похоже, офис создавали, не задумываясь о единстве стиля или эстетике. Кондиционер работал на полную мощность, и внутри было очень холодно.

Пожилая женщина подняла голову и приветливо улыбнулась:

— Чем могу быть полезна?

— Меня зовут Элвис Коул. Я хотел бы поговорить с мистером Кертиссом.

Я протянул ей свою визитку, на которой было написано «Элвис Коул. Конфиденциальные расследования». На моих старых карточках был изображен парень, подглядывающий в замочную скважину. Но на новых ничего подобного нет. Без картинка оно, наверное, даже лучше.

Она взяла карточку и любезно кивнула, продолжая улыбаться:

— Хмм. А у вас назначена встреча?

— Нет, мэм. Я надеялся, что мистер Кертисс сможет уделить мне несколько минут, — ответил я и, наклонившись вперед, добавил: — Конфиденциально. Речь идет о его бывшей клиентке.

Продолжая улыбаться и кивать, секретарша сказала:

— Подождите, пожалуйста, я узнаю.

Она встала, постучала в дверь и вошла.

Я взглянул на трех девушек и одарил их улыбкой. Те двое, что читали, продолжали читать, а та, что жевала жвачку, продолжала жевать. Одна из тех, что читала, была в симпатичном светлом брючном костюме, а на полу у ее ног стоял портфель ему в тон. Другая девушка была в джинсах, бордовом свитере и ботинках до колена. Мне показалось, что джинсы и свитер ей маловаты, но, с другой стороны, ей нечего было стесняться своей фигуры.

Та, что жевала жвачку, сидела, скрестив ноги и положив руки на спинку дивана, и смотрела на меня немигающими блеклыми глазами. На встречу с мистером Оскаром Кертиссом она надела мешковатую юбку-брюки, розовые тенниски «Рибок» и кофточку, завязанную под грудью и выставяющую живот на всеобщее обозрение. Словом, одета явно не по погоде, но ведь это шоу-бизнес. Бесцветные, точно вылинявшие волосы и точно такие же веснушки, рассыпанные по носу. Я решил, что она моложе двух других девушек: лет семнадцать, не больше. Она выдула большой розовый пузырь, а когда он лопнул, начала демонстративно слизывать его с губ языком. Может быть, ей даже не семнадцать, а только шестнадцать. Сбежала из дома и приехала в большой город, чтобы стать звездой.

— На улице ужасно жарко, верно? — сказал я.

Она чуть шире раздвинула ноги, надула новый пузырь и снова его слизала. Я ведь вполне мог оказаться продюсером.

Стеклянная дверь открылась, и появилась чернокожая женщина с невысоким тощим мужчиной лет шестидесяти. Оскар Кертисс. Под глазами у него залегли темные круги, во рту — слишком много зубов, а одет он был в легкую вязаную спортивную куртку, мешковатые штаны и кроссовки «Nuaraches», совсем как типы из итальянских журналов мод. И выглядел в своем наряде довольно глупо. Он продемонстрировал уже лично мне все свои зубы, протянул руку и сказал:

— Привет, Коул, рад-вас-видеть.

Затем посмотрел мимо меня на двух читательниц и любительницу жевательной резинки, причем последняя удостоилась особенно долгого взгляда.

— Дамы, извините нас, мы всего на несколько минут. Сидни, ты следующая.

Девица кивнула и выдула очередной пузырь. Сидни. Колени у нее ходили ходуном: сдвинуты — раздвинуты, сдвинуты — раздвинуты.

Оскар продемонстрировал и ей свои зубы, затем махнул мне рукой, чтобы я зашел в кабинет. При этом на меня он не смотрел.

Кабинет оказался больше приемной, с обилием комнатных растений и тяжелым письменным столом из темного дерева, какие делали в сороковых. Стол явно не мешало бы протереть маслом. У стены стоял кожаный диван, а в окне работал еще один кондиционер. Стены украшали очередные фотографии, но я тоже никого не узнал. Может быть, скоро рядом появится фотка Сидни, и тогда я точно смогу ее узнать.

Оскар Кертисс закрыл дверь и проследовал за мной, держа перед собой мою визитку.

— Хм, Элвис Коул? Мне нравится. Забирает. Просто классно. Шикарно. Да и внешность у вас что надо. Знаете, на кого вы похожи?

— На Бадди Эбсена.^[9]

— Нет, на Майкла Китона. Только вы чуть повыше. И чуть получше сложены. Чувственный и крутой. Из тех, с кем лучше не связываться.

— А я всегда думал, что похож на Мо Ховарда.

— Поверьте мне, я знаю, что говорю. У вас хорошие внешние данные и отличное имя. У некоторых ребяташек, что сюда заходят, иногда такие пресные имена, словно в лужу пукнули. Пэт Грин. Стив Браун. Я всегда им говорю: так не пойдет. Это не годится. Я говорю: знаете, что вам нужно?

— Стиль.

— Охренеть! Прямо в десятку. Возьмем, например, Стива Гуттенберга. Уберем Гуттенберга, и что останется? Пшик! — Он уселся за стол и метнул взгляд на дверь. — Послушайте, у меня мало времени.

— Вы когда-то были агентом актрисы по имени Карен Шипли. Мне надо ее найти. — Я достал фотографию и показал ему.

— Да. Точно. Я помню Карен. Отличная девчонка. Роскошное тело, — кивнул он.

— Вы продолжаете ее представлять?

Он вернул мне снимок.

— Не-е-е. Я не слышал о ней уже... кажется, лет десять. Что-то вроде того. — Он снова посмотрел на дверь. — Наверное, нашла другого агента.

— Вы продолжали представлять ее интересы после того, как она развелась с Питером Аланом Нельсеном?

Оскар Кертисс перестал метать взгляды на дверь, наклонился вперед и уставился на меня.

— Так это она за него вышла замуж?

— Угу.

— Карен Шипли была женой Питера Алана Нельсена?

— Угу.

— Того самого Питера Алана Нельсена?

— Питер Алан Нельсен не был Питером Аланом Нельсеном, когда они стали мужем и женой.

Оскар без сил откинулся на спинку своего кресла и пробормотал:

— Боже праведный!

— Он учился в киношколе, когда они поженились. После того как его выгнали, он с ней развелся. А сейчас хочет ее найти.

— Сукин сын. Я помню время, когда Карен разводилась. Она пришла ко мне с ребенком, сказала, что развелась с мужем и что ей нужна работа. Я ответил: «Делай зарядку, приседания например. Боже, у тебя было такое тело, ты просто обязана его вернуть, делай приседания». Питер Алан Нельсен. Боже праведный!

Оскар Кертисс больше не смотрел на меня. Он уставился куда-то в пространство, вспоминая старые разговоры и сцены, пытаюсь понять, не оскорбил ли он как-нибудь Питера Алана Нельсена. Он так разволновался, что его брови ходили ходуном.

— Вам известно, как мы можем с ней связаться? — спросил я.

— Боже, столько лет прошло. После этого я видел ее еще пару раз, а потом — все. Ничего. Она больше со мной не связывалась.

Рот решил составить компанию бровям и тоже заходил ходуном.

— Хорошо. Где она жила?

— Где-то там.

Он махнул рукой куда-то в пространство, что могло означать любое место в Северном полушарии.

— Это довольно приблизительно, Оскар.

— Боже праведный, я ни разу не был у нее в гостях. Она приходила сюда.

— Может быть, у вас сохранились записи, какие-то данные.

Он замер и посмотрел на меня, и я увидел на его лице выражение, которое всегда появляется, когда у них перед глазами возникают яркие вспышки. Ему в Голову Пришла Гениальная Мысль.

— Может, мне следует напрямую связаться с Питером. Понимаете, тут, возможно, дело очень личное, и он захочет, чтобы это не вышло наружу, а осталось в семье.

Я показал на телефон:

— Ясное дело. Он сейчас в своем офисе в «Парамаунт». Позвони ему, приятель, и скажи, что, хотя он пытается разыскать свою бывшую жену и ребенка, ты просто копытом бьешь, чтобы его поймать и заключить с ним сделку. Уверен, ему это страшно понравится.

— Эй, я ведь оказываю услугу. Разве нет? Я пытаюсь помочь. Так ведь?

— Оскар, брось мелочиться и расскажи мне все, что знаешь. Так дела не делаются.

— Я похож на человека, который что-то скрывает?! Я хочу помочь. Хочу сделать все, что в моих силах. Но послушай, приятель, Питеру Алану Нельсену достаточно тебе кивнуть — и этот город у твоих ног.

«Питер Алан Нельсен, плюющий разжеванным орешком „Эм-энд-Эм“ в Донни Брустера».

— Ясное дело, Оскар.

Он явно стал прикидывать в голове, что тут правда, а что нет и что он сможет получить, если сыграет на нужной стороне, и как дорого заплатит за ошибку.

— Послушайте, Элвис, если я вам помогу, вы расскажете об этом Питеру?

— Я ему расскажу.

— Обещаете?

Как будто мы первоклассники.

— Обещаю, Оскар.

— Эй, я хочу помочь. Я хочу сделать все, что в моих силах, для Питера Алана Нельсена.

«На свете нет ничего лучше искренности».

— Где жила Карен?

— Я думаю.

— Посмотри в своих бумагах.

— Боже, я что, должен вечно хранить данные о тех, с кем работаю?

— Возвращенные чеки. Налоги.

— Не-а.

— Корреспонденция. Может быть, у тебя осталось что-нибудь в старых блокнотах?

— Боже, если бы я все это хранил, то утонул бы в бумагах. Это было сто лет назад.

— Хорошо. Может, что-нибудь еще вспомнишь.

— Я думаю.

— Ты знаешь кого-нибудь из ее друзей?

— Нет.

— Как насчет родных?

— Хмм.

— А любовник?

Он покачал головой.

— Она не говорила о том, что собирается уехать или отправиться путешествовать?

Оскар Кертисс нахмурился, сморщился и пару раз треснул себя по голове ладонью. Боялся, что ничего не сможет вспомнить, и пытался отыскать в памяти хоть какую-нибудь зацепку.

— Да, ничего не скажешь. Близкие отношения! — сказал я.

— Эй, какие там близкие отношения! — замахал он руками. — Она просто перестала приходить, и я решил, что она от меня ушла. Ну понимаете, отправилась в другое агентство. О ней ничего не было слышно, и я попытался ей позвонить, но ее постоянно не оказывалось дома, и в конце концов я решил, что так оно и есть. Другое агентство.

Я встал и направился к двери.

— Ладно, Оскар. Ты все же попытался. В любом случае спасибо.

Он подскочил на месте, обежал свой стол и схватил меня за руку. Крепко. Словно решил, что, если он этого не сделает, из его жизни уйдет что-то очень большое и редкое. Словно это большое и редкое уже однажды к нему приходило, но тогда он упустил свой шанс — и вот ему представился другой.

— Эй, знаете что? У меня в кладовке лежат кой-какие старые бумаги. Может, мне удастся отыскать что-нибудь полезное.

Не думаю, что он имел в виду быть полезным мне.

— Конечно. Мой номер телефона на визитке.

— Вы скажете Питеру, что я пытаюсь помочь? Изю всех сил. Скажите, что мне очень нравилась Карен, а ребенок был потрясающий.

— Конечно.

Я открыл дверь, и мы вышли. Чернокожая женщина разговаривала по телефону. Те две девушки, что читали, продолжали читать, а Сидни — выдувать пузыри. Оскар продемонстрировал всем свои зубы и самолично проводил меня до двери.

— Послушайте, передайте Питеру, что я займусь поисками сегодня же вечером, — сказал он, а затем, напустив на себя важный вид, добавил: — Передайте ему, что я буду очень признателен, если он мне позвонит. Я хочу кое-что с ним обсудить.

Я пообещал.

Он снова показал нам зубы, оставил меня возле двери, а сам уселся на диван рядом с Сидни и положил руку ей на бедро. Две другие девушки не сводили с него глаз. Он сказал, что я работаю на Питера Алана Нельсена и что у них наклевывается сделка. И скоро тут все завертится. Говоря это, он слегка сжал бедро Сидни.

Она посмотрела на него своими большими бесцветными глазами, выдула пузырь и проткнула его языком. Она ни разу не моргнула и не отвела от него глаз.

Я вышел. «Прощай, Норма Джин!»

Глава 6

Солнце быстро клонилось к закату, как это всегда бывает осенью, из воздуха ушло дневное тепло. И когда я попал в Лорел-Каньон, стало совсем прохладно. Я подъехал к своему маленькому деревянному домику треугольной формы на Вудро Вильсон-драйв, над Голливудом.

Мой кот сидел возле своей миски на кухне. Он черный, поджарый, с рваными ушами, сломанными зубами и шрамами, полученными за полную приключений жизнь настоящего кота-самца. Иногда у него случаются припадки.

— Обед готов? — поинтересовался я.

Кот подошел и потерся о мою ногу.

— Хорошо, как насчет мясного рулета? — спросил я.

Он снова потерся о меня и вернулся к своей миске. Мясной рулет он любит больше всего на свете. А еще «Китнипс».

Я достал еду из морозилки, положил в микроволновку, чтобы разморозить, включил духовку, чтобы она нагрелась, и открыл банку «Фальстафа». Было двадцать минут шестого, работа заканчивается в шесть. Я выпил немного «Фальстафа», затем позвонил в Гильдию киноактеров и поговорил о Карен Шипли с женщиной, которую звали миссис Лопака. Та подтвердила все, что рассказала мне Пэт Кайл, и не добавила ничего нового. Я ее поблагодарил, повесил трубку, набрал номер Гильдии актеров массовки, а затем номер АФАРТ.^[10] Ничего. Тогда я позвонил к себе в офис, чтобы проверить автоответчик, рассчитывая, что там появилось сообщение из телефонной компании или из «Бэнк оф Америка». Ничего. Кто-то по имени Хосе требовал, чтобы некто по имени Эстебан немедленно ему позвонил. Хосе был в ярости. Тогда я набрал номер своего партнера Джо Пайка.

— Магазин оружия, — сказал Пайк.

Он хозяин магазина оружия в Калвер-Сити.

— У нас новое дело. Найти женщину и ребенка.

— Я тебе нужен?

— Ну, я у себя дома, и в меня пока еще не целится снайпер, засевший на противоположной стороне каньона. Так что, думаю, пока не нужен.

Пайк промолчал.

— Ты знаешь режиссера Питера Алана Нельсена? Он наш клиент.

Пайк продолжал молчать. Пытаться разговаривать с Пайком — это все равно что заполнять паузы в беседе.

— Джо, попробуй участвовать в разговоре, — посоветовал ему я. — Это легко. Нужно только что-нибудь сказать.

— Если я тебе понадобится, ты знаешь, где меня искать, — ответил Пайк и повесил трубку.

Вот и весь разговор.

Микроволновка звякнула, я вытащил мясной рулет, отправил на чугунную сковороду, открыл банку молодого картофеля, вылил воду, выложил его вокруг рулета, посыпал чесноком и паприкой, затем поверх рулета положил бекон и поставил все это в духовку на большой огонь. Я люблю зажаристую корочку на мясном рулете.

— Мняу? — спросил кот.

— Тебе и мне, — ответил я. — Через сорок пять минут.

Мой ответ его не слишком обрадовал.

Я прикончил «Фальстаф», взял новую банку, выпил почти все по дороге в душ, а остальное — на обратном пути. Когда еда была готова, я достал две тарелки, зажаренные края положил себе вместе с картошкой. А серединку отдал коту. Он внимательно за мной наблюдал. И громко мурлыкал. Я полил свою порцию соусом «Табаско», а его — обычным и отнес обе тарелки на террасу. Здесь у меня стоит стеклянный стол и пара стульев, и иногда мы едим за столом, а порой снимаем центральную секцию перил, садимся на краю и смотрим на каньон. Перила портят вид. А без них мы становимся его частью. Мы любим тут есть.

Когда мы поужинали, я спросил:

— Ну? Вкусно было?

Кот потянулся и пукнул. Да, похоже, стареет.

Я отнес в дом тарелки, помыл их, поставил на место, налил себе на палец виски «Нокандо» и устроился на диване с последним романом Дина Кунца, как вдруг кто-то позвонил в дверь. Питер Алан Нельсен и его подруга Дани. Питер был в том же костюме, что и утром. Дани переделалась в голубые джинсы и дизайнерскую футболку с маленькими жемчужинами. Бледно-сиреневого цвета. Футболка великолепно на ней смотрелась.

Питер вошел, не дожидаясь приглашения, и сказал:

— Ну, что нового, Частный Сыщик? Дело сделано?

Он постоянно шурился и раскачивался из стороны в сторону, а его костюм пах так, словно его облили бурбоном.

Спотыкаясь, Питер вышел на середину комнаты и, оглядевшись по сторонам, заявил:

— А тут неплохо. Один живешь?

— Угу.

Кот зарычал, в груди у него что-то шипело и булькало.

Питер увидел мой стакан:

— Что это? Виски?

Я достал стакан и налил немного «Нокандо». Потом протянул бутылку Дани, но она покачала головой. Достоянная особа.

Питер подошел к стеклянной двери, откуда открывался вид на каньон, и выглянул наружу.

— Слушай, а мне нравится. Отличный вид. У меня есть дом в Малхолланде, там тоже роскошный вид. Ты должен как-нибудь ко мне заскочить. Устроим вечеринку.

— Обязательно.

Питер увидел кота, который, точно сфинкс, сидел на спинке дивана.

— Эй, котик, привет!

— Будьте осторожны. Он довольно злой и кусается.

— Дерьмо! Я умею обращаться с котами.

Питер, покачиваясь, подошел к дивану и протянул к коту руку. Тот его два раза укусил и с ворчанием спрятался под диваном. Питер отскочил назад и потряс рукой, затем наклонился, чтобы заглянуть под диван. Со своего места в противоположном конце комнаты я видел кровь у него на руке.

— Злющий сукин сын! — воскликнул Питер.

Дани спокойно стояла в сторонке, и мне показалось, что лицо у нее грустное.

— Питер, уже поздно. Я устал и собирался лечь спать. Что вы хотите? — спросил я.

Питер выпрямился и посмотрел на меня так, будто я пошутил.

— В каком смысле спать? Еще рано. Дани, скажи ему, что еще рано.

Дани посмотрела на часы.

— Уже десять минут одиннадцатого, Питер. Для некоторых людей это поздно.

— Дерьмо! — заявил Питер. — Десять минут одиннадцатого для парней вроде нас — детское время. Я думал, мы куда-нибудь завалимся, выпьем чего-нибудь, может, сыграем на бильярде... ну типа того.

Он сел на диван и положил руку на спинку, забыв про кота. Кот зарычал. Питер подскочил и перебрался на стул в противоположном конце комнаты.

— В другой раз, — отозвался я.

Питер нахмурился. Мой ответ ему не понравился.

— Эй, ты что, не хочешь оттянуться?

— Не сегодня.

— Почему?

— Я устал и хочу спать, но главным образом потому что вы уже достаточно выпили и еле ворочаете языком.

Дани издала едва слышный, какой-то невнятный звук, но когда я на нее взглянул, то увидел, что она смотрит мимо нас. Питер нахмурился и наклонился вперед.

— А у тебя острый язык.

— И все остальное тоже.

Он налил себе еще виски, встал и подошел к стеклянной двери.

— Я хочу знать, что тебе удалось выяснить про Карен.

— Иными словами, насколько близко я к ней подобрался за шесть часов, прошедшие с тех пор, как я взялся за это дело?

— Ага.

— Она не является членом Гильдии киноактеров, а также Гильдии актеров массовки и АФАРТ. Это означает, что она, скорее всего, больше не играет и не снимается. Я разговаривал со своими знакомыми из «Бэнк оф Америка», телефонной компании и полиции, попросил их проверить по компьютеру информацию касательно ее прошлого или настоящего, но все ответы я, видимо, получу только завтра. Я разговаривал с Оскаром Кертиссом, ее бывшим театральным агентом. Он пытается быть полезным, но сомневаюсь, что от него будет толк. Иногда так случается. Он просил меня передать вам, что очень старается помочь, потому что хочет с вами работать.

Питер помахал в воздухе стаканом:

— Да пошел он!

Я пожал плечами.

— И все? — спросил Питер.

— Угу.

— Я думал, будет быстрее.

— Все так думают.

Питер налил себе еще на три пальца виски и отправился со стаканом к стеклянной двери. Он смотрел на каньон и пил виски. Затем поставил стакан и бутылку на пол и повернулся ко мне. Это простое движение ему далось с явным трудом. Он напоминал сражающийся с ветром большой корабль с кучей парусов.

— А ну, давай выйдем!

«Тоже мне маршал^[11] Диллон^[12] нашелся».

— Да?

— Вот именно, черт тебя подери! Мне не понравилось, как ты со мной разговаривал сегодня на студии, и мне не нравится, как ты со мной разговариваешь сейчас. Я Питер Алан Нельсен и не потерплю дерьма.

Я посмотрел на Дани.

— Питер, пошли отсюда, — сказала она. — Он не хочет развлекаться. Мы можем пойти куда-нибудь и оттянуться без него.

— Слушай, Дани, хочешь уйти — уходи, а я вызываю этого сукина сына.

Питер покачнулся, наклонился вперед и прищурился, словно у него начало двоиться или даже троиться в глазах.

— Давай, черт тебя подери, я не шучу, — заявил он.

Когда он поднял вверх кулаки, кот утробно взвыл и выскочил из-под дивана. Он хватанул Питера за щиколотку, укусил, снова взвыл и вцепился в него задними лапами.

— Сукин сын! — взвизгнул Питер, отскочил в сторону, споткнулся о стул и упал на спину.

Кот моментально вернулся под диван.

— Хороший котик, верно? — сказал я.

Дани помогла Питеру встать, потом подняла стул.

— Не трогай меня, — проворчал Питер, отодвинулся от нее и рухнул на колени. — Я в порядке, — заявил он. — В полном

порядке. — И отрубился.

— И часто с ним такое случается? — поинтересовался я.

— Да, довольно часто, — ответила Дани.

— Я помогу вам вынести его наружу.

— Нет, спасибо. Если хотите, придержите дверь.

— Точно?

— Я тренируюсь каждый день.

Да, такой моя помощь действительно не требовалась. Дани усадила Питера на стул, присела на корточки, взвалила обмякшее тело себе на плечи и встала.

— Вот видите? — спросила она.

Я придержал дверь. Она прошла мимо меня, остановилась на крыльце и оглянулась.

— Знаю, что по нему этого не скажешь, но вы ему действительно понравились. Сегодня он весь день только о вас и говорил.

— Здорово.

Она нахмурилась и слегка рассердилась. Она защищала Питера. Мне понравилось.

— Ему очень нелегко. У него есть все, что пожелает, а он не может просто пойти и оттянуться.

— Конечно.

— Все от него чего-то хотят. Как только у него появляется женщина, ему начинает казаться, что она просто хочет его поиметь. А если кто-то называется его другом, то только потому, что хочет быть в деле с Питером Аланом Нельсеном, великим режиссером, а не с обычным парнем Питером Нельсеном. — Она сказала это так, как будто мы с ней стояли и просто разговаривали, а Питер Алан Нельсен не висел у нее на плечах, точно громадное ярмо.

— Его, наверное, тяжело держать, — посочувствовал я.

— Я могу держать его всю ночь, — мягко улыбнулась она.

Я прошел за ней к черному рейнджроверу и открыл правую переднюю дверь. Дани посадила Питера на сиденье и аккуратно опустила его голову на подголовник, затем пристегнула ремень и проверила, надежно ли он закреплен.

— Все от него чего-то хотят и пытаются его поиметь. Кроме вас, — сказал я.

Она кивнула, закрыла дверь и посмотрела на меня. Ее жесткое лицо неожиданно смягчилось.

— Вы собираетесь отказаться от этого дела? — спросила она. — Он любит наезжать, и многие от него уходят.

— Вы мне слишком нравитесь, чтобы отказаться от этого дела, — ответил я, покачав головой.

Она снова мягко улыбнулась, села на водительское место и, развернувшись, выехала на извилистую узкую дорогу, ведущую в Лорел-Каньон и Малхолланд-драйв.

Я вернулся в дом, убрал стаканы и пустую бутылку из-под виски, вытер пролитое спиртное. Кот выбрался из своего укрытия, понаблюдав за мной некоторое время, а затем ушел. Отправился по своим кошачьим делам — это уж точно.

Когда стаканы были убраны в шкаф, я снова вышел на террасу и долго смотрел на темный каньон, раскинувшийся внизу. Огромное открытое пространство, которое расцвечено огоньками, движущимися вдоль петляющих дорог.

Может быть, это Дани и Питер, а может, и нет.

Глава 7

На следующее утро я встал рано и снова вышел на террасу, хотя было еще довольно темно. Каньон внизу был холодным и зеленым, в легкой дымке, а высоко в небе парил ястреб, видимо высматривая добычу.

В качестве разминки я сделал несколько упражнений на растяжку, двенадцать «солнечных салютов» из хатха-йоги, затем перешел к тхэквондо. После этого занялся более сложными упражнениями, повторяя все движения на скорости, прикладывая силу. Мне нравится делать зарядку именно в таком порядке. Иногда, когда я тренируюсь по вечерам, два мальчугана из соседнего дома выходят, чтобы за мной понаблюдать, и мы обсуждаем вещи, которые их волнуют. Я уже давно понял: меня они тоже волнуют. Утром я всегда один. В последнее время я стал замечать, что работаю по утрам меньше, чем по вечерам. Может быть, с Питером Аланом Нельсеном происходит то же самое.

Я принял душ, побрился, поставил вариться два яйца и сделал тесто для сырников с черникой. Дожидаясь, пока нагреется сковорода, я позвонил к себе в офис проверить автоответчик. И обнаружил там сообщения от своих приятельниц из телефонной компании и «Банк оф Америка», а также от Лу Пойтраса. В «Бэнк оф Америка» оказалось, что никто по имени Карен Шипли или Карен Нельсен не является обладательницей кредитной карточки на территории Соединенных Штатов. Кроме того, эти имена не были зарегистрированы как девичьи. Моя подружка из телефонной компании сообщила примерно то же самое. Лу Пойтрас доложил мне, что Карен Шипли один раз получила штраф за парковку в красной зоне, но тут же его оплатила. Она указала адрес, по которому в тот момент жила с Питером Аланом Нельсеном. Лу добавил, что если я ее найду, то, скорее всего, она не будет вооружена и опасна, но на всякий случай мне следует прихватить с собой группу поддержки. Очень в стиле Лу. Ну не классный ли мужик?

Я сделал четыре сырника и покрошил сверху вареные яйца, налил себе большой стакан обезжиренного молока и отнес все это на стол. Кот ушел куда-то еще ночью. Иногда он завтракает вместе со мной, а

иногда — нет. Когда не завтракает, я не знаю, что он ест. Возможно, маленьких собачек.

На имя Карен Нельсен или Карен Шипли не зарегистрирован никакой телефонный номер, но я предполагал, что так и будет. Прошло десять лет, и она вполне могла выйти замуж. А вот кредитные карточки — совсем другое дело. Если бы у нее были карточки на имя Карен Нельсен либо Карен Шипли или эти имена указывались как прежние, сведения об этом должны были сохраниться. Меня такой поворот событий несколько удивил, но объяснений могло быть множество. Возможно, она вступила в какую-нибудь секту и у нее больше нет имени. Возможно, отдала все земные блага и артефакты высшему существу, зовущемуся Клаату,^[13] а он в ответ одарил ее вечным блаженством и укрыл от глаз чересчур любопытных частных детективов. Или, возможно, она просто не любит кредитные карты. Хмм.

Я перебрал все варианты и не нашел ничего стоящего. И сразу же почувствовал себя маленьким и беспомощным. Может быть, нужно искать в другом месте. Или попросить помощи у Клаату.

И тут зазвонил телефон.

— Мне кажется, я кое-что для вас нашел. Касательно Карен Шипли, — сказал Оскар Кертисс.

— Спасибо тебе, Клаату, — выдохнул я.

— Что?

— Я чихнул. Что у тебя?

— Я покопался в старых бумагах и нашел адрес. Бричвуд-Каньон, три тысячи четыреста восемьдесят четыре, квартира два. Карен жила там после развода.

— Хорошо. Спасибо.

— Я, можно сказать, задницу рвал, чтобы найти адрес. Господи, он оказался на складе в Глендейле, и я добирался туда два часа через все пробки. Расскажите об этом Питеру? Расскажите, через что мне пришлось пройти?

«Питер помахал в воздухе стаканом. Да пошел он!»

— Конечно, Оскар. Обязательно расскажу.

— Ну надо же! — вскричал Оскар в восторге от открывающихся перед ним возможностей.

— Эй, Оскар, спасибо, я ценю твою помощь, — проговорил я.

— Угу, но спасибом сыт не будешь, — рассмеялся Оскар Кертисс. — Просто скажите Питеру! Идет? В этом городе если попадешь в одну команду с Питером, то считай, что ты в шоколаде.

— Точно, Оскар. В шоколаде.

«Да пошел он!»

Я повесил трубку.

Без четверти десять я спустился по Малхолланд, выбрался на Кахуэнга, доехал до Франклин-авеню и через Северный Голливуд попал в Бичвуд-Каньон. Он начинается высоко, прямо под знаком «Голливуд», и, извиваясь, спускается вниз к Франклину у подножия Голливудских холмов. Там расположены школа, запраочная станция и куча жилых домов, которые когда-то были маленькими, но, превратившись в большие, лучше не стали. Городской район.

Между большими домами устроились крошечные бунгало, очень аккуратные и славные и все же похожие на гаражи. Чем выше в горы, тем больше таких домишек и тем меньше строителей.

Дом под номером 3484, узкий, на четыре квартиры, поднимался вверх по склону холма, словно детская пирамидка. Вдоль левой стены шли цементные ступени, потрескавшиеся и выщербленные в тех местах, где в них вгрызались корни древних юкк. Перед первой квартирой имелось маленькое крылечко с деревянными колокольчиками и кучей кактусов в старых глиняных горшках, раскрашенных в традиционном индейском стиле. Правда, краска на них облупилась и осыпалась. На улице перед входом росли четыре агавы в окружении серебристых сорняков, всегда соседствующих с агавами. Вокруг было довольно чисто и ухожено, но только на первый взгляд, словно тот, кто это делал, не мог добраться до углов, вымести весь мусор и выполоть сорняки. Ни подъездной дорожки, ни гаража. Машины здесь было принято оставлять прямо на улице.

Я проехал мимо, развернулся и припарковал свой «корвет» на противоположной стороне улицы, а затем направился к крыльцу. Я даже не успел постучать, как дверь открылась — но лишь на ширину цепочки — и наружу выглянула женщина лет семидесяти в пестром халате.

— Чем вам помочь? — спросила она.

Голос у нее был пронзительный и суровый. Хозяйка недвусмысленно намекала на то, что, если ей не понравится мой ответ,

она поможет мне оказаться в полицейском участке.

Я показал свою лицензию.

— Лет десять назад здесь жила женщина по имени Карен Шипли. У нее еще ребенок был. Я пытаюсь ее найти. Вы можете уделить мне несколько минут?

Она посмотрела на лицензию, потом на меня.

— А откуда мне знать, что это именно вы?

Я достал права, чтобы она взглянула на фотографию. По улице прошли очень высокий белый мужчина и коротышка латиноамериканец. Высокий был лысым, в пятнистой рубашке в африканском стиле вроде тех, что считались писком моды в 1969 году. У латиноамериканца волосы были гладко зачесаны назад. Проходя мимо моего «корвета», он провел по нему рукой. Женщина бросила подозрительный взгляд на мужчин, затем снова посмотрела на меня и спросила:

— Ваша машина?

Я ответил, что моя. Она понимающе кивнула:

— Не спускайте с нее глаз. Этот мелкий сукин сын обязательно ее угонит.

Я заверил ее, что буду присматривать за своей машиной.

Она вытянула шею, продолжая следить за парочкой, пока та не скрылась из вида, затем закрыла дверь и, сняв цепочку, снова ее открыла.

— Меня зовут Мириам Дичестер. Можете войти, но, думаю, нам стоит оставить дверь открытой.

— Конечно.

В маленькой гостиной пахло плесенью, на окнах были серые кружевные занавески, на тумбочке стоял допотопный черно-белый телевизор «Ар-си-эй», а у стены — большой бордовый диван с вышитыми подушечками на ручках. Когда-то подушечки были белыми. Судя по всему, занавески тоже. По обе стороны дивана высились аккуратные стопки старых журналов, посвященных кино, а над телевизором висели фотографии в рамках — Кларк Гейбл, Уолтер Бреннан и Уорд Бонд. На снимке Бонда имелся автограф. Повсюду, точно грибы, торчали пепельницы, а на кофейном столике лежала открытая пачка «Кента». Кроме плесени, воздух в комнате пропитался сигаретным дымом, потом и кремом «Ноксема».

Мириам Дичестер достала из кармана халата сигарету, зажигалку «Крикет» и закурила. Я сел на диван. Она — на старинный стул работы Морриса. Я не видел таких уже много лет.

— Отсюда мне все видно, — сообщила она. — В наше время нужно держать ухо востро. Вот почему я живу в квартире, выходящей прямо на улицу. Мне видно всех, кто подходит к дому. — Она махнула сигаретой в сторону узкой разбитой дорожки, поднимавшейся вверх вдоль здания. — Я сразу замечу любого подозрительного типа. У меня есть чем его встретить.

Я показал ей фотографию восемь на десять.

— Это Карен Шипли. Ее сына зовут Тоби.

— Я знаю, о ком вы говорите.

Я убрал снимок.

— А вы знаете, как я могу с ней связаться?

— Нет, не знаю. — Она сделала очередную затяжку и посмотрела на меня. — Я своих не забываю. Да, не забываю. Даже когда они здесь не живут.

— Я не причиню ей зла, Мириам, — сказал я. — Бывший муж не видел Карен и мальчика с тех пор, как они развелись, и очень по этому поводу переживает. Он хочет познакомиться и подружиться с сыном.

Она докурила сигарету и затушила ее. Три затяжки, и сигарете конец.

— Мне это не нравится, — заявила она. — Сукин сын бросил несчастную женщину, и вдруг ему взбрело в голову вернуться и помешать похлебку в старом котелке. И, клянусь богом, знаю, каким местом он собирается ее мешать.

— Они взрослые люди, Мириам, — ответил я, пожав плечами. — Полагаю, они и сами прекрасно разберутся в своих отношениях. А вот мальчик совсем другое дело. Сейчас ему около двенадцати, и он никогда не видел отца.

Она поджала сморщенные губы, и я заметил, что она надела только верхний протез. Нижний лежал в стакане около телефона. Наконец она взяла очередную сигарету и прикурила. Видимо, смирилась с неизбежным.

— Она жила со мной почти год. Во второй квартире, сразу за моей.

— Хорошо.

— Хотела стать актрисой. Многие из тех, кто сюда приезжают, хотят, — заметила она, бросив взгляд на фотографию Уорда Бонда, и глубоко затянулась.

— Только ничего такого не происходит.

— Карен, по крайней мере, попыталась. Она просила меня посидеть с малышом, когда ходила на пробы, и я сидела. А когда она работала официанткой в придорожном ресторане, я тоже сидела с Тоби. Она была мне благодарна. Никогда меня не обижала.

Мириам наклонилась вперед и выглянула в открытую дверь. Короткая вспышка, точно птица пролетела: мимо проехала машина.

— И сколько это продолжалось?

— Два месяца. Может, три. — Она снова откинулась на спинку стула, словно решила, что на улице все спокойно. — Однажды я услышала, как она плачет, и пошла проверить. Она сказала, что больше не может так жить. Что у нее ребенок. Что должна устроить свою жизнь и настроена очень решительно. Она сказала, что собирается учиться дальше.

Я подумал про Карен Шипли, какой видел ее на пленке.

«Хи-хи. О, Питер, я, что ли, взаправду должна? Хи-хи-хи».

— Она действительно пошла учиться?

Мириам Дичестер покачала головой и докурила следующую сигарету.

— У нее не было денег. Да и куда бы она дела ребенка?

— У нее были друзья? Может быть, ухажеры?

Как только одна сигарета заканчивалась, Мириам Дичестер тот час же закуривала следующую.

— Нет. Карен была совсем одна. Она и ребенок. Не было даже родных, к которым она могла бы уехать. А потом она вообще перестала выходить из квартиры. Просто сидела, и все. Можете себе представить? Такая симпатичная молодая женщина! А потом она уехала.

— А она не сказала вам куда?

— Когда выехала, ничего не сказала. Собралась и исчезла. Осталась должна мне за три месяца.

Мириам снова наклонилась, чтобы выглянуть в дверь. Я тоже посмотрел. Судя по всему, это заразно.

— Похоже, она вам нравилась, — заметил я.

— Да.

— И это несмотря на то, что осталась вам должна?

Мириам Дичестер помахала в воздухе сигаретой.

— Карен отдала мне деньги. Пару лет спустя я получила письмо. В нем был почтовый перевод на всю сумму плюс проценты. Как думаете, многие так поступили бы?

— Пару таких людей я знаю.

— Ну ладно. Карен вложила в конверт записку, в которой извинялась и просила меня не думать о ней плохо за то, что она сделала, и объясняла, что у нее не было другого выхода.

— Похоже, она действительно вам нравится.

Мириам Дичестер снова кивнула. Взяла новую сигарету.

— А вы сохранили письмо?

— Господи, у меня здесь столько всего накидано, — проговорила она.

— Может, поищите.

Она прищурилась и взглянула мимо окна на улицу.

— Если я уйду в заднюю часть дома, я не смогу следить за дверью.

— Послежу за вас.

— Поверьте мне на слово, этот мелкий сукин сын только и мечтает о том, чтобы что-нибудь украсть. Они возвращаются.

— Я присмотрю за ними. У меня это неплохо получается.

Я постучал пальцем по щеке под правым глазом. Я внимательный и наблюдательный.

Мириам кивнула и помчалась к маленькому секретеру, стоящему у стены там, где гостиная переходила в столовую. В верхней части секретера имелись три маленьких ящика. Она стала их по очереди открывать, перебирая содержимое: карандаши, ручки, записки, карточки, маленькие конверты и фотографии, сухой цветок, газетные вырезки, некрологи и всякие мелочи, которым было лет сорок, не меньше. Драгоценные вещицы. Мириам некоторое время копалась в ящиках, разговаривая со мной, хотя на самом деле обращалась к себе самой.

Она говорила, что должна навести в доме порядок, что даже начала на прошлой неделе, но тут позвонила какая-то Эдна и ее уборка на этом закончилась. И почему никто не звонит, пока ты ничего не

делаешь? Наконец она нашла маленький белый конверт, разорванный по всей длине сверху. Он так долго пролежал в ящичке, что неровные края стали плоскими и гладкими, а бумага потемнела. Мириам достала сложенный желтый листок, прочитала и протянула мне. Все было именно так, как она сказала. Карен извинялась за то, что уехала, не заплатив, писала, что надеется, Мириам не испытала материальных затруднений в связи с этим, что она вкладывает чек на всю сумму плюс шесть с половиной процентов. Что она очень ценит ее дружбу и доброту, которую Мириам проявила к ней и сыну, когда они жили в ее доме. Ни обратного адреса, ни фирменного знака отеля не было. Карен не сообщила, где она находится или куда собирается. На марке значилось: «Челам, Коннектикут».

— Ну, есть что-нибудь полезное? — поинтересовалась Мириам.

— Больше, чем у меня было, — кивнул я.

— Эй, если вы их найдете, то постарайтесь не обидеть, — попросила она.

— Я и не собираюсь.

— Знаете, что про это говорят?

— Нет, а что говорят?

— Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Когда мы подошли к двери, я увидел, что высокий белый мужчина и коротышка латиноамериканец направились в противоположную сторону.

— Вот видите? — возмутилась Мириам Дичестер. — Я же говорила, что они вернуться.

— Может, они живут под холмом и просто вышли прогуляться.

— Поцелуйте меня в зад! — «Да, милая старушенция!» — Зуб даю, этот мелкий сукин сын задумал что-нибудь стянуть.

Я поблагодарил ее, дал свою карточку на случай, если она что-нибудь вспомнит, и зашагал к «корвету». Примерно в ста ярдах ниже по улице белый мужчина и коротышка латиноамериканец открывали дверцу «тойоты супра» 1991 года с помощью двухфутовой металлической отмычки.

Я заорал и помчался за ними, но не догнал.

Глава 8

Два часа десять минут спустя я сидел в самолете «Юнайтед эрлайнс» L-1011, который пробился сквозь слой тумана и полетел над Тихим океаном. Воздух был чистым и прозрачным, а красные горы, пустыня внизу и серая вода океана казались теплыми и гладкими. Типичный день в Южной Калифорнии. Люди вокруг меня были раскованными и приятными, а загорелая стюардесса улыбалась и демонстрировала всем ямочки на щеках. Она была из Лонг-Бич. Чудесно.

Через пять с половиной часов мы приземлились в аэропорту Кеннеди под густым покрывалом темных туч, похожим на обивку гроба. В газетах писали, что холода наступили раньше времени. А метеорологи объясняли, что арктический воздух явился к нам, промчавшись через Канаду. Я прихватил с собой коричневую кожаную куртку, как у военных моряков, пару свитеров и черные кожаные перчатки. Но этого оказалось явно недостаточно даже для ожидания в терминале.

Пока я ждал свой чемодан у багажного транспортера, три типа попросили у меня денег взаймы на проезд до города, а еще один интересовался, не нашел ли я Иисуса. Служба безопасности аэропорта арестовала карманника. В воздухе пахло горелой резиной. Женщина с ребенком пожаловалась мне, что у нее нет денег, чтобы его накормить. Я дал ей пятьдесят центов — и почувствовал себя так, словно попался. Может, я похож на туриста. Я нахмурился, напустил на себя мрачный вид и попытался выглядеть как местный житель. Судя по всему, это помогло.

Я купил пару дорожных карт, взял в «Хертце» голубой «таурус» и отправился в «Кеннеди Хилтон», где снял номер на одну ночь. В ресторане посетителей обслуживали неспешно, еда была отвратительной, а барменша держалась на редкость высокомерно. По радио диктор сообщил нам, что холодный воздух продолжит свое наступление из Канады и, возможно, у нас пойдет снег. Номер стоил двести долларов в сутки, и ни у кого здесь не было роскошного загара и ямочек на щеках. За одиннадцать лет я приехал в Нью-Йорк в

четвертый раз. Здесь все оставалось по-прежнему. Я люблю Нью-Йорк.

На следующее утро я выписался из «Хилтона» и по скоростному шоссе Ван-Вик поехал на север, в Коннектикут. Квинс и Бронкс показались мне ужасно грязными, серыми и старыми, дальше плотность застройки была уже не такой пугающей, а за Уайт-Плейнс появились открытые пространства, небольшие роци и озера. Некоторые деревья стояли голыми, но большинство полыхали яркими осенними красками. И я почему-то представил себе сочную фруктовую мякоть, диких индеек и аккуратные предместья, где дети ходят по домам, выкрикивая: «Кошелёк или жизнь!»^[14] Возможно, северо-восток — это не так уж плохо.

Через четыре мили к востоку от озера Роквуд я обнаружил мотель «Говард Джонсон» и указатель поворота на Челам. Я повернул с шоссе и примерно полторы мили ехал по неширокой дороге, идущей через лес мимо ферм, и вскоре увидел крошечное поселение из деревянных и кирпичных домиков, окруживших маленькую площадь. Повсюду деревья и лужайки, узкие улицы без тротуаров, словно предназначенные для велосипедистов, а не для машин. Низко нависшие тучи и холод придавали городку какой-то безжизненный вид, но зеленые лужайки и яркие листья говорили о том, что весной Челам станет точь-в-точь как симпатичный северный городок с поздравительных открыток от вашей кухни Фло.

Я проехал по главной улице, мимо станции «Тексако», киоска с гамбургерами под громким названием «Белый замок», Первого национального банка Челама и парикмахерской с самым настоящим столбиком парикмахера.^[15] Посреди площади стояла белая башня, а напротив расположилось здание суда, очень старое и внушительное, с балконом, предназначенным для выступления мэра по случаю Четвертого июля. Вокруг площади росли высокие вязы, и их листья тонким ковром покрывали все вокруг.

Две молодые женщины в пуховиках стояли на ковре из листьев и разговаривали. Старик в ярко-оранжевой охотничьей парке курил, сидя на ступенях башни. Рядом со зданием суда стоял передвижной дом, временно поставленный на цементные столбики. На стене красовалась большая золотая звезда, а рядом — надпись крупными буквами «ПОЛИЦИЯ ЧЕЛАМА». На другой стороне площади я разглядел

крошечное здание размером с платный туалет с вывеской «Почтовое отделение США». Именно оттуда восемь лет назад Карен Нельсен отправила письмо Мириам Дичестер. Может, она направлялась в Мэн и, проезжая мимо, вдруг подумала: «Господи, я должна вернуть Мириам долг», перевела деньги и поехала себе дальше. А может, и нет. Ведь могла она остаться здесь на ночь, зайти перекусить и небрежно сообщить случайному собеседнику, куда едет. И этот случайный собеседник ее вспомнит.

Городок закончился уже через квартал от почты. Я развернулся, поехал назад к станции «Тексако» и остановился около вывески, обещавшей полное обслуживание. Под объявлением «У НАС ЕСТЬ ПРОПАН» на стуле сидел старик в охотничьей шапке и грязной рубашке с логотипом «Тексако». Я выключил двигатель, вылез из машины и спросил:

— Как насчет высокооктанового топлива?

Он наклонил стул вперед, подошел ко мне и вставил шланг в бак. Между стулом и автоматом по продаже пепси-колы на куске картона лежал, уткнув морду в землю, грязно-желтый ретривер. Пес даже не пошевелился, когда старик встал, но проводил его внимательным взглядом.

— Симпатичный городок, — сказал я.

Старик молча кивнул.

— Живописный, — продолжал я.

Он громко потянул носом воздух и сплюнул.

— Капот проверить?

— Капот в норме. Если я вдруг захочу задержаться на пару дней, где здесь можно остановиться?

— Там, дальше по шоссе, есть «Говард Джонсон».

— Нет. Здесь, в городе.

Старик прищурился и принялся изучать бензиновый шланг.

— Тут есть какая-нибудь уютная гостиница? — спросил я. — Может быть, пансион? Или типа того.

Он снова потянул носом, но на этот раз сплевывать не стал.

Я бросил в автомат по продаже пепси семьдесят пять центов, вытащил банку пива «Барк», открыл ее и сел на стул старика. Собака как лежала, так и осталась лежать, только бросила на меня

недовольный взгляд. Старик тоже. Похоже, им обоим не слишком понравилось, что я оккупировал стул.

— Собираюсь здесь немного поболтать и почесать языком.

«Элвис Коул. Неотесанный Детектив».

— Попробуй зайти к Мэй Эрдич.

— Это единственное место?

— Эге.

Я решил, что это означает «да».

— А раньше были другие? Скажем, десять лет назад?

— Дерьмо.

Я решил, что это означает «нет».

— Как мне найти Мэй Эрдич?

Счетчик звякнул, старик убрал шланг на место и поставил счетчик в первоначальное положение. Пес переводил глаза со старика на меня и обратно на старика, при этом он так забавно шевелил бровями, точно следил за теннисным мячом. Совсем как Фред Макмюррей.

— Мэй Эрдич, — повторил я.

Он ответил, но только после того, как я встал с его стула.

Я проехал по городу и нашел дом Мэй Эрдич примерно в двух кварталах от площади.

Это был желтый двухэтажный дом с посыпанной гравием подъездной дорожкой, крытым крыльцом и вывеской «Сдаю комнаты». Под крышей и на крыльце, там, куда не доставали лучи солнца, лежал снег. Я припарковался, подошел к двери и постучал.

Дверь открыла женщина сильно за сорок. У нее была очень белая кожа, бледно-зеленый передник поверх синих джинсов и грубый вязаный свитер. Волосы небрежно заколоты, так что отдельные пряди падали прямо на глаза. В доме было тепло, и меня окатила приятная, уютная волна тугого воздуха.

— Вы Мэй Эрдич? — спросил я.

— Точно.

— Меня зовут Элвис Коул. Я частный детектив из Лос-Анджелеса. Пытаюсь найти женщину, которая, возможно, останавливалась здесь лет восемь назад.

Она улыбнулась, и я понял, откуда эти морщинки вокруг глаз.

— Частный детектив.

— Правда, здорово?

Улыбка стала еще шире, и она кивнула.

Я показал ей одну из своих визиток и изобразил из себя Граучо Маркса. ^[16]

— Сэм Гранион, частный детектив. Наш девиз — «Секретность». Мы никогда никому не откроем ваших тайн.

Она рассмеялась, хлопнула себя полотенцем по бедру и сказала:

— Без балды!

И я понял, что мне понравится Мэй Эрдич.

Она открыла дверь пошире,пустила меня в дом, забрала мою куртку и усадила на мягкий диван в комнате, которую назвала гостиной.

— Хотите чашечку горячего чая? Я только что поставила чайник.

— Это было бы здорово. Спасибо.

Мэй вышла, а я огляделся по сторонам. Комната была чистой и аккуратной, с деревянным полом, на котором я не заметил ни пыли, ни царапин.

Она вернулась с оловянным подносом в руках. На подносе были две стеклянные чашки с чаем цвета меда, сахарница с маленькой золотой ложечкой, несколько пакетиков заменителя сахара, блюдечко с лимоном, две стеклянные ложечки для чая и тарелка с домашним черничным печеньем — по крайней мере, мне так показалось. Передник она сняла, а все непокорные прядки аккуратно заколола. Я взял печенье.

— Потрясающе вкусно.

— Хотите сахара или лимона?

— Нет, я пью чай без ничего.

— Фу, он же горький, — поморщилась она.

— Частные детективы — крепкие парни.

Я сделал глоток. Чай оказался очень вкусным, с легким ароматом мяты. Сахар испортил бы все впечатление.

— Интересно быть детективом в Лос-Анджелесе? — поинтересовалась Мэй.

— Иногда. Но чаще приходится делать вещи, которые, по представлениям других людей, частные детективы не делают.

— Например?

— Просматривать телефонные счета, чеки по кредитным картам, ждать, когда тебя соединят с нужным тебе служащим из

муниципальных коммунальных служб или Управления автомобильного транспорта, и прочие скучные вещи.

Она кивнула, пытаясь представить Тома Селлека,^[17] который ждет, когда его с кем-нибудь соединят.

— Но иногда удается кому-нибудь помочь, и это приятно.

— А кого вы пытаетесь отыскать?

— Женщину по имени Карен Нельсен. Возможно, она назвалась Карен Шипли. Восемь лет назад. Скорее всего, с ней был маленький ребенок. Мальчик лет трех-четырёх.

Мэй сделала еще несколько глотков чая, раздумывая над моими словами, затем покачала головой:

— Нет. Не помню.

Я достал фотографию и показал Мэй. Снимок был сложен, и я попытался расправить заломы.

Мэй Эрдич наклонилась вперед и улыбнулась своей радостной улыбкой.

— Вы не шутите? — вскричала она, словно я ее разыгрывал.

— Что? — удивился я.

— Это Карен Ллойд. Она работает в банке.

Я посмотрел на фотографию так, будто мне ее подменили.

— Работает в банке?

«Мы, потрясающие частные детективы из Лос-Анджелеса, быстро соображаем».

— У нее сын Тоби. Ему двенадцать лет. Мы с ней вместе были в АРУ^[18] школы.

— Эта женщина живет здесь, вместе с сыном Тоби, — повторил я.

«Да, мы очень быстро соображаем».

— Вот именно.

Я снова сложил фотографию и убрал в карман. Вот это новость!

— Карен Ллойд.

— Совершенно верно, — кивнула Мэй Эрдич. — Она работает в Первом национальном банке Челама. Мне кажется, она там менеджер или типа того.

Я допил чай и встал. Мэй Эрдич тут же тоже поднялась со своего стула.

— А почему вы ее ищете? Она сделала что-то плохое?

Ее глаза горели восторгом. С ума сойти можно, если кто-то из их маленького городка мог сделать что-то плохое.

— Это дело семейное, и вы ей только навредите, если кому-нибудь расскажете, что ею интересовался частный детектив. Вы меня понимаете?

Мэй Эрдич напустила на себя серьезный вид, сжала мою руку и произнесла:

— Наш девиз — «Секретность».

— Точно.

Она проводила меня до двери.

— Вы, наверное, очень хороший детектив, раз сумели отыскать человека здесь, в Челапе. Вы ведь живете в Лос-Анджелесе.

Я надел куртку и вышел на холод.

— Совершенно верно, я отличный детектив. В другой жизни я мог бы стать Бэтманом.

Глава 9

Первый национальный банк Челама размещался в маленьком здании из красного кирпича напротив бакалейного магазина, рядом с лавкой «Скобяные изделия Зута». В наружной стене банка было сделано окно для обслуживания автомобилистов, а с другой стороны здания устроена парковка. Как и центральная площадь, парковка была обсажена вязами, и все вокруг было усыпано листьями. Окно для автомобилистов не работало.

Я оставил машину на парковке и вошел в банк. Какой-то мальчишка подросткового возраста сидел за длинным столом и заполнял депозитный бланк. Еще одна посетительница разговаривала с кассиром у стойки. Старик в серой форме охранника читал роман Тома Клэнси и, когда я вошел, даже не поднял головы. В операционном зале имелось четыре окна, но работал только один оператор. Еще одна женщина сидела за столом позади стойки. У нее за спиной я разглядел несколько кабинетов, но там, похоже, никого не было. Ни женщина у кассы, ни оператор даже отдаленно не напоминали Карен Шипли.

Я с надеждой улыбнулся женщине за столом. На вид ей было около тридцати. Твидовый пиджак, ярко-зеленая блузка и слишком много косметики. Табличка на столе сообщала всем интересующимся, что ее зовут Джойс Стебен.

— Извините, мне нужно поговорить с Карен Ллойд, — сказал я.

— Карен сейчас нет, — ответила Джойс Стебен. — Уехала оценивать недвижимость, но к трем должна вернуться. А может, и раньше. Очень может быть.

— Разумеется.

Я вышел из банка и перешел на другую сторону улицы к телефону-автомату у бакалейного магазина. В Лос-Анджелесе принято класть телефонные книги толщиной в три дюйма рядом с автоматами, но большинство из них давно украли, а оставшиеся пострадали от рук вандалов. Телефонная книга Челама называлась «Территория пяти городов. Челам, Оук-Лейкс, Армонк, Бранли и Тулис-Милл». Книга была абсолютно целой и последнего года издания, толщиной примерно в три четверти дюйма. Я нашел Карен Ллойд на странице 38. Дом

номер 14, Рурал-рут 12, Челам. Ллойдов оказалось целых шесть человек. Трое в Тулис-Милл и двое в Бранли. В Челама Карен была единственной с фамилией Ллойд. Никакого мистера Ллойда. Я переписал адрес и номер телефона и положил книгу — целой и невредимой — в футляр. Джим Рокфор вырвал бы страницу, но Джим Рокфор — настоящая задница.

Я сел на скамейку перед парикмахерской Милта и прикинул в уме свои шансы. Если Карен Ллойд действительно окажется Карен Шипли, возможно, мне удастся быстренько все обделать и успеть на вечерний рейс в Лос-Анджелес. В Лос-Анджелесе мне не придется сидеть и мерзнуть перед парикмахерской Милта в двух свитерах под теплой кожаной курткой. Хотя, возможно, Карен Ллойд вовсе и не Карен Шипли. И они просто похожи, а Мэй Эрдич ошиблась. В жизни случаются и более странные вещи. Мне оставалось только дожидаться Карен Ллойд и узнать правду.

Представьте себе Детектива из Большого Города, сидящего на скамейке в маленьком городке в расчете узнать правду! На холоде. Люди проходили мимо, кивали, улыбались и здоровались. Я тоже с ними здоровался. Не похоже было, чтобы они особо мерзли, но, может, я и не прав. Люди привыкают к погоде того места, где живут. Когда я был в армейской школе рейнджеров, нас отправляли на север Канады, чтобы мы научились ходить на лыжах, взбираться по ледяным склонам и жить среди снегов. Мы к этому постепенно привыкли. А потом нас послали во Вьетнам. Это армия.

Примерно в два тридцать мимо меня потянулись вереницей ребятишки с книгами, а без пяти три темноволосый мальчик в куртке с надписью «Тимберленд» проехал по улице на стареньком горном велосипеде красного цвета. Тоби Нельсен. Он был тощим, с лошадиным лицом, большой задницей и узкими плечами, совсем как у отца. Он промчался по тротуару и резко остановился у входа в банк в тот момент, когда на парковку въехал темно-зеленый «крайслер ЛеБарон». Тоби смеялся. Женщина, которая могла быть Карен Шипли, вышла из «крайслера». Лет на двенадцать старше Карен Шипли на пленке, в пальто цвета ржавчины, явно сшитом на заказ, на высоких каблуках и в темных очках в черепаховой оправе. Короткие волосы великолепно оттеняли лицо сердечком. Держалась она прямо и очень

уверенно. Не дергалась и не извивалась. Тоби поднял руки над головой и закричал:

— Я опередил тебя на целую милю!

Она что-то ответила, мальчик снова рассмеялся, и они вошли в банк. Я вслед за ними перешел на другую сторону улицы.

«Элвис Коул, Детектив-Профессионал. Мы Всегда Найдем Нашу Мамочку».

Когда я вошел в банк, Карен Шипли уже сидела в одном из задних кабинетов и разговаривала по телефону, мальчик устроился за журнальным столиком и что-то писал в блокноте. Я снова подошел к стойке и помахал рукой Джойс Стебен.

— Я вернулся.

Джойс Стебен оглянулась на Карен Шипли, продолжавшую разговаривать по телефону.

— Она занята. Как мне о вас доложить?

— Элвис Коул.

— Будьте добры, присядьте на минуту.

— Конечно.

Я подошел к маленькому круглому столику и сел напротив мальчика. Он писал в тетради желтым карандашом и даже не взглянул на меня. Дроби. Довольно крупный для своих двенадцати лет, он был удивительно похож на отца, хотя, наверное, об этом и не подозревал.

— Ты Тоби Ллойд?

Он поднял голову и улыбнулся:

— Да. Привет.

Здоровый, счастливый и совершенно обыкновенный ребенок.

— Ты сын Карен?

— Угу. Вы знакомы с моей мамой?

— Я приехал, чтобы с ней повидаться. Видел, как вы мчались по улице, точно два самолета.

Его улыбка стала еще шире.

— Я ее сегодня классно обставил. Обычно побеждает она.

— Мистер Коул? — позвала меня Карен Шипли. — Чем могу вам помочь?

Она стояла в узком проходе у дальнего конца стойки.

Я встал, подошел к ней и пожал ей руку. Ее рукопожатие оказалось твердым, рука сухой, и она смотрела на меня с

уверенностью, словно говорила, что может исполнить любое мое банковское желание. Обручального кольца у нее на руке не было. Увидев ее совсем близко и без солнечных очков, я сразу понял, что передо мной та самая девушка с киноплёнки, но не совсем. Лицо то же, но чуть другое. Словно Карен вошла в превращатель вместе с Кальвином и Гоббсом^[19] и изменилась. Голос звучал ниже, вокруг глаз появилась легкая сеточка морщин, но сейчас она выглядела лучше, чем тогда, как это обычно случается с большинством женщин, когда им около тридцати.

— Надеюсь, вы сможете мне помочь, — ответил я. — Собираюсь перебраться в этот район и хотел бы обсудить возможность получения ссуды на покупку дома.

Карен одарила меня теплой профессиональной улыбкой:

— Давайте зайдем в мой кабинет и все обсудим.

— Давайте.

Ее кабинет оказался очень уютным и современным: с полированным рабочим столом, ухоженными растениями и удобными стульями, на которых сидели люди, пришедшие сюда по делу. Сидели и смотрели на нее. На низкой тумбе для папок, между двумя выходящими на парковку окнами с матовыми стеклами, стояла кофеварка фирмы «Тошиба», а на стене за столом висели фотографии в рамках, дипломы и сертификаты. На снимках весьма официального вида мужчины и женщины вручали Карен какие-то значки и официальные бумаги. Некоторые из них украшали стену. «Первая премия Новой Англии за заслуги в банковском и фондовом деле». «Премия за вклад в работу Ассоциации родителей и учителей». Премия Ротари клуба. Лицензия на совершение сделок с недвижимостью, вставленная в рамку, висела прямо под дипломом Государственного университета Нью-Йорка, степень бакалавра, финансы.

«Хи-хи. О, Питер, я, что ли, взаправду должна?»

Степень была получена два года назад. Я удивленно посмотрел на Карен и, кажется, даже улыбнулся. Да, много воды утекло с тех пор, как она гримировалась под официантку.

— Хотите кофе? — спросила она.

— Нет, спасибо.

Карен обошла стол, села, сложила перед собой руки и улыбнулась:

— Итак, чем я могу вам помочь?

Я встал и закрыл дверь.

— В этом нет необходимости, — сказала она.

Я оставил дверь закрытой и вернулся на свое место.

— Будет лучше, если она останется закрытой, — произнес я. — Боюсь, я пришел к вам под надуманным предлогом.

Она слегка нахмурилась, пытаясь понять, о чем я говорю.

— Я не собираюсь сюда переезжать и покупать дом, — сказал я. — Я частный детектив. Из Лос-Анджелеса.

Карен на мгновение застыла, левое веко ее задрожало. Затем на ее лице появилась вымученная официальная улыбка. Женщина склонила голову набок. Удивленно.

— Боюсь, я вас не понимаю.

Я достал сложенную фотографию девятнадцатилетней Карен Шипли, загримированной под официантку, развернул и положил перед ней на стол.

— Карен Шипли, — констатировал я.

Она наклонилась вперед и посмотрела на снимок, но в руки брать не стала.

— Извините. Меня зовут Карен Ллойд. И я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ваш бывший муж Питер Алан Нельсен нанял меня, чтобы я вас нашел.

Она тряхнула головой, затем карандашом подтолкнула ко мне фотографию и встала:

— Я не знаю человека по имени Питер Алан Нельсен и никогда не была в Лос-Анджелесе.

— Да ладно вам, Карен, — откликнулся я.

— Извините. Но если вы не собираетесь вступать в деловые отношения с нашим банком, думаю, вам следует уйти.

Она обошла стол, открыла дверь и осталась стоять около нее, держась за ручку. Джойс Стебен посмотрела на нас из-за своего стола, а женщина с голубыми волосами забрала деньги у кассира.

Я взял фотографию со стола, посмотрел на нее, а затем — на женщину, стоявшую у двери. Это была одна и та же женщина. Нет, я не спятил.

— Десять лет назад вы и Питер Алан Нельсен развелись. Вашего агента звали Оскар Кертисс. Вы жили в доме на Бичвуд-драйв, принадлежащем женщине по имени Мириам Дичестер, почти год, а затем сбежали, не заплатив за три месяца. Через двадцать два месяца после этого вы прислали ей перевод на четыреста сорок два доллара и восемнадцать центов. На нем стоял штамп почтового отделения этого города. Ваша девичья фамилия Шипли. Затем вы стали Карен Нельсен, а теперь превратились в Карен Ллойд.

Она с такой силой вцепилась в дверную ручку, что жилы у нее на руке надулись и выступили, словно струны, как будто она пыталась удержать не столько дверь, сколько конструкцию, которую соорудила много лет и которая могла в любой момент рухнуть. Веко снова задрожало.

— Извините, не понимаю, о чем вы говорите.

— Не понимаете?

Она снова нацепила профессиональную улыбку, но на сей раз у нее получилось не слишком удачно.

— Извините.

Я помахал в воздухе фотографией.

— Это не вы?

Очередная вымученная улыбка.

— Нет. Мы, конечно, похожи, и я понимаю, что это вполне могло ввести вас в заблуждение.

Я кивнул. Снаружи женщина с голубыми волосами убрала деньги в простой белый конверт, засунула его под блузку и вышла. Джойс Стебен разговаривала по телефону. Охранник продолжал читать Тома Клэнси.

Никто не собирался броситься мне на помощь. Впрочем, я на это и не рассчитывал.

— Питеру ничего от вас не нужно, — заявил я. — Он не намерен вмешиваться в вашу жизнь и жизнь вашего сына. Он просто хочет с ним познакомиться. Мне показалось, что это искреннее желание. Вы ничего не выиграете, если будете продолжать упорствовать.

Она даже не шелохнулась.

Я развел руками.

— Карен, вы попались.

Она чуть заметно пожала плечами и тряхнула головой.

— Надеюсь, вы найдете ту, что ищете. Я серьезно. А теперь, извините, мне надо работать.

Она не пошевелилась, я тоже. Снаружи чернокожий мужчина в бейсболке с надписью «Нью-йоркские янки» подошел к оператору, а Джойс Стебен повесила трубку и начала что-то писать на желтом официальном бланке. Где-то в глубинах маленького здания включилась система отопления, и в комнату стал поступать теплый воздух.

— Если вы считаете мои заявления голословными, позовите охранника и велите ему меня вывести, — предложил я.

Карен Шипли прищурилась в надежде, что левый глаз перестанет дергаться. Костяшки пальцев руки, которой она держалась за дверь, побелели. В кабинете повисла мучительная пауза. Затем она облизала губы кончиком языка.

— Мне жаль, что вы зря потратили время, но ничем не могу вам помочь, — произнесла она.

Я сделал глубокий вдох, затем выдохнул и кивнул:

— Карен Ллойд.

— Да. Так меня зовут.

— Никогда не были в Лос-Анджелесе.

— Никогда.

— Не знаете Питера Нельсена.

— Прекрасно понимаю, что могло вас ввести в заблуждение. Я действительно очень похожа на девушку на снимке.

Я снова кивнул. Чернокожий мужчина закончил свои дела и вышел, оператор подошла к столу Джойс и села. Тоби Нельсен подскочил к окну кассы, потянулся за карандашом и снова исчез. Карен Шипли стояла как вкопанная, сдвинув ноги, правая рука на дверной ручке, левая — опущена. Левая рука покраснела, словно от сильного прилива крови. Я сложил фотографию, убрал в карман и встал.

— Извините, — сказал я. — Вы действительно очень похожи.

— Да.

— Мы еще увидимся.

— Хорошего вам дня.

Я прошел мимо нее, потом мимо Джойс Стебен, обогнул стойку и, миновав охранника, направился к двери. На пороге я остановился и посмотрел на Карен Шипли. Она не сдвинулась с места. Лицо

напряжено, правая рука вцепилась в ручку двери. Карен тоже на меня посмотрела, затем вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Тоби был так поглощен математикой, что даже не поднял головы.

Я вышел на парковку и остановился около своей машины. Надо мной было тяжелое, затянутое темными тучами небо. С северо-запада вдруг подул холодный ветер. Он принес стаю ворон, которые, отчаянно хлопая крыльями, сражались с воздушными потоками примерно в ста футах у меня над головой. Вороны направлялись в одну сторону, но порывы ветра относили их в другую. Мне даже стало интересно, понимают ли они это или, ничего не соображая, несутся по воле неведомой силы. То же самое иногда происходит с людьми, но, как правило, они этого не знают, а когда правда до них доходит, наивно полагают, что управляют своей судьбой. Как правило, они заблуждаются.

Глава 10

Около четырех часов я подъехал к мотелю «Говард Джонсон» и снял комнату на ночь. Я занес вещи, разделся и отправился в душ, подставив под горячие струи воды голову, шею и плечи. Потом выпил стакан воды, снова оделся и отправился в бар.

За стойкой стояла рыжеволосая женщина лет сорока. На губах — белый блеск, в ушах — тяжелые серебряные сережки, напоминавшие пятна Роршаха. Она резала лаймы огромным ножом с широким плоским лезвием.

— Это вы из Лос-Анджелеса? — поинтересовалась женщина.

«Ох уж эти мне маленькие городки!»

— Решил остановиться на ночь, — кивнул я.

В мотеле, кроме меня, не было ни единого постояльца.

— Подождите, вот попробуете один из моих напитков, вообще уезжать не захотите.

— Хммм. — (Люди в маленьких городках считают себя особенными.) — Пиво холодное?

— Да, но самое простое.

«Теперь понимаете?»

Я попросил «Фальстаф», но у них был только «Роллинг рок». Женщина положила нож, подошла к холодильнику с прозрачной дверцей и достала бутылку с длинным горлышком.

— Я всегда хотела побывать в Лос-Анджелесе. А все, что говорят про смог, действительно правда? — спросила она.

— Угу.

— Не сомневаюсь, что у вас там очень неплохо.

Она открыла бутылку и поставила передо мной на салфетку, рядом с запотевшим стаканом. Я сделал глоток.

— Да, неплохо.

Я сделал еще глоток. Два глотка — и бутылка пустая. Может быть, «Роллинг рок» специально предназначен для людей, которым пришлось попотеть, добываясь правды от женщин, цепляющихся за свою ложь, как утопающий за соломинку. Я допил пиво.

— В детстве я мечтала туда поехать, — произнесла барменша. — Просто помешалась на этом. Пальмы, люди на роликах, открытые автомобили. — Нож вонзился в очередную лайм. Чик! — Но порой случается так, что твои мечты исчезают. — Чик! Она перестала измываться над лаймом и взглянула на меня. — Хотите кусочек лайма в пиво?

— Нет, спасибо.

— Я слышала, что в Калифорнии все кладут в пиво лайм.

— Нет.

У нее сделался разочарованный вид.

Я оставил на стойке два доллара чаевых и вошел в соседнюю дверь, ведущую в ресторан. Два парня в клетчатых фланелевых рубашках и оранжевых бейсболках сидели за пластиковым столом и пили кофе из толстых кружек. На доске, установленной на стойке прямо напротив ряда кабинок, мелом было написано: «Блюдо дня: домашний мясной рулет». Чуть поодаль стояли столы и стулья для посетителей, соблюдающих дресс-код. Я уселся в кабинке у окна с великолепным видом на парковку.

Невысокая женщина лет шестидесяти в черном платье официантки принесла мне меню и стакан ледяной воды и спросила, хочу ли я что-нибудь выпить перед обедом. Первый «Роллинг рок» произвел на меня такое хорошее впечатление, что я заказал еще бутылочку. Без лайма. Она записала мой заказ в маленьком блокнотике и сказала:

— У нас сегодня фирменное блюдо — домашний мясной рулет. Очень вкусный.

Я отдал ей меню, даже не открыв его.

— В таком случае рулет.

Она одобрительно улыбнулась и ушла. Меня согрела ее улыбка и порадовал тот факт, что хоть кто-то меня одобряет. Судя по всему, Карен Шипли не вошла в число этих людей. «Вы, должно быть, меня с кем-то спутали...» Что тут поделаешь? К тебе в офис входит незнакомый мужчина и говорит, что теперь все, ради чего ты работала, изменится. И кому тогда звонить?

Вернулась официантка и принесла пиво. В ресторан вошла пожилая пара, которая уселась за столик в зале. Одеты как положено. Мужчина в сером деловом костюме с «Нью-Йорк таймс» в руке

устроился за стойкой бара подальше от двух парней в оранжевых бейсболках. Мужчина открыл газету на странице, посвященной недвижимости. Я же пил себе пиво, раздумывал о том, как здорово выглядели Карен, ее сын и все эти награды Ротари клуба, и спрашивал себя, что будет, когда на сцене появится Питер. Возможно, с появлением Питера их жизнь будет разрушена: Карен займется проституцией, Тоби свяжется с байкерами-наркодилерами, а Ротари клуб отберет у Карен все ее награды. Так бывает с семьями в Голливуде.

Официантка подала рулет на белой фаянсовой тарелке вроде тех, что были в ходу в начале сороковых. Рядом высилась приличная горка картофеля в сливках в окружении миллиона зеленых горошин. Все это было полито густым коричневым соусом. Полезная еда. И пахла великолепно.

— Что-нибудь еще? — спросила официантка.

— Соус «Табаско» и еще одну бутылочку «Роллинг рок».

Она принесла «Табаско» и пиво, и я от души приложился и к тому и к другому. «Табаско» — отличное средство против насморка и прекрасно помогает собрать по кусочкам разрушенную жизнь. «Роллинг рок» тоже. Рулет оказался превосходным.

Что же в этой истории не так? Питер Алан Нельсен — знаменитость, кассовые сборы от его картин постоянно обсуждаются в «Ньюсуик» и «Тайм». Карен наверняка читала все эти статьи и знала, что ее бывший муж, отец ее ребенка, стоит не один миллион. Многие — наверное, большинство — попытались бы урвать кусок от этого пирога, но только не она. Ни для себя, ни для мальчика. Интересно. Может быть, Питер не отец Тоби. Или он творил с ней ужасные вещи и она пытается его наказать, причем вполне заслуженно. Или Карен не в своем уме.

Без пяти семь высокий парень с носом, похожим на раздавленный чайот,^[20] вошел в ресторан и принялся оглядываться по сторонам. Он был в бирюзовой рубашке, цветастом галстуке ленточкой, черных слаксах и черных же ботинках. Черные слаксы были слишком короткими, черные остроносые ботинки слишком низкими, а потому все имели удовольствие созерцать черные носки с красными треугольничками. Он посмотрел на меня, мужчину с «Таймс», пожилую пару за столиком и вышел. Может, искал дискотеку.

Я принялся сражаться с мясным рулетом, картошкой, горошком и накотившей депрессией. У меня появилось множество мучивших меня вопросов, но меня наняли не затем, чтобы я на них отвечал, даже не затем, чтобы заставить Карен Шипли признать, что она Карен Шипли. Меня наняли затем, чтобы я ее нашел, и я это сделал. Все остальное — дело Питера Алана Нельсена. И что с того, что Карен Шипли это не нравится и мне это тоже не нравится?! Мне платят вовсе не за то, чтобы мне это нравилось.

Я заказал еще две бутылки «Роллинг рок», чтобы взять их с собой в номер. Еще пара пива, и мне это дело, пожалуй, даже начнет нравиться.

На парковке парень в галстук ленточкой подошел к белому «тандерберду» и что-то сказал водителю. Они поговорили около минуты, затем парень в галстук забрался на пассажирское место и «тандерберд» медленно завернул за угол мотеля.

Официантка принесла пиво в пакете из коричневой бумаги, а еще счет и мятную конфетку. Я подписал счет и вышел через холл на улицу. Мой номер находился на первом этаже, довольно далеко от парковки, примерно посередине двухэтажного здания, рядом с нишей, где стояли автоматы по продаже мороженого и пепси-колы, и лестницей, ведущей на второй этаж. «Таурус» стоял перед моим номером, а неподалеку, на улице, припарковался зеленый микроавтобус «полара». Восемнадцатиколесный «петербилт» занял почти всю дальнюю часть парковки, словно супертанкер в сухом доке.

Когда я подошел к лестнице, мне навстречу шагнули парень в галстук ленточкой и его приятель. Наверное, оставили «тандерберд» на другой стороне мотеля.

— Слушай, Джои, как думаешь, это он? — спросил парень в галстук ленточкой.

Джои был ниже и шире меня, с круглой головой, похожей на пушечное ядро, вулканическими прыщами и мясистым телом, которое делало его похожим на пекаренка Пиллсбери.^[21] Он был одет в синее пальто типа бушлата, натянутое поверх двух слоев фланелевых рубашек, концы которых выбились из штанов.

— Угу, точно он. Похож на вонючего стручка из другого города, и он тут явно лишний. Сдается мне, он заблудился и ему нужно помочь найти дорогу домой.

Я решил, что Джои лет двадцать шесть, хотя выглядел он значительно моложе. А еще мне показалось, что он подлый и не слишком добрый.

Его приятель в галстук ленточкой кивнул и насмешливо фыркнул:

— В точку, мать твою! Давай-ка покажем ему дорогу домой.

— Вы что, серьезно? Или это съемки передачи «Самое смешное домашнее видео Америки»? — поинтересовался я.

Они были ужасно похожи на Лео Горси и Хантца Холла. Бруклин, Бронкс или Квинс — сразу не разберешь. Все нью-йоркцы разговаривают одинаково.

Парень в галстук ленточкой достал кусок трубы, а Джои сделал полшага вперед.

— У нас для тебя послание, Микки-Маус, — начал Джои. — А ну-ка, прижми свои долбаные мышинные уши и возвращайся, пока цел, к себе в Диснейленд.

Я сделал удивленное лицо:

— Ребята, вас случайно не Карен Ллойд ко мне послала?

Галстук Ленточкой помахал перед моим носом трубой, чтобы я смог получше ее разглядеть.

— Никаких вопросов, говнюк. Делай, что тебе говорят.

Он тяжело дышал и громко свистел носом. Даже Джои посмотрел на него.

— Здоров ты носом свистеть, — заметил я. — Это у тебя от природы или ты туда что-то засовываешь?

— Этот вонючий стручок думает, что мы здесь шутки шутим, — заявил Джои.

Парень в галстук замахнулся трубой, но так далеко отвел руку, словно решил достать Северную Атлантику.

Я шагнул вперед и вломил ему в лоб двумя бутылками пива. Стекло разбилось, разорвало бумагу, а пиво пролилось мне на руку, забрызгало стену и тротуар.

— О-о-о, — пробормотал Галстук Ленточкой и повалился как куль.

Джои бросился вперед, дико молотя руками, нанося удары справа и слева, но, похоже, руки действовали самостоятельно, без всякого участия с его стороны. Просто детский сад какой-то!

Я сделал шаг в сторону, дважды вмазал ему в лицо, один раз врезал по шее, а затем нанес отличный удар из тхэквондо в солнечное сплетение. Он перестал размахивать руками, закашлялся и отступил назад. При этом выражение лица у него было крайне удивленное.

— Это как-то связано с Карен Ллойд? — поинтересовался я.

Джои снова закашлялся, затем что-то тяжелое ударило меня в область правого уха, и я упал. Третий тип из «тандерберда». Я замахнулся ногой и одновременно нанес удар рукой, но, похоже, промазал. Зрение мне временно отказало, так как смотреть сквозь вспышки ослепительных звезд довольно затруднительно. Джои наклонился и несколько раз пнул меня под ребра и один раз заехал по голове.

— Ты, стручок вонючий! Стручок вонючий! — повторял он.

Джои был глуп, делал все крайне медленно, но что-что, а силы ему было не занимать. Он вцепился в мои волосы, приподнял голову, потряс ее и сказал:

— Убирайся из города и держи рот на замке, иначе мы превратим тебя в долбанный кусок гамбургера. Усек? Усек, стручок вонючий?

Я попытался дотянуться до его глаз, но промахнулся. Парень в галстук ленточкой заныл:

— Господи, мне надо в больницу!

Джои снова пнул меня ногой, затем я услышал шаги, шум работающего двигателя, который вскоре стих где-то на шоссе.

Я лежал, уткнувшись носом в асфальт, но никто ко мне так и не подошел. Было холодно. Мимо по боковой дороге проезжали машины, но ни одна не остановилась. Чуть дальше люди входили в бар и выходили из него, но здесь, на задворках, им нечего было делать. Через некоторое время я встал, убедился, что могу держаться на ногах, и отправился в свой номер.

Там я принял четыре таблетки аспирина, стянул одежду и внимательно себя осмотрел. Если тебя бьют по пояснице и ниже, ты боишься за почки, а если тебя бьют по ребрам — боишься переломов. Я сделал несколько наклонов вперед, потом назад, вправо и влево, поднял руки над головой. В местах, по которым меня били, тупо пульсировала боль, а когда я поднял руки, правая сторона спины под лопаткой заныла, но не так, как при переломе. Я отправился в туалет.

Крови в моче не оказалось. Значит, почки в порядке, но нужно будет еще раз проверить. Чуть позже.

Я закрыл крышку унитаза, сел и понял, что жив. Я чувствовал, как кровь движется по венам, легкие работают, мышцы напрягаются. У меня все болело, но лучше уж так, чем оказаться в больнице, и лучше уж так, чем оказаться мертвым. Мне и раньше доводилось быть битым, и я знал, что это такое. Все могло быть и хуже.

Я принял ледяной душ, затем оделся, сходил к автомату по продаже мороженого, взял немного льда и вернулся в номер. Затем снова разделся и завернул лед в одно из белоснежных полотенец «Говарда Джонсона». Я лег на кровать, подсунув под спину подушки, а лед приложил к голове. Через час я оделся, взял куртку и отправился в бар. Было без четверти десять. Барменша ушла, и бар закрылся. Ресторан тоже. Вот такая она, жизнь в Челапе.

Я снова вернулся к себе в номер, сменил лед в полотенце и долго лежал, размышляя о Карен Шипли.

Глава 11

На следующее утро у меня довольно сильно болела спина, а место удара за ухом здорово распухло. Я принял аспирин, полежал в горячей ванне, чтобы снять напряжение с мышц спины, затем занялся йогой, начав с самых простых растяжек и закончив «коброй» и упражнениями для позвоночника. Спина сперва немного ныла, но потом я разогрелся и мне полегчало.

В двадцать минут десятого я вернулся в Челам, проехал по Мейн-стрит мимо банка на городскую площадь, повернул через один квартал на юг, снова повернул и остановился перед зданием, где когда-то был выставочный зал тракторов Джона Дира. Сейчас здание пустовало.

Угроза снега миновала, и небо было прозрачным и ясным, если не считать отдельных кучевых облаков, похожих на клочья ваты. Стало заметно теплее. Я дошел до бакалейной лавки, расположенной в квартале от заброшенного здания, остановился возле телефонной будки и посмотрел на банк. Зеленый «ЛеБарон» Карен Шипли стоял на парковке. Я мог бы войти в банк и попытаться прижать женщину к стенке, но она наверняка снова станет отрицать, что она Карен Шипли. Так же, как и свое знакомство с тремя отморозками, заявившимися в мотель. Я мог бы пригласить шерифа, но тогда за дело возьмется пресса и имя Питера Алана Нельсена обязательно всплывет наружу. Прессе это наверняка понравится, а вот Питеру Алану Нельсену навряд ли.

Кроме того, с самой Карен Шипли что-то было не так. Взять хотя бы, как она отчаянно и в то же время обреченно, глядя на фотографию Карен Шипли, то есть на свою собственную, твердила о том, что не знает этой женщины. Мне совсем не хотелось, чтобы шериф, весь город и газетчики узнали правду, прежде чем я сам во всем разберусь. Да и вообще, обратиться за помощью к шерифу — значит проявить слабость.

У меня было несколько вариантов дальнейших действий. Я мог подстеречь Карен Шипли на выходе из банка, приставить пистолет к ее голове и заставить назвать свое истинное имя. Если из этого ничего не получится, можно организовать за ней слежку. Когда-нибудь она

потеряет бдительность и проколется. А еще можно просто порасспрашивать самых разных людей. Хммм. Последний вариант казался мне самым простым. В конце концов, Карен Шипли прожила здесь восемь лет. Местные жители знают ее и про нее. Если я начну задавать им вопросы, то смогу узнать, что они знают, и увидеть, что они видели. И тогда, возможно, мне удастся понять, что здесь происходит, и решить, что делать дальше.

«Элвис Коул, детектив, собирающий информацию».

В квартале от парикмахерской я обнаружил кафе «У Риттенхаузера». Я вошел и сел у стойки. Тощий повар в голубом переднике стоял возле кассы, скрестив на груди руки. Он вперился в маленький цветной телевизор, установленный на огромной банке со свининой и бобами рядом с кассой. Опра Уинфри. Что-то насчет того, что толстяки — лучшие в мире любовники. Не дожидаясь моей просьбы, повар снял с сушилки чистую кружку, налил в нее кофе и поставил передо мной.

— Что будете есть? — спросил он.

— Омлет из трех яиц. Ржаной тост. Омлет, если можно, с грибами и сыром.

— Острый чеддер?

— А как насчет швейцарского?

— Пожалуйста.

Он приготовил яйца, нарезал мясо и сделал два больших ржаных тоста. Когда все было готово, он выложил мой завтрак на толстую белую тарелку и поставил передо мной.

— Аппетитно выглядит, — заметил я.

Он только фыркнул и вернулся к телевизору.

Я съел несколько кусочков омлета.

— Только что из Калифорнии. Перевод. Вчера в банке познакомился с Карен Ллойд.

— Угу.

— Симпатичная дамочка.

И снова «угу».

— Случайно не в курсе, она замужем или, может, с кем-то встречается?

— Не-а.

Невероятно толстый мужчина лет шестидесяти сообщил Опре, что эякуляция у него бывает до двадцати шести раз в день. Он считал, что дело в его могучем теле. Повара это явно заинтересовало.

— Что значит ваше «не-а»? Вы не знаете или она ни с кем не встречается?

— Не мое это дело.

Толстяк на экране объяснял, что, когда был худым, страдал от сексуальной дисфункции.

— А давно она работает в банке?

Повар прямо-таки приник к телевизору. Там рассказывали о том, что высокое содержание жира ведет к увеличению образования жидкостей.

— Неплохой денек для ядерного взрыва? — бросил я.

Повар кивнул и, не сводя глаз с экрана, отрезал себе кусок вишневого пирога.

Может, я все же ошибся и сбор информации в Челама не такое уж плевое дело. И тогда я решил устроить слезку за Карен Шипли.

Приезжий в маленьком городке выглядит как марсианин в Мэйберри. На него все обращают внимание. Тетушка Би видит, что ты околачиваешься на парковке, — Барни Файф тут как тут и попросит предъявить права. Опи катит на своем велосипеде, а Энди уже тут как тут. Все в городе про тебя знают, а потом отморозки в галстуках ленточкой заявляются к тебе и спрашивают, почему ты еще не убрался. Теперь понимаете, как здесь все устроено?

Я вернулся в «Говард Джонсон», перебрался в другой номер, затем отправился в Вестчестер, в офис «Хертца», и поменял голубой «таурус» на белый. С тетушкой Би и Опи мне, конечно, было не сладить, но я мог усложнить жизнь Джои и его дружку в галстукке.

Примерно в девять пятьдесят я вернулся в Челам. В девять пятьдесят две новый белый «таурус» припарковался на маленькой аллее перед выставочным залом Джона Дира. Я вскрыл замок и вошел внутрь. Отсюда мне были прекрасно видны банк, бакалейный магазин и большая часть Мейн-стрит. Тетушка Би и Опи, конечно, могли заинтересоваться «таурусом», но лучше уж так, чем привлекать внимание к своей персоне.

Между половиной одиннадцатого и полуднем к банку подъехали восемь человек. Они заходили внутрь, делали свои дела и выходили.

Среди них не было парней с вулканическими прыщами или в галстукке ленточкой, но я не терял надежды.

В пять минут первого Карен Шипли вышла из банка и села в свой «ЛеБарон». Она была в твидовом брючном костюме, куртке из тонкой кожи и туфлях без каблука. В руках она держала портфель. Карен выехала с парковки и повернула на юг, а я ринулся к «таурису» и последовал за ней. Через двадцать минут мы оказались около торгового центра в Вестчестере, и Карен вошла в маленькое кафе. Мужчина в сером костюме взял ее за руку и поцеловал в щеку, а потом они уселись за столик около окна. Я остался в машине. Где-то в середине обеда она открыла портфель, достала какие-то бумаги и отдала мужчине. Он надел очки в черепаховой оправе, прочитал и подписал бумаги. Карен убрала их обратно в портфель, и обед продолжился. Деловые люди.

Без десяти два Карен вернулась в Первый национальный банк, а я — в выставочный зал Джона Дира. Опи и тетушки Би нигде не было видно.

В три часа Карен Шипли снова вышла из банка, села в машину и через полмили остановилась около Начальной школы имени Вудро Вильсона. Тоби залез в машину, и они проехали через Челам к одноэтажному зданию с вывеской, на которой было написано: «Б. Л. Фрэнке, д-р стоматологии, и Сьюзан Уитлоу, д-р стоматологии, объединение дантистов». Они пробыли там чуть меньше часа.

После дантиста мы проехали назад через весь Челам и оказались на двухполосной проселочной дороге, петляющей между лесами и полями, разбросанными то тут, то там прудами и маленькими озерами, и вскоре свернули на широкую новую асфальтовую дорогу и проехали мимо знака «Клиарлейк-Шорз». Кто-то нагнал сюда бульдозеров и построил поселок вокруг пары озер, которые показались мне слишком круглыми и ровными, чтобы быть естественными. Большая часть участков пустовала, на некоторых шло строительство, на других уже стояли готовые дома, где кипела жизнь.

Карен Шипли подъехала к одноэтажному кирпичному дому в колониальном стиле с широкой подъездной дорожкой и не тронутым строителями ландшафтом. Может, дому был год. А может, и меньше. Во дворе кто-то посадил четыре белые березы и дуб. Стволы берез были совсем тонкими, дуб чуть потолще. Сейчас они ничего

особенного из себя не представляли, но через некоторое время подрастут, наберут силу и будут приносить всем радость. У входа в гараж над дорожкой висел баскетбольный щит с кольцом. Тоби и Карен вошли в дом, и внутри загорелся свет. Дом.

Я проехал через поселок, остановился среди высоких сорняков у дороги и стал наблюдать за домом, пока небо не почернело. Джои и тип в галстуке так и не появились. Над окрестностями нависали темные тени. Новый дом с веселеньким пейзажем вокруг совсем не походил на место, где люди прячутся, дрожа от страха, и откуда насылают головорезов на ничего не подозревающего частного сыщика. С другой стороны, так всегда и бывает. Когда мой желудок начал возмущаться так громко, что уже заглушал радио, я повернул назад в «Говард Джонсон».

Каждый следующий день был похож на предыдущий. Тоби отправлялся в школу на красном велосипеде, потом Карен уезжала в банк. Она приходила туда раньше остальных и открывала дверь. Джойс Стебен появлялась через две-три минуты после нее, а перед самым открытием банка, к девяти, подъезжала оператор.

Клиенты приходили и уходили. Иногда утром или в середине дня Карен осматривала объекты недвижимости и встречалась с разными людьми. Они смотрели друг на друга, улыбались, размахивали руками, а потом Карен возвращалась в офис.

Каждый день между четырьмя и половиной пятого Тоби подъезжал на велосипеде к банку и оставался там до тех пор, пока Карен не заканчивала работу — иногда сразу, как появлялся Тоби, иногда около пяти. И они ехали домой. Пару раз Карен делала мелкие дела по дороге, но, как правило, они отправлялись прямо домой. Один раз они скатали в «Макдоналдс», за четырнадцать миль от Челама, и еще раз — в соседний город, посмотреть новый фильм со Стивеном Сигалом. Однажды Тоби не появился в банке, а Карен ушла с работы пораньше, чтобы поприсутствовать на баскетбольном матче между «Ревущими медведями» школы имени Вудро Вильсона и «Львами» из Раунд-Хилл. Я вошел в школу через заднюю дверь, чтобы понаблюдать за матчем со сцены. Тоби играл за правого форварда, причем очень даже неплохо. Карен сидела в первом ряду и отчаянно болела. Она даже обозвала кого-то из распорядителей придурком. «Ревущие медведи» проиграли со счетом 38:32. Карен отвезла Тоби в заведение

под названием «Монтебекс» и в качестве утешения угостила элем. Портрет прекрасной семьи, в которой имеется только один родитель.

На четвертый день в шесть ноль пять утра все развалилось.

Я ехал в сторону дома Карен Шипли, когда она промчалась мимо меня в противоположном направлении, на час раньше обычного.

Я развернулся на подъездной дорожке, засыпанной гравием, пропустил вперед пикап с биглем на заднем сиденье и последовал за Карен. Она промчалась через Челам, выехала на шоссе и направилась в сторону Вестчестера. Интенсивное движение было мне на руку, так как облегчало слезку. Карен держалась правой полосы и свернула у знака «Датчи». Затем, примерно через милю, направилась к парковке заброшенной станции техобслуживания «Игл» и заглушила мотор. Вокруг никого не было. Я еще примерно полмили ехал за стариком в «шевроле» 1948 года, затем свернул на обочину и остановился. Продравшись сквозь заросли берез и вязов, я занял наблюдательный пост позади станции. Карен сидела в машине.

Холодный воздух и запах зимнего леса напомнили мне детство, как я охотился осенью на белок и белохвостых оленей, и на меня снизошло умиротворение, в которое погружаешься, оказавшись один на один с природой. Мне стало интересно, испытывает ли Карен Шипли то же самое и не за этим ли она сюда приехала.

Без двадцати двух минут семь с дороги свернул черный «линкольн таун кар» с тонированными стеклами и телефонной антенной и остановился позади нее. Дверь открылась, и появился темноволосый мужчина с толстой шеей и широкой спиной. Слегка за тридцать, выше меня, в дорогом пальто «Честерфилд», серых слаксах и черных ботинках от Гуччи, до того начищенных, что, похоже, он держал их в холодильнике. Мужчина достал из багажника зеленый нейлоновый мешок, подошел к «ЛеБарону» Карен и натянуто улыбнулся, хотя не думаю, что он жаждал продемонстрировать ей свое хорошее отношение. Карен вышла из машины, однако улыбаться не стала, взяла мешок и швырнула на пассажирское сиденье.

Они о чем-то поговорили. Губы Карен были поджаты, в глазах застыло сердитое выражение, она стояла, оперевшись спиной о свою машину. Мужчина потянулся к ней и коснулся ее руки. И я заметил, как напряглась Карен. Он еще что-то сказал, снова к ней прикоснулся, но на сей раз она оттолкнула его руку, и он ударил ее по лицу. Так

сильно, что у нее дернулась голова. Однако Карен не бросилась бежать и не начала звать на помощь. Она стояла и с ненавистью смотрела на него, он поднял руку, потом опустил, сел в «линкольн», и машина, взметая гравий, под визг шин умчалась прочь. Я записал номер.

Карен Шипли проводила «линкольн» взглядом, забралась в «ЛеБарон», включила двигатель, положила голову на руль и расплакалась. Она колотила по рулю и так громко кричала, что даже мне было слышно, хотя окна были закрыты, а двигатель работал.

Она поплакала еще минут пять, потом вытерла глаза, привела в порядок лицо, глядя в зеркало заднего вида, а затем уехала.

Я промчался через лес и, выжимая из «тауруса» сто миль, вывернул на дорогу на Челам и догнал Карен Шипли в тот момент, когда она сворачивала к банку. Я остановился около бакалейного магазина и принялся наблюдать. Было без восьми минут семь. Достаточно времени до прихода Джойс Стебен и кассира.

Карен вышла из машины и отнесла мешок в банк. Через десять минут она снова появилась, держа в руках аккуратно сложенный пустой мешок, перешла через дорогу к мусорному контейнеру перед лавкой скобяных изделий и бросила туда мешок.

Кто-то, ехавший мимо в зеленом с белым «шевроле блейзер», посигналил Карен и помахал ей рукой. По-соседски. Женщина никак не отреагировала. Она возвращалась в банк, глядя прямо перед собой невидящими глазами. Она вдруг показалась мне уставшей и постаревшей. Старше, чем симпатичная девчонка на снимке, лежавшем у меня в кармане.

Я сидел в «таурусе» на пустой парковке перед бакалейным магазином и наблюдал за просыпающимся городом. Сельский городок со своими маленькими привычками и мелкими хлопотами. В холодном воздухе витал запах кленов и приближающегося Дня всех святых. Я включил радио. Мужчина и женщина обсуждали рецепты блюд, которые можно приготовить из тыквы и прочих осенних овощей. Немного масла. Немного корицы. Немного сахара. Через некоторое время я выключил приемник.

Когда-то осень была моим любимым временем года.

Глава 12

Я позвонил в нью-йоркское управление автотранспорта из телефона-автомата на заправке «Шелл» у автомагистрали между штатами и сказал:

— Говорит патрульный офицер Виллис Свитвелл, значок номер пять-ноль-семь-два-четыре. Меня интересует, что у вас есть на нью-йоркский номер «сьерра-ромео-гольф-шесть-шесть-один». А еще — на кого он зарегистрирован.

Они либо ведутся на подобные штучки, либо нет.

После короткой паузы мне ответил чей-то низкий голос:

— Подождите минутку.

Очко в пользу Джека Уэбба.

Низкий голос сообщил мне, что ничего противозаконного за данным номером не числится и что он зарегистрирован на мясокомбинат «Люцерно», Нижний Манхэттен, Гранд-веню, 7511.

— Конкретного имени нет? — спросил я.

— Нет. Похоже, машина принадлежит компании.

— Спасибо за помощь, дружище, — сказал я. — Хорошего тебе дня.

Копы обожают слово «дружище».

Я проехал по Меррит, миновал Уайт-Плейнс, затем через полуостров выбрался на Генри-Гудзон и направился дальше по западной границе Манхэттена, оставив реку Гудзон справа. Вдоль реки раскинулся парк с зелеными деревьями, любителями пробежек, стариками и детьми, которые, несмотря на то что им следовало быть в школе, прогуливались, весело смеялись и прекрасно проводили время. Я оставил позади Национальный мемориал генерала Гранта, Памятник солдатам и морякам, и разделительная полоса с зелеными насаждениями плавно перешла в Вестсайдское шоссе, а парк уступил место обычной дороге, идущей вдоль берега. Считается, что река Гудзон отвратительная и грязная, но я не увидел ни дохлых рыб, ни мертвых тел, а всего лишь пару лодок с парусами, около миллиона японских сухогрузов и гидросамолет, привязанный к пирсу.

У Голландского тоннеля я поехал на восток вдоль канала и пересек Нижний Манхэттен между Маленькой Италией и Чайнатауном. Дома здесь были старые, в основном из камня или из красного и желтого кирпича, одни покрашены, другие — нет, на всех без исключения потемневшие от времени пожарные лестницы. На тротуарах бурлила жизнь, желтые машины с ревом носились по мостовой, полностью игнорируя правила дорожного движения, велосипедистов и вообще человеческую жизнь. И никто, казалось, не замечал других, словно все здесь привыкли к одиночеству и даже находили в нем определенное удовольствие.

Компания «Люцерно» расположилась в двухэтажном промышленном здании из красного кирпича между оптовым магазином по продаже шин и центром распродажи текстильных изделий, в четырех кварталах от Манхэттенского моста. Рядом со зданием была большая, засыпанная гравием парковка, куда непрерывным потоком подъезжали на погрузку фургоны «Эконолайн» и грузовики. В дальнем конце парковки, подальше от грузовиков, стояли пять машин и среди них черный «линкольн».

Я влетел на стоянку, промчался мимо грузовиков, резко развернулся, будто хотел побыстрее оттуда убраться, и въехал напрямик в «линкольн». Выключив двигатель «тауруса», я вылез наружу и, стараясь привлечь к себе как можно больше внимания, стал осматривать дело рук своих. Ну вот, левая передняя фара «линкольна» разбита, хромированное кольцо вокруг нее помято, бампер покорежен. За мной наблюдала парочка чернокожих парней в грязных белых передниках, занимавшихся погрузкой. Один из них зашел в помещение склада, что-то крикнул, и наружу выкатился коротышка в белом комбинезоне с блокнотом в руках. Я тут же подскочил к нему и сказал:

— Вот, пытался развернуться и въехал задом в «линкольн». Случайно, не знаете, чей он?

Коротышка подошел к краю платформы, остановился и посмотрел на машины. На спине комбинезона красными нитками было вышито: «Отличное мясо от „Люцерно“», а на левом нагрудном кармане — «ФРЭНК». У коротышки было морщинистое, кислое лицо, словно он только что обнаружил таракана в пакете с ланчем.

— Боже праведный, ты где водить учился? — спросил он. — Подожди здесь.

И вернулся на склад. Два чернокожих парня заканчивали складывать в грузовик белые коробки с тележки. Они брали сразу по две и с грохотом заталкивали их в кузов. Да, ничего не скажешь, нежное обращение!

Через некоторое время появился Фрэнк и заявил:

— Все, проехали. Считай, что ты чист.

Я посмотрел на него.

— Это в каком смысле, проехали? — удивился я.

«А ведь все было так хорошо спланировано!»

— В том самом, в каком сказал. Ты тут наделал делов, но можешь не волноваться за свою задницу. Вали отсюда.

Древняя как мир идея разбей-им-машину-и-предложи-за-нее-заплатить не сработала!

— Я вот фару разбил и бампер помял, а еще кольцо вокруг фары, — не сдавался я. — Может, хозяин все же глянет?

— Не бери в голову, проехали. Это машина компании.

— А я хочу брать в голову. Я виноват и должен кому-то заплатить.

Он наградил меня взглядом, каким иногда жены смотрят на мужей: «Боже! Где были мои глаза, когда я выходила замуж?»

— Все. Отвали. Усек? Ты что, полный идиот?

— Знаете, как раз в этом и заключена главная проблема современной Америки, — заявил я. — Все мечтают отвалить. Никто не хочет ни за что отвечать. Но только не я. Я не убегаю от ответственности и отдаю долги. Я привык платить за свои ошибки.

«А вдруг мне удастся разбудить в нем национальную гордость?»

Один из чернокожих парней почесал живот и рассмеялся, продемонстрировав две золотые коронки. Фрэнк тяжело вздохнул и сказал:

— Послушай, мне нужно работать. Ты заявился сюда, разбил машину и хочешь кому-нибудь за это заплатить. Отлично. Но я стою перед тобой и говорю, что все в порядке. Мы видели, что произошло. Можешь не волноваться. Тебе не придется платить, не придется извиняться и вообще ничего не придется делать. Ты все понял?

— Но вы же не хозяин машины?

— Что? — спросил он и развел руками.

— И не владелец компании.

— Что? — уже громче спросил он.

— Если вы не хозяин машины и не владелец компании, тогда откуда мне знать, что вы имеете право говорить, типа, все в порядке.

Он тряхнул головой и посмотрел на небо.

— Ну и придурок, твою мать!

— Скажите мне, кто водит эту машину, — проговорил я. — Может, тот, кто ее водит, должен сказать мне, что все о'кей.

— Бога в душу мать!

— Только так будет правильно.

Один из чернокожих парней даже взвыл:

— О-о-и-и-и!

Фрэнк швырнул блокнот на землю и ринулся назад, в помещение склада. Чернокожие парни принялись демонстрировать друг другу золотые зубы и переглядываться. Вскоре Фрэнк опять появился. Он привел крупного лысого мужчину лет пятидесяти с глазами навывкате, головой, похожей на дыню, и тоненьким голоском, как у больного ребенка. Мужчина сообщил мне, что он менеджер, и дал свою визитку. «Майкл Виникотта. Мясокомбинат „Люцерно“. Менеджер». Затем он сказал, что если моя страховая компания захочет с кем-нибудь связаться, то могут обращаться к нему. Он заявил, что высоко ценит мое желание все уладить и компенсировать хозяину машины материальный ущерб, но что в этом нет никакой необходимости.

— Может, нам следует оставить все как есть и вызвать полицию, чтобы получить протокол об аварии, — предложил я.

— Вали отсюда, урод недоделанный, иначе будет разбита не только долбаная фара, но кое-что еще, — взревел менеджер.

Я вернулся к «таурусу», проехал квартал и припарковался в гараже на Брум-стрит. Затем дошел пешком до кондитерского магазина, расположенного напротив «Люцерно», заказал двойной эспрессо без кофеина и сел около окна. Может, стоит вернуться, представиться Эдом Макмахоном^[22] и сказать, что владелец «линкольна» выиграл билет достоинством в миллион долларов. Это звучало лучше, чем вся эта муть с разбитой фарой. Только они уже знают, что я не Эд Макмахон. Похоже, надо было именно с этого начать.

Когда я допивал уже третий эспрессо, из «Люцерно» вышел прыщавый толстяк. Джои. Он был в белом комбинезоне, резиновых

сапогах и все в том же синем пальто. Так, так, так. Конечно, не тип из «линкольна», но все равно теплее.

Я заплатил за кофе и шел за ним два квартала до заведения с большой вывеской «Моллюски у Спина». Сквозь витринное стекло я видел, как он уселся на табурет у стойки бара и что-то сказал бармену. Тот поставил перед ним кружку темного пива, затем взял поднос со льдом и начал открывать раковины с моллюсками. В баре было еще четыре человека, но, похоже, они друг друга не знали, и никто ни с кем не разговаривал. Еще человек шесть сидели в маленьких кабинках. Этакое местечко, куда можно зайти в рабочей одежде.

Когда на подносе образовалась горка моллюсков, бармен поставил его перед Джои и отправился к другим посетителям. Джои как раз поднес ко рту раковину и принялся смачно высасывать ее содержимое, когда я подошел к нему сзади и сказал:

— Привет, Джои!

Джои повернулся, посмотрел на меня, и тут я ткнул пальцем ему в горло. Он моментально покраснел, а глаза вылезли из орбит. Джои схватился за горло и закашлялся. Непрожеванный моллюск вывалился у него изо рта прямо на пол.

— Не стоит так быстро есть, можно подавиться, — посоветовал я.

К нам тут же подскочил бармен и спросил:

— Он в порядке?

Я сказал, что в полном порядке и что я умею делать искусственное дыхание. Мы привлекли внимание каких-то парней, сидевших в углу, но, увидев остатки моллюска на полу, они сразу же потеряли к нам интерес. Бармен же вернулся к другим клиентам.

Джои сполз с табурета и не слишком уверенно замахнулся на меня правой рукой. Я отвел удар раскрытой ладонью и ткнул ему пальцем в глаз. На этот раз он побелел, пошатнулся, перелетел через табурет и повалился на пол.

Бармен и четыре парня, сидевших в зале, удивленно на меня посмотрели.

— Похоже, перестарался с искусственным дыханием, — сообщил им я.

— Может, «скорую» вызвать? — предложил ближайший ко мне парень.

— Может, только не сейчас.

Прижимая одну руку к лицу и пытаясь встать, Джои ползал по полу.

— Ты выколол мне гребаный глаз! — завопил он. — Теперь я ослепну!

Я поднял его и отвел в дальний конец бара. Бармен и четыре парня старательно делали вид, что меня здесь нет.

— Не-е-е, — протянул я. — Я тебя совсем легонько ударил. Дай-ка взглянуть.

Он дал мне взглянуть. Я ткнул пальцем в другой глаз.

Джои вскрикнул, схватился за другой глаз и попытался отвернуться, однако мешала стена — все пути к отступлению были отрезаны. Глаза у него покраснели и слезились, но я знал, что с ними все будет в порядке.

— Ты, сукин сын, — сказал он, — ты должен был убраться. Мы же от тебя избавились.

— Плохо поработали.

Он бросился вперед, снова взмахнул правой рукой, а я снова ее оттолкнул, а затем врезал ему по голове. Он дернулся, наткнулся на стойку бара и упал. Парни в зале и несколько человек, сидевших в кабинках, повскакали с мест.

— Эй, я сейчас копов позову, — пригрозил бармен.

— Зови, — откликнулся я. — Сейчас закончу.

Я поднял Джои и усадил на табуретку, а затем достал его бумажник и проверил водительские права. «Джозеф Л. Путата. Джексон-Хайтс».

Вернув бумажник на место, я сказал:

— Хорошо, Джои. Что общего у тебя, гондон ты штопанный, с Карен Ллойд?

Один глаз глядел прямо, а другой непрерывно вращался и моргал. Джои покачал головой, словно хотел сказать, что не знает, о чем это я.

— Без понятия. Кто такая Карен Ллойд?

— Дамочка из банка.

«Может, это вовсе не она их послала».

Джои наконец удалось сфокусировать взгляд, вид у него был испуганный.

— Вот дерьмо! Я сказал ему, что от тебя избавились. Сказал, что ты отсюда убрался.

— Кому сказал? Типу из «линкольна»?

— Я вызвал копов, — сообщил бармен.

Джои перевел взгляд с него на меня, затем снова на него. Он был напуган и озадачен.

— Почему тип из «линкольна» хочет, чтобы я забыл про Карен Ллойд? — поинтересовался я.

— Не знаю. Он сказал, что ты к ней пристаешь. Сказал, что она его подруга. — Вид у Джои стал еще более испуганный, словно ему было страшно даже говорить про типа из «линкольна». — Я же ему передал, что ты свалил.

— Кто он?

— Кто?

— Тип из «линкольна».

Джои посмотрел на меня, точно я с луны свалился.

— Господи, а ты не знаешь?

— Нет.

Путата оглянулся на других посетителей бара и понизил голос:

— Мы говорим про Чарли Де Луку. Сына Сола Де Луки.

— И что?

Джои тряхнул головой, и на лице у него появилось такое выражение, будто он сейчас обделается.

— Сол Де Лука — это крестный отец. Ты, тупой стручок! Сарро de tutti сарро. Он глава всей чертовой мафии.

Глава 13

Без двадцати пять я свернул с шоссе над Челамом на аккуратную проселочную дорогу и подъехал к дому Карен Шипли. Солнце клонилось к горизонту и должно было зайти примерно через час. «ЛеБарон» стоял в гараже.

Тоби Ллойд играл в баскетбол перед домом, отпрыгивая то в одну сторону, то в другую, и вертел головой так, будто его держали Дэвид Робинсон и Мэджик Джонсон.^[23] Я припарковался в тридцати футах, чтобы ему не мешать, и вышел.

— Привет. Помнишь меня? Мы встречались в банке.

— Конечно.

Он несколько раз ударил мячом о землю, затем повернулся и швырнул его в корзину. Мяч ударился о щит и проскользнул в сетку.

— Трудно, небось, бросать, когда холодно, — сказал я. — Пальцы мерзнут и плохо слушаются.

Он кивнул и поймал мяч.

— Вы к маме?

— Угу. Она дома?

— Конечно. Идемте.

«Элвис Коул, друг семьи, пришел в гости».

Тоби провел меня через гараж и прачечную, и мы вошли в кухню. Стены, потолки, полы и все вокруг было новеньким и блестящим, без намека на вековую грязь, которая неминуемо возникает, когда в доме долго живут. Густой соус для спагетти тихонько булькал на плите, и его красные пузырьки отлично смотрелись на фоне белой эмали.

— Мама, к тебе пришли! — крикнул Тоби.

Мы вышли из кухни и через столовую попали в гостиную. Карен Шипли появилась из коридора, ведущего в заднюю часть дома. Она была в розовой футболке, линялых джинсах и белых носках с помпонами.

— Что ты сказал, милый? — спросила она и осеклась, увидев меня.

— Привет, Карен, — поздоровался я.

Она на мгновение потеряла самообладание, но тут же взяла себя в руки и ласково улыбнулась мальчику, точно ничего особенного и не случилось.

— Вы все еще здесь.

— Угу.

Она снова улыбнулась сыну:

— Тоби, нам с мистером Коулом нужно кое-что обсудить. Ты не оставишь нас ненадолго?

— Ладно.

Похоже, он привык не путаться под ногами, когда мать ведет деловые переговоры, и это его не слишком беспокоило. Тоби выскочил на кухню, а потом через прачечную вернулся на улицу.

Гостиная была большой и удобной, со сводчатым потолком из балок, деревянными полами, мебелью в стиле ранних поселенцев и кирпичным камином с каминной полкой. Колониальный дух. Рыжий с белыми пятнами кот дремал на диване.

— Вы зря тратите свое время, мистер Коул, — заявила Карен. — Я не Карен Шипли.

— Вы связаны с мафией, — сказал я.

Она замерла на месте, левая нога подогнулась, словно она вдруг потеряла равновесие. Она открыла рот, закрыла и облизала губы. Но взгляд не отвела. На улице Тоби стучал мячом. Из кухни раздавалось тихое гудение. Таймер.

— Это глупо, — ответила она.

— Четыре дня назад через два часа после того, как я разговаривал с вами в банке, в мотель «Говард Джонсон» заявили три типа. Они потребовали, чтобы я про вас забыл и убирался из города. Я не послушался. Сегодня утром вы встречались с мужчиной, приехавшим в черном «линкольне», в пустынном месте, неподалеку от Бранли. Он передал вам нейлоновый мешок, затем начал к вам приставать, но вы ответили ему отказом. Он вас ударил. Он уехал первым, а вы отвезли мешок в банк. «Линкольн» принадлежит мясокомбинату «Люцерно», расположенному в Нижнем Манхэттене, за рулем сидел Чарли Де Лука, сын Сола Де Луки, главы криминального клана Де Лука. Я поехал на мясокомбинат и увидел там одного из той троицы, что навевалась в «Говард Джонсон». Его зовут Джозеф Путата. Таким образом, просматривается явная связь между Де Лукой и Джозефом

Путатой. Я, конечно, не видел, что лежало в мешке, но не сомневаюсь, что деньги. Уверен, что вы отмываете их для клана Де Лука, пропуская через банковскую систему и не сообщая в налоговую службу. А еще я не сомневаюсь, что, если сообщу обо всем, что мне удалось узнать, в полицию, они с удовольствием меня выслушают.

Глаза Карен Шипли покраснели и налились слезами. Она села рядом с котом, сложив руки на коленях. Она ничего мне не сказала, а только твердила: «Вот черт!»

Я пошел на кухню, выключил плиту, чтобы соус не пригорел, затем налил в стакан воды и принес ей. Карен сделала несколько судорожных глотков.

— Те три парня вас выдали. Где еще можно найти таких отморозков? — объяснил я.

— Мне очень жаль. Не думала, что они будут вам угрожать.

— Все нормально. Мне уже и раньше угрожали.

— Я не такая плохая. Мне все это не нравится.

— Знаю. Видел, как вы обошлись с Де Лукой.

Карен Шипли вытерла глаза, затем встала, подошла к трехстворчатому окну и посмотрела на сына. Он продолжал играть в мяч.

— И что теперь будет?

— Не знаю. Но пытаюсь представить.

— В каком смысле? Вы что, ничего не сказали Питеру? — удивленно спросила Карен.

— Нет.

— И полиции тоже?

— Нет.

— Но они же вас избили.

— Я почувствовал: тут что-то не так — и решил разобраться, — ответил я. — Копы имеют дело с законом. Но далеко не всегда законников интересует, что правильно, а что нет. А ведь здесь нельзя подходить формально.

Она потрянула головой, словно я вдруг заговорил на эсперанто.

— Вы только отмываете деньги? — спросил я.

— Да.

— Какие-нибудь еще преступления? Наркотики, убийства, скупка краденого?

Мой вопрос ее удивил.

— Нет, конечно. За кого вы меня принимаете?

— За человека, работающего на мафию.

Она отвернулась и скрестила руки на груди. Смущенно. Потом взглянула на сына. Мяч громко стучал о землю. Стук-стук-стук.

— Когда я познакомилась с Де Лукой, для меня олицетворением мафии был Аль Пачино. Я тогда работала официанткой на Седьмой авеню в Виллидже, Чарли представил меня своему отцу, старик обещал помочь мне найти работу получше, и я сказала: конечно, спасибо. Про мафию никто ничего не говорил.

— Они никогда не говорят.

— Я приехала в Челам, познакомилась с женщиной, которая была здесь менеджером, и она взяла меня на работу кассиром. Я сняла маленький домик. Начала по вечерам посещать колледж в Бранли. И несколько месяцев не видела Чарли.

— А потом он попросил об услуге.

Она удивленно на меня посмотрела, но промолчала.

— Это был Сол, его отец. Он сказал, что у него возникли проблемы с парочкой деловых партнеров и ему нужно место, куда он мог бы положить деньги. И не могли бы вы открыть для него счет, о котором никто не будет знать, и, возможно, перевести деньги из страны, не сообщая об этом в налоговую.

Она покачала головой и улыбнулась, как улыбаются люди, когда вынуждены признать, что они вели себя глупо и их просто-напросто поймали.

— Неужели так очевидно?

— Вы не думали о том, что совершаете преступление, — пожал я плечами. — Вы просто хотели оказать любезность другу. Это их излюбленный метод.

— Он помог мне получить работу. И был таким славным.

Она опустила руки и подошла к камину. Ей было неловко, и она даже за это на себя разозлилась. Кот потянулся, сел и посмотрел на нее.

— Тоби ходил в детский сад, я — в колледж, готовилась к экзамену на специалиста по недвижимости. У меня началась новая жизнь. От Сола уже несколько месяцев ничего не было слышно, и, когда он позвонил, я очень удивилась. Думала, что второго раза не

будет. А потом был и третий раз — для Чарли. Дальше — больше: они стали связываться со мной один раз в несколько недель, потом — каждую неделю. Вот такие дела. В «Нью-Йорк таймс» есть рубрика, посвященная организованной преступности. Они часто пишут про клан Де Лука. И только тогда я поняла, что они собой представляют. Поняла, что отмываю деньги для мафии, полученные за проституцию, азартные игры и все такое. Я позвонила Чарли. Сказала, что больше не могу этим заниматься. Чарли приехал в банк и заявил, что я буду делать то, что мне говорят, и столько, сколько потребуется, так как я всего лишь пешка в большой игре. А потом он закрыл дверь в мой кабинет и достал свой член. Я подумала: «Господи, сейчас он меня изнасилует, чтобы знала свое место», но он не стал ничего такого делать. Он помочился на мой ковер и сказал: «Видишь, что я могу?» И ушел.

Она вся дрожала, когда рассказывала мне это. Кот спрыгнул с дивана, подошел к ней и принялся тереться о ноги. Похоже, она его даже не заметила.

— Если хотите избавиться от них, идите к копам, — заявил я. — Вы связаны с Чарли и Солом, а это дорогого стоит. Вы сможете заключить с копами сделку.

Карен снова покачала головой, подошла к окну и посмотрела на сына. Кот проследовал за ней. Он был не таким большим, как мой, да и шрамов у него не наблюдалось, но мне он нравился.

— Нет. Если я пойду в полицию, то попаду под программу защиты свидетелей. А это означает, что мне придется от всего отказаться.

— Сдается мне, вы уже и так от многого отказались.

В ее глазах появилось жесткое выражение, а голос прозвучал резче, чем прежде.

— В Лос-Анджелесе у меня был только сын и куча плохих воспоминаний. Я мечтала о перспективной работе. Хотела получить образование. Хотела работать и видеть, что моя работа приносит плоды, хотела стать достойным членом общества. И стала. У меня прекрасный дом. Я отлично лажу со своим мальчиком. Он не принимает наркотики, и у него нет проблем в школе. Программа по защите свидетелей вынудит нас поменять имя и вообще жизнь. Придется все начинать сначала. Я на это не пойду. Один раз я уже

начинала сначала, построила то, что хотела построить, и не собираюсь это терять. Я проделала слишком длинный путь из города дураков.

— Настолько длинный, что вас не смущает связь с мафией?

Она снова посмотрела на Тоби и покраснела:

— Не знаю, что смогу сделать, но обязательно найду выход. Прошло восемь лет, но выход непременно найдется. Обещаю вам.

Она говорила это не мне. Она говорила это сыну.

Я окинул взглядом ее дом. Посмотрел на кота. Посмотрел на мальчика, играющего в мяч. Хороший дом, уютный и теплый, наполненный вещами, которые должны быть в любом семейном доме. Ей было нелегко.

«О, Питер, я, что ли, взаправду должна?»

— Я знаю, что вы можете сделать, — сказал я.

Она устало рассмеялась и повернулась ко мне:

— Дерьмо! Вы здесь, а тут еще Питер свалился на мою голову. И шанс, который у меня был избавиться от этих людей, упущен. А больше я ничего сделать не могу.

— Нет, можете. Например, нанять меня, чтобы я помог вам выпутаться.

Глава 14

Мы сидели напротив камина: я — на диване в колониальном стиле, Карен — на стуле с плетеной спинкой — и пили белое вино из простых, без изысков бокалов. Кот ушел из комнаты.

— Они дают мне деньги, я перевожу их из страны, не ставя в известность налоговую службу, — сказала Карен. — Мы должны сообщать налоговикам о любом вкладе на сумму более десяти тысяч, но я этого не делаю. Вот и вся игра. Я беру деньги, вношу их на счет, затем перевожу в банк на Барбадосе. Получаю и перевожу. Не слишком трудная работа.

— Кто передает вам деньги? — спросил я, пытаюсь найти выход из этой ситуации.

Я еще не придумал, как это сделать, но решил, что чем больше буду знать, тем раньше придет решение. Стандартный метод в работе детектива.

— Либо Чарли, либо парень по имени Гарри. Как правило, Гарри, но иногда приезжает Чарли.

— Кто такой Гарри?

— Просто парень. Работает на Чарли, и обычно деньги привозит он.

Солнце клонилось к закату, и небо стало темно-синее, но до настоящих сумерек оставалось еще примерно полчаса. Тоби продолжал играть в мяч.

— Я каждый раз удивляюсь, когда приезжает Чарли. Те, кто занимает такое высокое положение, как они с Солом, держатся в стороне от подобных дел. Они используют парней типа Гарри. Если что-то пойдет не так, Гарри получит по полной программе. Именно за это ему платят.

Она пригубила вино и поставила бокал, словно вино вдруг стало безвкусным.

— Для вас ведь это обычное дело? Вы, наверное, постоянно сталкиваетесь с такими вещами.

— Ну, не совсем с такими, но с похожими. Люди часто ищут способы попасть в ловушку, и, как правило, им это удается. Я помогаю

людям в экстремальных ситуациях.

— А вы хороший специалист?

— Неплохой.

— Удивительно, что вам удалось меня найти. Я постаралась замести все следы. Убрала девичью фамилию со всех кредитных карточек. Взяла имя Ллойд. Наугад.

— Вы оставили след в милю шириной.

Она снова взяла бокал и немного отпила из него, как будто для продолжения разговора о своих проблемах ей необходимо было подкрепиться.

— Хочу, чтобы вы знали. Я построила новую жизнь для себя и сына без них и их денег. Я не воспользовалась ни помощью Питера, ни их помощью.

— Хорошо.

— Через три дня после того, как я сделала первый перевод, в банк пришел незнакомый человек и вручил мне конверт, в котором лежала тысяча долларов. Я позвонила Солу и сказала, чтобы он забрал деньги, но он отказался. Он заявил, что друзья должны помогать друг другу, что-то типа того. Он был таким милым, а это все-таки была тысяча долларов, и я позволила ему себя уговорить взять деньги. А потом я привыкла к этой мысли, и мне это даже стало нравиться. Вы меня понимаете?

Я кивнул.

— Но потом были еще звонки и еще деньги, и все происходящее перестало мне нравиться. Я знала, что это неправильно, и испугалась, и в конце концов они сказали: «Ладно, не хочешь, чтобы мы тебе платили, не будем». Но к тому времени я уже успела получить от них и потратить около шести с половиной тысяч.

Карен встала, вышла в коридор и вернулась с конвертом пять на семь из манильской бумаги. Она открыла его, вытряхнула несколько листков и протянула мне.

— За последние три года я потратила четыре тысячи двести долларов на благотворительность. Я не хотела, чтобы их шесть с половиной тысяч оставались у меня. Это все, что я могла сделать.

Я посмотрел. На чеках значилась общая сумма в четыре тысячи двести долларов. До абсолютно чистой совести оставалось две тысячи триста.

«Да, экстремальная ситуация».

— Это как-нибудь поможет? — спросила она.

— Если вас поймают и отправят под суд или если вы обратитесь к копам, возможно. А больше никак.

Карен кивнула.

— Чарли когда-нибудь говорил о других способах отмывания денег, которыми они пользуются?

— Нет.

— А как насчет той женщины, что взяла вас на работу? Она тоже из них?

— Не думаю.

— В настоящий момент кто-нибудь еще в вашем банке связан с ними?

— Нет.

— А кто-нибудь в банке знает, что происходит?

— Нет.

— Существуют ли какие-нибудь бумажные свидетельства ваших отношений с Де Лукой?

— Нет.

Может быть, стандартный метод детектива здесь не работает. Похоже на сбор улик.

— А записи о переводах денег имеются?

— Первых — нет. Сначала я была так напугана, что не хотела ничего регистрировать и стирала записи в компьютере. Затем мне стало еще страшнее, и я завела специальный файл.

— Хорошо. Это уже кое-что. Я хотел бы на него взглянуть.

— Я могу сделать распечатку в банке, — кивнула Карен.

— Как по-вашему, я что-нибудь упустил?

— Не думаю.

Кот вернулся в коридор и прошел через столовую на кухню. Карен Шипли-Нельсен наклонилась ко мне, сжав руки в кулаки.

— А Питер?

— Передо мной встала проблема, которую мы в нашем деле называем этической дилеммой, — ответил я. — Питер заплатил мне за то, чтобы я вас нашел, и я это сделал. Я просто обязан сообщить ему все, что мне удалось узнать.

Она смотрела на меня, продолжая сжимать кулаки.

— Мне и раньше приходилось находить людей и хранить их секреты, но сейчас это не пройдет. Питер хочет отыскать сына и обладает неограниченными ресурсами, чтобы получить желаемое. Если я ему скажу, что не смог вас найти, он наймет кого-нибудь другого и тот явится сюда. Тем более что найти вас совсем не сложно.

Карен поджала губы. Ей не понравилось то, что она услышала, но она прекрасно понимала, что тут нечему нравиться.

— Что знает Тоби? — спросил я.

— Про семью Де Лука и мои отношения с ними ничего. Я не хочу, чтобы он знал.

— А насчет Питера?

— Ему известно, что его отца зовут Питер Нельсен, что он нас бросил, так как не хотел иметь семьи и связывать себя брачными узами. Мы об этом не говорим. Он не знает, что его отец снимает фильмы и про него пишут в газетах и журналах.

— Вам нужно подумать, как сообщить ему это.

Карен встала, подошла к окну и посмотрела на сына. Мяч неподвижно лежал на дорожке, а Тоби сидел, прислонившись спиной к одной из берез.

— Скажите мне правду. Вы видите хоть какой-то выход из всего этого?

— Парни вроде Де Луки никогда ничего не делают по доброте душевной. Если мы хотим что-то от него получить, нам придется что-то ему дать.

— Например?

— Возможно, они вас отпустят, если мы позволим им посадить на ваше место кого-нибудь из своих людей. В этом случае они ничего не потеряют. Вы готовы расстаться с банком?

— Да. Да, готова, — ответила она, страшно побледнев.

— Хорошо, — кивнул я. — С этого начнем. Я тут поспрашиваю, постараюсь побольше узнать про Де Луку, посмотрю, что мы можем им предложить или как на них надавить. Вы в свою очередь должны собрать всю имеющуюся информацию о счетах, а также о Чарли и Соле. Ничего не выпускайте из виду. Здесь мелочей не бывает. Даже если вам покажется, что сведения бессмысленны или не относятся к делу.

— Хорошо.

— Я встречу с Чарли и немного его подтолкну. Посмотрим, что получится. Чарли это не понравится, но другого пути нет. Вы согласны?

Карен кивнула.

— Возможно, мне удастся избавить вас от Де Луки, прежде чем на сцене появится Питер. Если они окажутся далеко и вы больше не будете иметь к ним никакого отношения, это может сработать.

Карен снова кивнула.

— Если все работает, Питеру не обязательно знать про Де Луку, а им не обязательно знать про Питера.

В ее глазах загорелась надежда.

— Это именно то, чего я хочу.

— Но существует вероятность того, что не сработает. Могут возникнуть серьезные проблемы, и вы должны быть к ним готовы. Вам следует сосредоточиться на Де Луке, потому что сейчас он наша головная боль. Он, а не Питер. Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Мы будем продвигаться вперед медленно, маленькими шажками.

Она снова кивнула, затем мы встали и направились к двери. Когда мы подошли к ней, Карен спросила:

— Сколько?

Я удивленно на нее посмотрел.

— Сколько вы хотите получить за работу?

— Пятьдесят миллиардов долларов.

Она уставилась на меня, затем кивнула и смущенно улыбнулась:

— Спасибо, мистер Коул.

— Не стоит благодарности. Наше агентство оказывает всесторонние услуги.

Глава 15

В тот же вечер я позвонил Джо Пайку. В Лос-Анджелесе была половина восьмого.

— Это я. Я в Нью-Йорке по тому делу, о котором тебе говорил. Тут становится жарковато. Похоже, замешана мафия.

— Ролли Джордж.

— А номер его телефона у тебя есть?

Пайк назвал номер.

— Ты где остановился?

Я ответил.

— Подожди десять минут, затем звони Ролли. Постарайся продержаться до моего приезда.

И повесил трубку. Это Пайк.

«Мой партнер — это что-то!»

Через пятнадцать минут я набрал номер, который он мне назвал, и низкий мужской голос сказал:

— В Виллидже на Бэрроу-стрит, к востоку от Седьмой, у меня квартира. Если тебе негде остановиться, она твоя.

«Роланд Джордж».

— Как дела, Ролли?

— Не жалуясь. Мой друг Джо Пайк сказал, что ты хотел бы кое-что узнать про нашу классическую американскую мафию.

Слово «мафия» он произнес протяжно, разделив его на три длинных слога. Чернокожий парень, выросший на улице.

— Семья Де Лука.

— Я думал, тебя заинтересуют Гамбино, это же ты разобрался с Руди, когда тот отправился на побережье.

«Никто в мире не называет Лос-Анджелес побережьем. Только жители Нью-Йорка».

— Женщина по имени Эллен Лэнг^[24] его прикончила. А я решил с ней прокатиться.

— Они на тебя охотятся?

— Нет, тут другое.

— Ты же знаешь, что получишь все, что тебе нужно.

— Знаю.

— Все, что у меня есть и что я могу раздобыть для тебя или Джо, — ваше.

— Приеду завтра утром. Из Челама, Коннектикут.

— Приезжай после часа пик, скажем в десять. У тебя это займет час. Я встречу тебя внизу, перед домом. Например, в половине двенадцатого.

— Договорились.

Он дал мне адрес, и мы повесили трубки.

На следующее утро я вернулся назад той же дорогой, которой ехал сюда, на сей раз свернув с Вестсайдского шоссе на Двенадцатой улице, затем через площадь Эбингдон и Виллидж на Бэрроу.

Двое чернокожих мужчин и очень старый терьер стояли перед домом из красного кирпича в восточной части Бэрроу, у Четвертой улицы. Один из них был моложе другого: высокий, мускулистый, в простом голубом костюме и белой рубашке. Его спутник, лет шестидесяти, в темно-коричневом кожаном плаще, видимо, когда-то выглядел так же, как его товарищ. Когда-то — это пару жизней назад, до того как он прослужил двадцать два года в полицейском управлении Нью-Йорка и получил две девятимиллиметровые пули из парабеллума в печень. Роланд Джордж. Маленький черно-белый терьер сидел у его ног, выставив задние лапы под необычным углом. Его приплюснутая мордочка посерела от возраста. Терьер смотрел в пустоту слезящимися от катаракты глазами. Малиновый язык, казалось, не помещался в пасти, и с него капала слюна. Пес Роланда. Макси.

Одиннадцать лет назад Роланд Джордж и его жена Лиана возвращались из Джерси после уикэнда по Рахвей-Тернпайк, когда их догнал темно-коричневый «меркурий» и два пуэрториканца выпустили в них очередь из автомата — привет от колумбийского наркодилера, которого Роланд засадил в тюрьму. Ни пули, ни авария не стали для Роланда смертельными — в отличие от его жены Лианы. Макси оставался у соседей. Детей у них не было.

Роланд Джордж вышел на пенсию по медицинским показаниям, целый год пил не просыхая, затем протрезвел и начал писать толстые брутальные романы про нью-йоркских копов, охотящихся на убийц-психопатов. Первые два романа не продавались, зато следующие три вошли в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», позволили автору

приобрести несколько роскошных квартир, дом на озере Вермонт на двадцать четыре комнаты и вносить солидные средства в фонд избирательных кампаний кандидатов, выступающих за смертную казнь. Через четырнадцать недель после смерти Лианы два пуэрториканца устроили налет на «Тако Белл» в Калвер-Сити, Калифорния. Их застрелил полицейский по имени Джо Пайк. Вот так мы и познакомились с Роландом Джорджем. Роланд все еще продолжает носить обручальное кольцо.

Я остановился у тротуара, выбрался из машины, и Роланд пожал мне руку. Его рукопожатие было жестким, сильным, но каким-то костлявым.

— Есть хочешь?

— Не откажусь.

— Томас поставит твою машину на стоянку на другой стороне улицы. Тут неподалеку есть итальянский ресторанчик, до него пара минут ходу.

— Отлично. — Я отдал молодому человеку ключи, затем наклонился и погладил Макси по маленькой квадратной голове. Ощущение было такое, словно я решил приласкать пожарный шланг. — Как делишки, старина?

Макси пукнул. Роланд печально покачал головой:

— Дела у него не так чтобы очень.

— А что?

— Он оглох. У него артрит, он слеп, как крот, а теперь еще и не слышит. Мне кажется, ему мерещатся всякие страсти.

— Да, стареть неприятно.

— Это точно. По личному опыту знаю.

— Мне забрать вас из ресторана, мистер Джордж? — спросил Томас.

— Нет. Думаю, мы вернемся сюда пешком. Старине Макси полезно прогуляться.

— Очень хорошо, сэр.

Томас сел в «таурис» и уехал.

— В жизни не слышал, чтобы кто-нибудь говорил «очень хорошо, сэр», — заметил я.

— Я пытаюсь его отучить, но он насмотрелся слишком много фильмов.

Мы с Роландом свернули с Бэрроу на Четвертую. Чтобы заставить Макси сдвинуться с места, Роланду пришлось поставить его на ноги и пару раз дернуть за поводок, чтобы показать, куда нужно идти. Язык Макси свисал из пасти, за псом тянулся слюнявый след, а задние лапы не слушались. Артрит.

По дороге Роланд всматривался в лица прохожих и витрины по обе стороны улицы, время от времени останавливая взгляд на чем-то, что казалось ему интересным. Коп всегда коп.

— Сол Де Лука в этом деле давно, — сказал Роланд. — Начинал в сороковых как самый обычный боевик в банде Лучези. Когда банда распалась, у него образовалась своя команда, причем достаточно большая, а еще он сумел получить столько власти, что ее хватило, чтобы основать собственный клан. Сол Скала — так его называют. Эти парни обожают звучные имена.

— И чем они занимаются?

— Азартные игры, ростовщичество, профсоюзный рэкет здесь, в Нижнем Манхэттене. В данный момент мы находимся на территории Де Луки.

Я принялся озираться по сторонам в поисках теней, затаившихся в дверных проемах, или людей с автоматами в руках, но ничего такого не увидел.

— А ты откуда знаешь?

— В полицейском управлении на стене висит расчерченная карта Нью-Йорка — ну точь-в-точь маленькие Соединенные Штаты. Вот район, принадлежащий Де Луке, рядом территория Гамбозы, а вот здесь — Карлино. Что-то вроде того. Ребята, которые называют себя капо, имеют собственных солдат и управляют тем или иным бизнесом, но все капо подчиняются капо де тутти капо, боссу боссов.

— Крестному отцу.

— Точно. В семье Де Лука это Сол. У Чарли своя команда и свое дело, но он тоже должен отчитываться перед Солом. Как правило, когда капо де тутти капо уходит на покой, он передает бразды правления сыну. Он организовывает дело таким образом, что у сына самая большая команда, больше всего денег и все такое. Сол купил Чарли мясокомбинат.

— Я там был.

Ролли сложил пальцы пистолетом и поднес руку к виску.

— Чарли — псих. Абсолютно неконтролируемый. Его называют Чарли Тунец. Помнишь, что я говорил тебе про имена? Его прозвали Тунцом, потому что он прикончил массу людей. Утопил в океане.

Отличные новости. Просто то, что нужно.

Мы свернули с Четвертой на Шестую и направились на юг, к Маленькой Италии. Пока мы ждали у светофора, Макси вдруг зарычал и бросился в сторону. Задние лапы опережали передние, из пасти непрерывным потоком текла слюна — он изо всех сил пытался укунить несуществующего врага. Стоявшие рядом с нами парни в бейсболках переглянулись и отошли подальше.

— Самое страшное, когда у него едет крыша, — печально произнес Роланд.

Макси какое-то время яростно кусал воздух, потом устал, снова пукнул и сел. Один из отошедших в сторону парней нахмурился и покачал головой.

— Похоже, с пищеварением у него тоже не все в порядке, — заметил я.

Роланд снова печально кивнул:

— Да.

Когда загорелся зеленый свет, Роланд помог Макси встать, показал, куда нужно идти, и мы перешли на другую сторону.

Мы свернули с Шестой на Спринг и вошли в маленький ресторанчик под названием «Умберто». Лысый тип в жилетке бросился к Ролли, улыбаясь и постоянно повторяя «buon giorno», и тотчас же проводил нас в кабинку напротив бара.

В зале уже сидело человек двадцать. Примерно добрая половина из них говорила по-итальянски. Черные глаза проводили Ролли до столика, голоса зазвучали тише. Метрдотель щелкнул пальцами, и мальчишка с нечистой кожей принес воду. Макси, тяжело дыша, уселся на полу рядом с Ролли. Когда метрдотель и мальчишка ушли, я спросил:

— Они не возражают против собаки?

— Мы с Макси едим здесь уже много лет. Когда я служил в полиции, половина здешних парней состояла у меня на учете. Мы киваем друг другу, улыбаемся. Это что-то вроде игры. Заведение принадлежит семье Гамбоза.

— На территории Де Луки?

Ролли глотнул воды и кивнул.

— В прежние времена имелось пять кланов, и все убивали всех, сражаясь за территорию и бизнес, но теперь кланов восемь или девять, и они изображают из себя Ли Якокку, все ужасно вежливые и ведут дела друг с другом, если партнеры демонстрируют *rispetto*. Ты знаешь, что это такое?

— Если хочешь открыть свое дело на чужой территории, мало просто занять там место. Ты должен продемонстрировать уважение. Попросить разрешения и отдавать часть прибыли.

— Точно. Вито Ратулли, хозяин заведения, является боевиком Карлино. Он отдает Де Луке шесть процентов прибыли за право оставаться на этой территории. Вито готовит лучшие каламари в округе и ведет себя с Де Лукой уважительно. Сол иногда заходит сюда поесть. Эта система работает в обе стороны. Кое-кто из людей Де Луки ведет свои дела на территории Карлино.

Вернулся метрдотель и поставил перед нами большую белую тарелку. В центре тарелки стояла маленькая чашка с оливковым маслом и базиликом, вокруг были разложены веером тонко нарезанные кусочки острой ветчины, по краям лежали горячие рогалики, щедро политые оливковым маслом и посыпанные мелко нарубленным чесноком. Ролли свернул кусочек ветчины, обмакнул в масло, съел половину с маленьким рогаликом, остальное отдал собаке.

— Любишь острую еду? — спросил он.

— Да.

Ролли сказал метрдотелю, чтобы он принес нам каламари, и тот ушел.

— Из какой части Италии ты родом? — спросил я.

Ролли раскатисто рассмеялся:

— Если есть много макарон, перестаешь любить бобы и ветчину.

— А почему кланы заключили мир? — поинтересовался я.

— Организованная преступность — это больше не даго^[25] и евреи, — развел руками Ролли. — Наши братья в Гарлеме были под каблуком у мафии, но потом получили гражданские права. Черные решили, что они и сами могут совершать преступления и не платить даго. Появились новые банды, которые уже не были просто уличными хулиганами. А еще выходцы с Ямайки и из Вест-Индии. Они верят в вуду и прочее дерьмо. Им плевать на Сицилию. Кроме того, не следует

забывать про кубинцев, китайские триады и всякое отребье из Юго-Восточной Азии. В общем, дерьмо. — Ролли нахмурился, обдумывая свои слова. — Клань поняли, что, если они не будут держаться вместе, их вытеснят из дела, но мир дался им нелегко. По-прежнему проливается море крови. Никому не нравится вести себя вежливо, и никому не нравится демонстрировать уважение, и множество тел было зарыто в землю, прежде чем семьи приняли решение, как они разделят свою преступную деятельность и территории. Твой Де Лука и Гамбоза ненавидят друг друга еще со времен Сицилии, но ниггеров и китайцев они ненавидят больше. Улавливаешь?

— А кто-нибудь ведет дела с другими парнями?

— Дерьмо.

— Я хочу, чтобы Чарли Де Лука отпустил одного человека, которого он прибрал к рукам.

Ролли съел еще кусочек ветчины.

— Чарли Тунец не из тех, с кем можно договориться.

— Ну, они все такие.

— У тебя есть что ему предложить? — улыбнулся Ролли.

Я покачал головой.

— Я поспрашиваю, — сказал Ролли. — Может, смогу тебе помочь.

— Думал поговорить с ним, посмотреть, как он себя поведет. Знаешь, где его найти?

— Попробуй на мясокомбинате.

— Пробовал. С ним довольно трудно встретиться.

— Вполне возможно, что он там не часто бывает. Умники владеют бизнесом, но работать не хотят. Поищи его в заведении, которое называется клуб «Фигаро», на Мотт-стрит. Это примерно в восьми или девяти кварталах отсюда.

— Ладно.

Ролли наградил хмурым взглядом последний кусочек ветчины, взял его и обмакнул в масло.

— Этот парень, если распаляется, себя не контролирует. Именно поэтому у него постоянно возникают проблемы. А папочке приходится за ним убирать.

— Знаю.

— Он самый настоящий псих, Элвис. Это и без справок видно. — Ролли говорил очень медленно. — Здесь тебе не Лос-Анджелес.

— Ролли, в Лос-Анджелесе у нас имеются Ричард Рамирес и Горный Душитель, — сказал я.

Роланд долго-долго на меня смотрел, затем кивнул и доел ветчину.

— Да, наверное, имеются.

Макси неожиданно сделал выпад в сторону, залаял и попытался схватить очередного только одному ему видимого врага. Роланд Джордж снова погрузился, подтянул его к себе, принялся нашептывать ему на ухо ласковые слова, которые пес не слышал, и гладить по спине. Мне показалось, что он сказал: «Лиана».

В конце концов Макси успокоился, тяжело вздохнул и сел у ног Ролли. Потом громко пукнул. Думаю, его слышали все посетители ресторана, но никто даже не посмотрел в нашу сторону. Наверное, хотели показать, какие они воспитанные и вежливые. И демонстрировали нам свое уважение.

Каламари оказалось превосходным.

Глава 16

Клуб «Фигаро», расположенный на Мотт-стрит, с одной стороны подпирала лавка сапожника, с другой — магазинчик, где кофе мололи прямо при тебе. Дверь клуба была обита потрескавшейся красной кожей, которую не протирали, наверное, с 1962 года. Ступеньки и сточная канава рядом с домом были завалены мусором и покрыты какими-то маслянистыми разводами. На двери висела маленькая табличка «ЗАКРЫТО ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ». Я решил, что все это выглядит довольно убого, но, возможно, во мне говорил снобизм жителя Западного побережья. На Западном побережье гангстерские шишки швыряются деньгами, живут во дворцах и ведут себя так, словно они ближайшие родственники Дохени.^[26] Но может быть, на Восточном побережье такое поведение считается неприличным. Может быть, здесь серьезные бандиты стараются выглядеть так, словно они только что вылезли из крысиной норы.

Я толкнул красную дверь и чуть помедлил на пороге, чтобы глаза привыкли к полумраку. Чарли Де Лука и несколько парней размером с хлебный фургон сидели за голым деревянным столом и поглощали макароны с каким-то красным соусом. Позади них Джои Путата и невысокий мускулистый тип поднимали ящик пива на стойку бара. Старик в белом переднике — судя по всему, бармен — орал на них, призывая быть осторожнее. В дальнем конце зала у бильярдного стола высокий костлявый мужчина с длинным лицом и острым носом играл сам с собой в пул. Мне показалось, что у него неестественно широкие плечи. Таких вполне хватило бы на двоих. Он был невероятно тощим и бледным — кожа да кости. Растрепанные черные волосы торчали в разные стороны, глаза он прятал под черными очками «Рэй-Бэн». Одет он был во все черное: черные сапоги с серебряными носками, обтягивающие черные штаны и черную шелковую рубашку, застегнутую на все пуговицы. И от этого его кожа казалась еще блее.

Увидев меня, бармен замахал руками:

— Эй, ты что, читать не умеешь? Мы закрыты для посетителей.

— Знаю. Мне нужно поговорить с мистером Де Лукой.

Если хочешь, чтобы они с тобой сотрудничали, нужно обязательно говорить «мистер».

Де Лука и парни за столом подняли на меня глаза, и Джои Путата вместе со всеми. Джои перестал сражаться с ящиком и выругался:

— Вот дерьмо!

Про бар, где подают моллюсков, он счел за благо промолчать.

— Меня зовут Элвис Коул, мистер Де Лука. Хочу поговорить с вами о Карен Ллойд, — сказал я, нажимая на слово «мистер».

Де Лука удивленно заморгал, затем посмотрел на Джои Путату:

— Мне казалось, ты избавился от этого стручка.

«Может, я все-таки недостаточно нажимал на слово „мистер“?»

— Послушай, Чарли, мы ему вправили мозги, — ответил Джои. — Я прихватил с собой Ленни и Фила. Мы ему здорово вправили мозги.

Чарли повернулся ко мне и снова занялся своими макаронами.

— Это ты тот самый урод из Диснейленда?

— Нет, я урод из Лос-Анджелеса.

— А какая, на хрен, разница? Там ведь одни говорящие кролики живут.

Два парня рядом с Чарли и коротышка у бара решили, что это классная шутка. У одного из тех, что сидели рядом с Чарли, были мощные руки и большой живот, а еще пиджак из акульей кожи поверх голубой рубашки. Мода двадцатилетней давности.

— Слушай, Чарли, как ты думаешь, этот придурок знает Минни-Маус? — спросил он. — Может, он прячет со старушкой Минни салями про запас?

Все, кроме парня у бильярдного стола, дружно засмеялись. Он смотрел на стол и держал кий так, словно это гитара, и тихонько качал головой в такт музыке.

— Очень глупо с твоей стороны вот так заявиться сюда, — сказал Чарли. — Разве Джои не говорил тебе, чтобы ты не парился и отвалил?

— Джои не справился с заданием.

— Эй, да пошел ты! — откликнулся Джои.

Чарли снова повернулся ко мне и наградил меня суровым взглядом:

— Джои — просто кусок дерьма. Но у меня есть ребята получше, Микки-Маус. — Он слегка развернулся к бильярдному столу. — Как

думаешь, Рик, сможешь справиться получше, чем этот кусок дерьма?

Парень с кием в руках молча кивнул, даже не повернувшись в нашу сторону. Рик. В нем было не меньше семи футов роста.

— Ты мешаешь спокойно жить моей подруге Карен, Микки-Маус, — заявил Чарли. — Это нехорошо.

— Ничего подобного, Чарли. Теперь я на нее работаю, потому что она работает на тебя и хочет с этим покончить. Понимаешь?

Чарли замер на месте с вилкой и ножом в руках.

— Карен.

— Хочет уволиться.

— Карен с тобой разговаривала? — Ему это явно не понравилось.

— Мне удалось кое-что узнать, и я задал ей парочку вопросов. Она рассчитывает, что мы сможем найти выход.

Чарли положил на стол нож и лениво махнул рукой в сторону типа, одетого по моде двадцатилетней давности.

— Туди, обыщи его.

Туди подошел и принялся меня обыскивать. Я стоял, подняв руки и слегка разведя их в стороны. Туди вытащил «дэн-вессон», раскрыл его, вытряхнул пули, закрыл, убрал пули в левый карман моих брюк, а «дэн-вессон» обратно в кобуру. Затем он достал мой бумажник и бросил его Чарли Де Луке. Туди начал с моих плечей, спустился вниз по рукам, спине, прошелся по груди, животу, паху и каждой ноге. Он стащил с меня куртку, проверил швы и ткань, затем пришла очередь ремня. Рик тем временем спокойно катал шары, а Чарли Де Лука изучал мой бумажник.

— Чистый, — констатировал Туди.

Де Лука закрыл бумажник и швырнул мне.

— Мне еще не приходилось встречаться с частными сыщиками. Местные ребята знают, что если они будут плохо себя вести с Чарли Де Лукой, то отправятся кормить рыб. Знаешь, как меня называют?

— Чарли Тунец.

— А знаешь почему?

— На большее воображения не хватило.

— Видишь? — вмешался Джои. — Строит из себя умника. Я не виноват, что этот умник меня не послушался.

Жалобно.

— Заткнись ты, кусок дерьма, — велел ему Чарли.

Джои заткнулся.

— Карен решила с вами завязать, — сказал я. — Может быть, мы сумеем что-нибудь придумать, чтобы ты получил то, что хочешь ты, а она получила то, чего хочет она.

Чарли кивнул, парни за столом явно веселились.

— А тебе-то какой навар? Ты что, с ней трахаешься?

— Никакого навара. Я просто помогаю другу.

— Понятно. Знаешь старую поговорку: «Не буди лиха, пока тихо»?

— Мы наверняка сможем что-нибудь придумать, — сказал я. — Например, ты найдешь другой банк, чтобы отмывать свои деньги.

Чарли улыбнулся, развел руками и посмотрел на Туди:

— Туди, о чем этот парень говорит? Какие деньги, какое отмывание?

— Дерьмо, — отозвался Туди.

— Ладно, а как насчет того, чтобы поставить на место Карен кого-нибудь другого, — не сдавался я. — Она останется там, пока вы не найдете замену, а потом уедет. В этом случае вы ничего не теряете и все останется как было.

Чарли снова улыбнулся и взмахнул руками:

— Что-то я не догоняю. Я говорю одно, а этот парень — другое. Может, они там, у себя в Диснейленде, не знают английского? И на каком же языке они говорят? На мышинном?

Туди громко заверещал. Всем ужасно понравилось.

— Чарли, Карен больше не хочет иметь с вами дела, — продолжал я. — Она уходит.

Чарли аккуратно отодвинул тарелку в сторону и наклонился вперед:

— Постарайся вбить это в свою тупую голову, придурок. Чего она хочет, меня не колышет. А знаешь, что колышет?

— Чего хочешь ты.

— Точно. А знаешь, чего я больше всего сейчас хочу?

— Влезть в штаны тридцать четвертого размера.

— Видишь, Чарли? — взвыл Джои. — Ты видишь? Он умничает.

Глаза Чарли Де Луки потемнели, и он посмотрел на меня так, как мы обычно смотрим на штраф за парковку, засунутый за дворники.

— Ну-ка, взгляни на это, — сказал он и знаком показал Джои Путате, чтобы тот подошел к нему. — Иди сюда, кусок дерьма.

Джои покосился на невысокого мускулистого парня, затем — на бармена, подошел к столу Чарли Де Луки и остановился перед ним. Прямо кабинет начальника, да и только.

— Что?

— Ты сообщил мне, что избавился от него. Я приказал тебе от него избавиться, а он вот здесь, передо мной. Не люблю надираловки, ты, кусок дерьма.

Чарли не смотрел на Джои: он смотрел на меня. Джои же не сводил глаз с Чарли, весь покрылся испариной и дрожал от страха, пытаюсь понять, что его ждет, а все остальные не сводили глаз с Джои. Все, кроме Рика. Рик сделал уверенное, ловкое движение рукой, и стук шаров нарушил тишину, воцарившуюся в баре.

— Дай себе по морде, кусок дерьма, — приказал Чарли.

— Ну ладно, Чарли, пожалуйста, прошу тебя, — залепетал Джои. — Я же взял с собой Ленни и Филя. Мы ему все сказали.

Чарли по-прежнему на него не смотрел: он смотрел на меня.

— Делай что говорят, кусок дерьма. Врежь себе по морде.

Джои медленно поднял правую руку, посмотрел на нее, затем ударил себя по лицу. Не слишком сильно.

— Сожми руку в кулак.

— Эй, перестань, Чарли! — заплакал Джои.

— Кусок дерьма!

Джои сжал руку в кулак и стукнул себя в челюсть.

— Сильнее.

Джои ударил сильнее, но все равно не слишком.

— Рик, этому куску дерьма требуется помощь, — бросил Чарли.

Рик положил кий и подошел к бару, продолжая кивать головой в такт музыке, которую слышал только он. Когда он двигался, то словно скользил, как будто сильно натянутая бледная кожа скрывала не мускулы, а стальные кабели и сервомеханизмы. Он снял очки и положил их в карман черной рубашки, затем вытащил десятимиллиметровый автоматический «смит-и-вессон». Такие не часто увидишь. Стильная штучка.

— Эй, Чарли, послушай, я все сделаю. Вот, смотри! — завопил Джои.

На этот раз он разбил себе губу. Чарли кивнул:

— Вот так-то лучше, кусок дерьма. А теперь еще пару раз.

Джои ударил себя еще два раза. Второй удар пришелся на разбитую губу. По подбородку Джои потекла кровь, испачкав рубашку. Рик убрал пистолет. Чарли Де Лука встал из-за маленького стола, обошел его и посмотрел на меня:

— Видишь, как у нас обстоят дела?

— Ясное дело, вижу, — ответил я.

— Я хочу, чтобы ты отсюда убрался. Рик, возьми Туди и выведите отсюда этого стручка, а еще объясните ему, что я всегда получаю, чего хочу.

— Как это? Ты меня даже на ланч не пригласишь? — спросил я.

Рик отклеился от барной стойки, а тип с мощными руками достал короткоствольный «рюгер» тридцать восьмого калибра, показал мне и положил в карман куртки. Совсем как в кино. Рик не стал попусту тратить силы и демонстрировать мне свое оружие. Думаю, он делал это только по особым случаям.

Чарли Де Лука сделал вид, что поворачивается, чтобы вернуться за стол и доесть наконец свои макароны, но в последний момент размахнулся и ударил Джои с такой силой, что тот перелетел через несколько стульев и рухнул на пол. Джои скрючился и попытался прикрыться руками, а Чарли все бил и бил его по почкам, спине, ногам и при этом дико вопил:

— Кусок дерьма! Кусок вонючего дерьма!

В следующее мгновение Чарли схватил со стола вилку и воткнул ее Джои в плечо. Джои Путата взвыл, и Чарли снова принялся пинать его. Туди, бармен и остальные парни молча наблюдали за происходящим, причем все предусмотрительно отошли на шаг, словно им совсем не нравилось то, что они видят, и они боялись стать очередной жертвой своего босса. Все, кроме Рика. Рик медленно, бесшумно подошел к Чарли, положил ему руки на плечи и начал что-то нашептывать на ухо. И вот Чарли перестал выкрикивать ругательства и махать ногами, потом замер на месте, тяжело дыша и постепенно успокаиваясь. Рик — утешитель, умеющий привести в чувство психа. Чарли вернулся к столу, сел и уставился в свою тарелку так, словно не мог понять, что перед ним такое.

— Господи, — выдохнул коротышка бармен.

Рик поправил куртку, подошел ко мне и вытолкнул меня на улицу через обитую красной кожей дверь. Туди догнал нас через пару секунд.

— Похоже, его заносит? — произнес я.

— Заткнись и пошли отсюда, — отрезал Рик.

Мы прошли по улице, затем свернули в маленький переулок. Здесь было темно, сыро и грязно, мусорные баки торчали у стен домов, точно грибы. Сбоку стояла парочка шестиколесных грузовиков для перевозки овощей. Грузовики окутывал пар из прокоптившихся вентиляционных труб ресторана. В дверях торчали мрачные белые ребятишки и латинос в грязных передниках. Они курили, почесывали татуировки, сделанные ручками «Бик» и швейными иглками. Пахло здесь в основном гнилой капустой.

— Эй, парни, думаю, отсюда я и сам доберусь, — сказал я.

— Когда мы с тобой закончим, придурок, ты даже до больницы не сможешь добраться, — пообещал мне Туди.

Рик промолчал. Туди достал из кармана пистолет и навел на меня. Как раз в этот момент из-за одного из грузовиков появился Джо Пайк. Он вырвал оружие из руки Туди, взвел курок и приставил пистолет к его правому виску. У Пайка на все про все ушло секунд десять, не больше.

— Хочешь умереть? — поинтересовался Пайк.

Глава 17

Все произошло так быстро и так просто, словно Пайк каким-то непостижимым образом материализовался из воздуха, грузовиков и земли.

Туди заморгал и явно растерялся. Судя по всему, он просто не поспевал за столь стремительным ходом событий. От испуга он выпучил глаза, ловил ртом воздух. Он даже не успел опустить правую руку, словно все еще продолжал держать в ней пистолет.

— Господи Иисусе, — со свистом выдохнул он.

— Ты явился на пять минут раньше, — сказал я Пайку. — Я как раз собирался поучить этих ребят вежливости.

Уголок рта Пайка слегка дернулся. Он никогда не улыбается, но время от времени у него дергается уголок рта.

Ростом Пайк примерно шесть футов один дюйм. Худой — сплошные жилы и мышцы. Он был в выцветших джинсах, кроссовках «Найк», серой фуфайке, темно-зеленой парке морского образца и в летных очках, таких темных, что они казались бездонными. Пайк склонил голову набок и посмотрел на Рика.

Рик помахал в воздухе руками, показывая, что в них ничего нет. Двигался он очень медленно и осторожно, но явно нас не боялся. При дневном свете его кожа казалась такой бледной, что я подумал, не пользуется ли он косметикой, глаза черными бусинками сверкали в темных глазницах, словно две злобные куницы, выглядывающие из холодной норы.

— Твой выход, — бросил Пайк.

Рик улыбнулся, у него были мелкие желтые зубы, слегка загнутые назад. Совсем как у змеи. Если такой в тебя вцепится, то будет не оторвать. Он потянулся вперед и опустил руку Туди.

— Твой пистолет у него, придурок. А ты держишь воздух.

Туди посмотрел на свою руку. Наверное, пытался понять, куда подевался пистолет.

— Этот тип напал на меня сзади.

Пайк сделал шаг назад, опустив пистолет. Я взглянул на Туди и прищелкнул языком:

— Сначала Джои Путата, теперь ты. Чарли это понравится.

Туди покраснел от ярости, снова взглянул на свою пустую руку, будто решил, что если посмотрит еще раз, то в ней окажется пистолет и он сможет пристрелить нас с Пайком. Тогда ему не придется говорить Чарли, что его застал врасплох какой-то парень, появившийся из ниоткуда. Только рука все равно оказалась пустой. Он снова повернулся к Пайку, дико взревел и бросился в атаку. Пайк резко поднял правое колено, и Туди рухнул навзничь, точно его дернули за поводок. Он повалился на спину, что-то хрустнуло, и на этом его выступление закончилось.

— Придурок, — заметил я, повернувшись к Рику. — Твой приятель плохо соображает.

Рик снова улыбнулся:

— Думает, что крутой. Они все так думают.

Пайк снова взглянул на Рика:

— А ты?

Рик опустил тонкую, как у пугала, белую руку, схватил Туди и перебросил через плечо, словно тюк с грязным бельем. Поднять такой вес с земли совсем непросто.

— Мы еще встретимся, — пообещал Рик.

Пайк кивнул, затем вытряхнул пули из пистолета Туди и бросил его в стальной контейнер для мусора. И мы ушли. Пайк замыкал шествие, держа Рика в поле зрения, пока мы не добрались до улицы. Дальше мы зашагали против движения транспорта в сторону Брум, стараясь смешаться с местным населением.

— Как ты меня нашел? — спросил я.

— Заехал к Ролли, чтобы оставить у него вещи. Он сообщил, что ты собрался в одиночку пообщаться с мафией. — Он покачал головой — мой подвиг его явно не впечатлил.

«Мафия».

— Недостаток умения они восполняют числом. Если не считать Рика. Он, похоже, неплохой боец.

Пайк пожал плечами, по-прежнему невозмутимо. Видимо, мои слова его опять не впечатлили. Впрочем, чтобы произвести на него впечатление, нужна нейтронная бомба.

На углу Брум и Мотт мы сели в такси. Таксист, пожилой мужчина, с шишковатой лысой головой и торчащими из ушей волосами,

спросил:

— Куда?

Я назвал перекресток у дома Ролли.

— Вы знаете, где это?

Он включил счетчик:

— Послушайте, я вожу такси в Большом Яблоке вот уже тридцать пять лет.

Мы поехали на запад по Брум.

— Вы, парни, здесь по делу? — спросил таксист.

— Угу.

— Из Калифорнии?

— Мы из Квинса, — ответил я.

— Ага, из Квинса, — рассмеялся таксист. — Думаю, вы откуда-то с Запада. Лос-Анджелес. Или Сан-Диего.

Да, похоже, с местным населением нам смешаться не удалось.

Мы забрали вещи Пайка и «таурус» из гаража напротив дома Роланда Джорджа, выбрались из города и поехали на север, в Коннектикут и Челам. По дороге я рассказал Пайку о Питере Алане Нельсене, Карен Ллойд и их сыне, а еще о том, как Карен связалась с семьей Де Лука. Пайк, не шевелясь, сидел на пассажирском месте. Он не проронил ни единого слова и даже жестом не показал, что слышит меня. Как будто его вообще не было в машине. Может, и не было. Я провел с ним достаточно времени, чтобы начать верить в возможность существования вне телесной оболочки.

В двадцать минут пятого мы свернули с шоссе к «Говарду Джонсону», и уже из номера я позвонил Карен Ллойд в банк.

— Чарли звонил, — сообщила она.

Она говорила очень тихо, будто Джойс Стебен подслушивала за дверью.

— Я так и думал.

— Он был в ярости и заявил, что я не должна была впутывать вас в эти дела.

— Ну мы ведь предполагали, что так и будет, но попытаться все же следовало, — ответил я. — Вы сделали для меня распечатку переводов?

— Да, она здесь.

— Хорошо, мне нужно на нее взглянуть.

— В банк не приезжайте. — Она замолчала, словно пытаюсь найти оптимальное решение. — Приходите ко мне домой. Скажем, в половине восьмого. Мы уже успеем пообедать, и Тоби пойдет делать уроки. Вам удобно?

— Отлично.

Она снова помолчала, а потом проронила:

— Спасибо, что попытались.

— Не стоит.

Я положил трубку и взглянул на Пайка:

— Мы поедем к ней домой в половине восьмого.

Пайк кивнул, сходил к администратору и снял комнату рядом с моей. Я стоял в дверях и наблюдал, как он вносит зеленый вещевой мешок, какие используют морпехи, и длинный металлический футляр для оружия, похожий на футляр для гитары. Ну чем не бас-гитарист из группы Лу Рида? Устроившись, он вернулся в мою комнату. Было без четверти пять.

— Здесь можно чем-нибудь заняться до семи? — спросил он.

— Нет.

— А место, где прилично кормят?

Я покачал головой. Пайк выглянул в окно, выходящее на парковку, и скрестил на груди руки.

— Ну, в Азии хуже было, — заметил он.

На свете нет ничего лучше дружеской поддержки.

В пять часов мы спустились в бар и выпили пива, затем пообедали в ресторане. Я получил вполне приличную жареную курицу, Пайк заказал чечевичный суп, большую порцию овощного салата и четыре пшеничных тоста с огромным куском сыра «Ярлсберг». Вегетарианец.

Барменша, мечтавшая перебраться в Калифорнию, подседа за наш столик и болтала с нами до тех пор, пока не появились две пары среднего возраста в толстых пальто и ярких рубашках и не заявили, что ей пора возвращаться на рабочее место. Есть они не стали. Они пили.

Через некоторое время мы взяли четыре бутылки пива, отправились в мою комнату и стали смотреть по телевизору нью-йоркские новости. Согласно прогнозу погоды, в течение следующих дней небо будет проясняться, но потом из Канады придет новый холодный фронт и принесет с собой осадки в виде снега. Репортажи

мне понравились, а вот в новостях говорилось в основном о метро и забастовках в городе, о местных знаменитостях и прочих чисто нью-йоркских делах. Они показались мне какими-то чужими и пустыми.

Где-то в середине обзора новостей комментатор с квадратной челюстью, грубым лицом и прищуренными глазами сообщил, что федеральные исследования показали, что в бассейне Лос-Анджелеса самый грязный воздух в стране. Он ухмылялся, когда говорил это. Чернокожая женщина-комментатор, сидевшая рядом с ним, тоже ухмылялась, когда рассказывала, что у жителей Лос-Анджелеса машины гораздо больше, чем у жителей остальных городов Америки. Ее приятель с квадратной челюстью стал ухмыляться еще пуще и заявил, что в Лос-Анджелесе не было бы такого ужасного смога, если бы там построили метро на берегу. Тут все принялись дружно веселиться. Особенно синоптики.

— Задницы вонючие, — сказал Джо Пайк.

Я выключил телевизор.

Было без десяти шесть.

Мы сидели и смотрели в никуда, разговаривать особо не хотелось, а потом Джо Пайк ушел к себе в номер. Через некоторое время я услышал шум воды. Тогда я разделся, сделал несколько упражнений из йоги и растяжек, чтобы согреться, затем перешел к «кобре», «саранче» и «колесу», но никак не мог сосредоточиться. Тогда я решил поотжиматься и покачать пресс — с тем же успехом. Я постоянно сбивался со счета. В конце концов я поднялся с пола, позвонил в Нью-Йорк в студию новостей и сказал женщине-оператору, что хочу поговорить с комментатором, у которого квадратная челюсть. Когда она спросила меня о чем, я ответил, что собираюсь сообщить ему, что он хрен вонючий. Она почему-то отказалась меня с ним соединить.

Пайк оставался у себя, я у себя, а в двадцать минут восьмого мы сели в мой «таурус» и поехали к Карен Ллойд.

Крутые парни вроде меня никогда не скучают по дому.

Глава 18

Воздух был холодным и бодрящим, а небо стало бархатно-черным, когда мы припарковались возле дома Карен Ллойд и направились к двери. Я позвонил, и она наспустила. Увидев Джо Пайка, Карен сказала:

— Ой!

— Карен Ллойд, — вежливо произнес я, — это Джо Пайк. Джо, это Карен Ллойд. Джо — мой партнер. Он совладелец нашего агентства.

Наступили сумерки, но Джо был в темных очках.

Пайк ответил, что рад познакомиться. Карен немного смутилась, но кивнула. Еще один человек без спроса вошел в ее жизнь.

Мы втроем проследовали в гостиную. На столе лежал большой конверт из манильской бумаги, рядом стоял бокал с белым вином. Вина осталось лишь на доньшке.

— А где Тоби? — поинтересовался я.

— У себя в комнате, делает домашнее задание. Я сказала ему, что ко мне придут люди и мне нужно будет поработать. У него включено радио. Он нас не услышит.

— Хорошо.

Карен взяла конверт, протянула мне и забрала бокал.

— Вот то, что было у меня в компьютере.

— Хорошо.

Мы с Пайком сняли куртки. Карен посмотрела на Пайка и не сумела сдержать удивленного восклицания.

Во Вьетнаме Пайк сделал себе татуировку: две красные стрелы на дельтовидных мышцах. Стрелы направлены вверх и напоминают знаки, которые ставят на реактивных двигателях, соплах ракет и других опасных штуках. Пайк остался в фуфайке без рукавов, и татуировки выделялись так, словно ему под кожу поместили две неоновые лампы. Карен даже отвернулась, чтобы не показаться слишком любопытной. Люди часто так делают.

Бело-рыжая кошка появилась из коридора, подошла к Пайку и потерлась о его ноги. Пайк наклонился и погладил ее. Кошка начала

урчать.

— Вы любите кошек, мистер Пайк?

Пайк кивнул.

— Его зовут Тиггер, — объяснила Карен.

Пайк кивнул, потом встал и направился в кухню.

— Простите, но ванная комната в другом месте.

Пайк прошел в дверь не оборачиваясь.

— Ему не нужна ванная комната, — сказал я. — Он хочет посмотреть, как еще можно попасть в ваш дом и где могут прятаться те, кто уже здесь.

Карен заморгала.

— У него много дурных привычек. И это одна из них.

Задняя дверь распахнулась, и Пайк вышел на улицу. Карен подошла к окну и попыталась рассмотреть Пайка, но ей ничего не удалось увидеть — мешал свет. Никому это не удастся.

— Какой странный человек.

— Возможно, но он из тех, кого лучше иметь на своей стороне. Он никогда не станет вам лгать и пойдет до конца.

Она с сомнением на меня посмотрела:

— Он давно ваш партнер?

— Да. С того самого момента, как я купил агентство. Точнее, мы вместе его купили.

Она вновь выглянула в окно. Теперь на ее лице появилась тревога.

— А вдруг он напугает Тоби? Или его увидит кто-то из соседей и позвонит в полицию? Тогда нам придется давать объяснения.

— Никто не увидит и не услышит Пайка. Вы когда-нибудь видели фильмы о ниндзя? Это Пайк.

Она прищурилась и еще раз посмотрела в окно, а потом вернулась за своим бокалом.

— Как он может видеть ночью в своих черных очках?

Я пожал плечами. Есть вещи, неизвестные даже великому и ужасному волшебнику из страны Оз.

Вскоре вернулся Пайк, и мы просмотрели документы, принесенные Карен. Она продолжала пить вино.

На восемь различных счетов Первого национального банка Челама было сделано двести четырнадцать вкладов, переведенных на два счета на Барбадосе. Выписки занимали шесть страниц

компьютерных распечаток, один за другим шли ряды цифр, не имеющих для меня особого смысла: даты слева, номера счетов правее, суммы еще правее, а в конце номер счета получателя. Транзакции начали производиться четыре года и одиннадцать месяцев назад. Я просматривал очередную страницу, а потом передавал ее Пайку, и тогда в распечатки погружался он. Карен продолжала наблюдать за нами и пить вино. Наше занятие напомнило мне чтение телефонной книги с номерами телефонов, но без фамилий владельцев.

— Давайте начнем с последних вкладов, чтобы вы могли рассказать нам о каждом.

— Господи, они же все одинаковые!

— Вы сказали, что обычно деньги привозил Гарри, но иногда — Чарли.

— Совершенно верно.

— Тогда вклады отличаются друг от друга. Назовем часть из них депозитами Гарри, а остальные будут депозитами Чарли.

Она кивнула и сказала:

— Ладно. Что вы ищете?

— Не знаю. Мы будем изучать документы в надежде что-нибудь найти.

— Ну...

— В большинстве случаев в нашем деле нет очевидных путей. Детективы ищут улики, которые помогают им понять, что происходит и что делать дальше. Понятно?

— Конечно.

Однако на лице Карен все еще читалось сомнение. Вероятно, она пыталась соотнести мои слова с банковской системой.

— Мне потребуются блокнот и карандаш, — сказала Карен.

Она встала, вышла в соседнюю комнату и вернулась с желтым блокнотом и карандашом. Кроме того, она принесла еще вина. Карен казалась усталой, но не думаю, что причина была в алкоголе.

— Давайте начнем с перевода тех денег, что вы получили в Бранли. Объясните, как все организовано, как вам рассказали о том, что следует делать, а еще — что вам известно о происхождении денег и о счетах получателя. Постарайтесь вспомнить все подробности. Все, что вам кажется очевидным, может представлять для нас интерес. А когда мы закончим с этим эпизодом, перейдем к остальным.

Она мрачно кивнула, и мы принялись за работу.

Карен рассказала нам о каждом вкладе, начиная с самых последних. Она сумела вспомнить гораздо больше, чем рассчитывала поначалу, поскольку многие вещи повторялись. Часто ее замечания получались похожими. Секретарша Чарли с мясокомбината устраивала ей встречу с Чарли как самую обычную деловую встречу. Чарли говорил Карен, на какой из восьми счетов в банке Челама следует положить деньги и на какой из двух счетов в Барбадосе перевести. Никто не давал никаких расписок, не отправлял по почте платежных поручений, и не было никаких доказательств, что человек по имени Чарли Де Лука делал вклады наличными в Первый национальный банк Челама или переводил деньги с одного счета на другой. Карен полагала, что на Барбадосе кто-то следит за тем, чтобы все суммы сходились, но даже в этом у нее не было уверенности.

В самый разгар работы в гостиную вошел Тоби и посмотрел на нас широко раскрытыми глазами.

— Мама?

— Привет, Тоби, — сказал я.

«Мистер Оптимизм и Приветливость».

Карен отставила в сторону бокал с вином, одарила сына ласковой улыбкой и подошла к нему:

— Послушай, дружок, ты все уроки сделал?

Карен успела выпить три или четыре бокала вина, но держалась неплохо.

— Угу.

— Ты знаком с мистером Коулом? А это мистер Пайк, его коллега.

Тоби смущенно улыбнулся. Он понимал: тут что-то не так. Обычно мать не пила столько вина и не устраивала поздние встречи с незнакомцами в темных очках и странными татуировками. К тому же на столе были разложены какие-то непонятные бумаги. Тоби выглядел встревоженным.

— У тебя все в порядке? — спросил мальчик.

Карен провела рукой по волосам Тоби и печально на него посмотрела:

— Малыш, у нас был ужасно трудный день. Почему бы тебе не пойти спать?

Он взглянул на меня, на Пайка, поцеловал мать и направился в свою спальню. Карен проводила его глазами, потом вернулась к столу, и ласковая улыбка исчезла. Лицо Карен Ллойд постарело прямо на глазах.

— Хотите, отложим наш разговор на завтра? — предложил я.

— Нет, — покачала она головой. — Давайте закончим сегодня.

Через два часа и одиннадцать минут мы заполнили несколько страниц блокнота двумя колонками. Над первой колонкой написали «ГАРРИ», над другой — «ЧАРЛИ». Все вклады ГАРРИ были переведены на один счет на Барбадосе. В столбике ГАРРИ значилось сто восемьдесят вкладов, а в колонке ЧАРЛИ — всего тридцать три. Все свои вклады ГАРРИ с неизменной регулярностью делал по четвергам. Каждый колебался от 107 000 до 628 000 долларов, и все были равномерно распределены по семи счетам.

Депозиты ЧАРЛИ носили иной характер. Они начались около двадцати восьми месяцев назад. Иногда он делал их дважды в неделю, а иногда между двумя вкладами проходило восемь-девять недель. Никакой системы. Первые два года депозиты были сравнительно небольшими; самый крупный составил всего 9800 долларов. Однако около пяти месяцев назад цифры стали пятизначными — до 68 000 долларов. И с тех пор все вклады увеличивались, хотя и были значительно меньше, чем депозиты в колонке ГАРРИ.

Некоторое время мы разглядывали столбцы цифр, а потом Пайк сказал:

— Вы видите?

— Что? — спросила Карен.

Я повернул блокнот так, чтобы ей стало лучше видно.

— Гарри приносит деньги, и Чарли приносит деньги, но только Чарли говорит вам, куда их следует класть.

— Да, — кивнула она.

— Посмотрите сюда. Всякий раз, когда Гарри приносит деньги, они отправляются на один из семи счетов. Но он никогда не пользуется восьмым. А Чарли просит положить деньги только на восьмой счет — и не называет другие семь.

Карен нахмурилась и подвинула блокнот к себе. Выражение ее лица оставалось сосредоточенным, но глаза заблестели.

— Никогда об этом не думала. Я смотрела на проблему под иным углом — и все сходилось, но теперь я вижу, что ее можно трактовать по-разному. Возможно, счета Гарри являются семейными счетами Де Луки, а Чарли кладет деньги на свой личный счет. Может быть, Чарли получает деньги от Сола, но не исключено, что его доля больше, чем у других капо, и они с Солом не хотят, чтобы остальные об этом знали. Тем самым сохраняют мир в семье.

— Возможно, все обстоит иначе, — проворчал Пайк. — Не исключено, что мы сумеем этим воспользоваться.

Карен перевела взгляд с Пайка на меня. Надежда в ее глазах исчезла.

— Все это выглядит сомнительно.

— Так и есть. Если вы хотите уверенности, отправляйтесь в полицию. У них есть программа защиты свидетелей.

Карен нахмурилась и подошла к камину. Кот не сводил с нее глаз.

— Мы уже один раз это обсуждали.

— Однако такая возможность все еще существует.

— Нет. Для меня это исключено. — Она продолжала с мрачным видом смотреть на каминную полку, где стояли фотографии ее и Тоби. Прикусив нижнюю губу, Карен повернулась ко мне:

— Сегодня вечером мне звонила секретарша Чарли. Сообщила, что завтра я должна с ним встретиться. Я отказалась. Объяснила, что больше не стану этим заниматься.

Так вот почему она начала пить.

— Плохой ход, — заметил Пайк.

Она быстро повернулась к нему:

— Что вам известно?

— Он прав, — вмешался я. — Чарли и так вне себя. Не стоит злить его еще больше. Мы с Пайком там будем и не дадим вас в обиду.

Карен выпрямила спину, отошла от камина и бросила на меня твердый взгляд. Вероятно, именно такой взгляд у нее был десять лет назад, когда она решила изменить свою жизнь. Напряженный, сосредоточенный — не-вставай-на-моем-пути — взгляд.

— Нет. Речь идет не о том, что мне страшно. Я больше не хочу видеть этих людей в моей жизни. Питер меня отыскал. В моем доме появились вы. Я не стану брать его деньги. Я не стану брать деньги у Гарри. Решение принято. Вы меня понимаете?

— Да, мэм, — ответил я.

Пайк кивнул, уголок его рта слегка дернулся.

— Я вам еще нужна сегодня? — поинтересовалась Карен Ллойд.

— Нет, пожалуй, мы все обсудили, — ответил я.

Она подошла к входной двери и открыла ее. Кот выскользнул наружу.

— Я ценю все, что вы для меня сделали. Мне не хочется показаться невежливой, но уже поздно, и я устала. Если вы захотите поговорить со мной завтра, можете позвонить мне в банк.

— Конечно.

— Спокойной ночи.

Карен закрыла дверь прежде, чем мы успели сойти с крыльца.

— Крутая леди, — заметил Пайк.

— Угу.

— Возможно, слишком крутая. Создается впечатление, что она хочет что-то доказать.

Я кивнул.

Ночной воздух был холодным, свежим и удивительно прозрачным. Пахло дубами и вязами. В южной части неба сиял Орион, на востоке висела почти полная луна. Мы вышли на лужайку и немного постояли перед «таурисом», наблюдая за домом Карен Ллойд. Свет в окнах начал гаснуть, дом погружался в темноту, и вскоре ночь подступила совсем близко.

— Много лет назад она сделала выбор — и стала другой женщиной. Ей удалось получить хорошую работу, купить дом. В городе ее все знают и уважают. Карен сумела преодолеть неудачную полосу в своей жизни и все начать сначала. Я считаю, что ей не раз приходилось делать трудный выбор. Было бы несправедливо, если бы она стала о чем-то жалеть.

Пайк легко двигался в темноте. Неожиданно рядом с ним возник кот Карен и потерся о его ноги. Пайк наклонился, поднял кота и прижал к груди.

— Ты был прав, когда сказал, что Чарли вне себя. Если она не явится на встречу, он может приехать, чтобы кое-что уточнить. Более того, возможно, он захочет подавить бунт на корабле раз и навсегда.

— Думаешь, сможешь ему помешать?

В лунном свете мне удалось разглядеть, как дернулся уголок рта Пайка.

— Угу.

Я кивнул, Пайк поставил на землю кота Карен Ллойд, и мы сели в «таурис». В доме Карен Ллойд погасли огни.

Глава 19

На следующее утро в семь тридцать две позвонил Роланд Джордж и сказал:

— Полицейский департамент Нью-Йорка арестовал типа по имени Уолтер Ли Бэлком. Его взяли семь недель назад по обвинению в двух убийствах, похищении и двум дюжинам сопутствующих преступлений. Большинство из них связано с сексуальным насилием.

— Семья Де Лука занимается порнографией?

— Нет. Это тема семьи Де Тиллио. Но Уолтер не имеет отношения к мафии. Просто он человек опытный и знаком с нужными людьми. Он начал колоться, рассчитывая заключить сделку и скостить себе срок, и несколько раз всплыло имя Чарли Де Луки.

— Могу я с ним поговорить?

— В десять часов. Здание суда, первый этаж, комната бэ двадцать восемь. Буду тебя ждать.

— Договорились.

Ролли повесил трубку.

Без четверти десять я подъехал к парковке перед зданием суда, к северу от площади Фоли в Чайнатауне. Поставив машину, я направился к цокольному этажу «Б». За узким столом сидел толстый полицейский, который спросил, что мне нужно. Я сказал, что в комнате Б28 меня ждет Роланд Джордж. Толстый полицейский просмотрел содержание маленькой коробочки, вытащил оттуда пропуск с моим именем и ткнул большим пальцем направо.

— Вам туда.

Цокольный этаж «Б» здания уголовного суда походил на полицейский приемник: зеленые цементные стены, кафельный пол. Наверное, здание построили тысячу лет назад. Я ощутил слабый запах дезинфицирующих средств и мочи. По коридорам сновали полицейские обоих полов. Они чувствовали себя не лучшим образом в наглаженной форме: их вызвали к прокурору для репетиции перед дачей показаний в суде. Адвокаты защиты, направлявшиеся к своим подзащитным, сердито поглядывали на полицейских. Адвокаты были готовы пойти на сделку с судом, хотя знали, что их подопечные

виновны. Совсем как игроки, не способные отказаться от игры. Полицейские напоминали хронических алкоголиков.

Перед дверью комнаты Б28 меня уже поджидали Ролли Джордж и тип с короткими светлыми волосами, похожий на пожарный гидрант.

— Элвис, это Сид Волпе, — сказал Ролли. — Сид работает в департаменте юстиции. Это он разрешил нам повидаться с Бэлкомом.

Мы обменялись рукопожатиями. Рука Волпе была сухой и сильной.

— Я оказался между налоговой службой и федералами. У вас двадцать минут на разговор с ним. Так что не будем терять время.

Мы вошли.

Уолтер Ли Бэлком оказался бледным человеком лет пятидесяти, с тонкими соломенного цвета волосами, редеющими на макушке. Одет он был в тюремный комбинезон. Он сидел за узким деревянным столом и непрерывно курил «Ларк». На краю стола примостился катушечный магнитофон и лежала пара блокнотов. Вокруг стояло несколько металлических стульев, но никаких ручек, карандашей или других острых предметов.

Уолтер Ли Бэлком одарил нас обаятельной улыбкой.

— Добрый день, мистер Волпе. Добрый день, мистер Джордж. Это тот джентльмен, о котором вы говорили? — У него был тихий и тонкий голос.

— Да, это он, Уолтер, — произнес Волпе, усаживаясь на один из стульев и включая магнитофон. — Только не стройте никаких иллюзий относительно Уолтера, Коул. Уолтер нанял занимающегося проституцией шестнадцатилетнего подростка по имени Жуан Рока, чтобы тот помог ему похитить девятнадцатилетнюю медсестру Ширли Голдстейн. Они отвезли ее на ферму на окраине Ньюарка, где Рока изнасиловал ее, а потом пытал газовой горелкой до тех пор, пока она не умерла. Уолтер снимал все это на видео. Потом Уолтер показался перед камерой с носом Граучо Маркса и прикончил Року четыремя пулями в грудь и спину. Он пользовался автоматическим пистолетом сорок пятого калибра.

Пока Волпе рассказывал о его деяниях, Уолтер Ли Бэлком даже не шелохнулся. Он лишь прикурил следующую сигарету от предыдущей. В комнате пахло табаком от его сигарет.

— Нет ничего лучше шоу-бизнеса. Верно, Уолтер?

— На видео был не я, мистер Волпе, — еле слышно возразил Уолтер. — Там был человек, загримированный под меня.

— Дерьмо, — бросил Волпе, улыбнувшись Ролли. — Этот сукин сын оказался таким извращенцем, что даже проклятая семья Де Тиллио отказывалась брать половину дерьма, которое он им предлагал.

Уолтер пожал плечами, словно все это не более чем пустые разговоры, которые ведут люди на автобусной остановке.

— Вы знакомы со многими представителями организованной преступности, Уолтер? — спросил я.

Он вновь пожал плечами и глубоко затынулся.

— Кое с кем. Я давно в этом бизнесе. Очень доходный.

— Вы знакомы с Чарли Де Лукой?

— Лично — нет. Хотя, конечно, знаю, кто он такой.

— Нам сказали, что ты несколько раз пропел имя Де Лука.

Новое пожатие плеч. И шепот:

— Ну, много чего приходится слышать.

Ролли скрестил руки на груди и уселся на стул.

— В твоём бизнесе это «много чего» — грязные вещи.

Уолтер вновь обаятельно улыбнулся:

— Это личное дело каждого, Роланд.

Сид Волпе наклонился через стол и ударил Уолтера Ли Бэлкома по лицу тыльной стороной руки. Уолтера отбросило назад, и он повалился на пол. Сигарета сломалась и упала на стол рядом с пачкой, однако кончик продолжал дымиться. Уолтер Ли медленно поднялся на ноги, поправил стул и вновь уселся на него. Из правой ноздри текла тонкая струйка крови.

— Нужно говорить, «мистер Джордж», Уолтер, — произнес Волпе.

Уолтер смущенно улыбнулся:

— Да, конечно. Мои извинения.

Он вытащил новую сигарету из пачки и прикурил ее от тлеющего окурка. Волпе вытащил из кармана платок и кинул его на стол рядом с Уолтером.

— Утрись.

Уолтер приложил платок к носу. Роланд молча наблюдал за ним.

— Благодарю, Сид, — наконец сказал он. — Дальше мы справимся сами.

— Как угодно, — ответил Волпе, встал и покинул комнату.

Как только он вышел, Ролли выключил магнитофон.

— Хочешь лед, Уолтер? — спросил он.

— Нет, спасибо.

— Когда я начинал работать в полиции, мы называли эти помещения садовыми комнатами, — продолжал Ролли. — Как думаешь, почему?

Уолтер слегка покачал головой и слабо улыбнулся.

— Мы называли это место садовой комнатой потому, что именно здесь мы доставали шланги. Понимаешь?

— Ага. — Улыбка.

— Тогда мне это не слишком нравилось, да и сейчас не особенно, но и ты мне совсем не нравишься. Не люблю бить тех, кто не может дать мне сдачи. Даже такого отморозка, как ты.

— Ага.

— Я просто хочу, чтобы мы поняли друг друга.

Уолтер кивнул и вновь затаился. Ролли скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Уолтер, мне нужна информация на Чарли Де Луку, — произнес я. — Есть какие-нибудь идеи?

— Я уже сказал: мы с ним не знакомы.

— Но ты кое-что слышал.

— Да. Но это не заинтересовало моих друзей из департамента юстиции.

— Мне нужны улики, и я не собираюсь заводить на него дело. Это частный вопрос. У меня есть все основания считать, что Чарли занимается тем, что может не понравиться его семье. — Ролли посмотрел на меня, когда я произнес последнюю фразу. — Есть идеи?

— Нет, мне очень жаль, — покачал головой Уолтер. — Я что-то знаю о деятельности Де Тиллио или Гамбозы, но мне очень мало известно о Де Луке.

— Меня интересуют любые детали, Уолтер. Может, он обманывает одного из других капо. Может, крысятничает у Сола.

— Мне очень жаль, — снова покачал головой Уолтер.

Я скрестил руки на груди и бросил на него пристальный взгляд.

— Ладно, подойдем к проблеме с другой стороны. Меня интересует любой компромат на Чарли Де Луку.

Уолтер закрыл глаза и сделал глубокую затяжку.

— Вам могут помочь другие люди.

— Вроде кого?

Улыбка.

— Мистер Де Лука часто использовал посредников для покупки фильмов, в которых играли цветные женщины. Мне говорили, что он предпочитает черных проституток, особенно тех, что снимаются в фильмах.

— Кто тебе это сказал? — вмешался Ролли.

— Тип по имени Ричи. Когда-то был моим клиентом. Он говорил о Де Луке так, словно был близко с ним знаком. Утверждал даже, что они партнеры.

— А у Ричи есть фамилия? — поинтересовался я.

Уолтер печально посмотрел на меня:

— Мне очень жаль.

— Значит, Чарли любит потрахаться с черными цыпочками. Даго из мафии еще с двадцатых западают на черных девочек. Солу на это плевать.

— Речь идет не только о любви к черным девкам, мистер Джордж. — Улыбка. Долгая затяжка. — Мне говорили, что он быстро теряет интерес к своим девкам, но платит очень хорошо. Если кто-то что-то и знает о Чарли, то только из их среды.

— Можешь назвать имя?

— Есть женщина по имени Анджелетта Силвер, хотя сейчас она отошла от дел. Работает в цветочном магазине на Сто двадцать второй улице, в Гарлеме. — Улыбка. — Но она вряд ли захочет помочь.

— Почему же?

— Чарли долго с ними не валандался. Он может быть очень жестоким. — Глаза Уолтера блеснули, когда он произнес последнюю фразу, словно это знание доставляло ему удовольствие. — Обычно расставание получалось не слишком приятным.

— Но он очень хорошо платит.

Улыбка.

— Да. И на всякого покупателя есть продавец. А на всякого продавца покупатель.

— Дерьмо, — сказал Ролли.

— Уолтер, ты начал болтать о мафии. Неужели не боишься, что они до тебя доберутся?

Улыбка. Затяжка.

— Я был всегда готов продавать то, что не продают другие, мистер Коул. Я нахожу это весьма... — его улыбка стала еще шире, кончик сигареты разгорелся ярче, — выгодным. Будьте осторожны с Де Лукой. Он сумасшедший.

— Да, так многие говорят, Уолтер. Благодарю.

— Надеюсь, мне удалось вам помочь.

— Конечно, Уолтер. Может быть, у меня что-нибудь получится.

Волпе открыл дверь и постучал по часам:

— Парни из Бюро уже пришли.

Роланд кивнул, и мы вышли в коридор. Оставив Уолтера Ли Бэлкома сидеть за столом, курить и спокойно улыбаться собственным мыслям.

Глава 20

В коридоре Ролли спросил:

— Откуда у тебя информация о левых делах Чарли?

Я рассказал ему о том, что мне удалось узнать. Когда я закончил, Ролли поинтересовался:

— Думаешь, Чарли вьет себе гнездышко на Барбадосе?

— Мне необходимо знать наверняка. Если это так, я смогу на него надавить и он оставит мою клиентку в покое.

— О каких деньгах идет речь?

— Сорок-шестьдесят тысяч одновременно в последние пять месяцев. Раньше на порядок меньше.

— Это серьезно, — присвистнул Роланд. — Сол не станет переживать из-за мелочей, все капо воруют понемногу. Но пятьдесят тысяч!

— А мог Чарли со своей командой проворачивать такие крупные сделки и сохранять их в тайне?

— Исключено. Когда эти парни говорят о семье, то вовсе не шутят. У людей, работающих на Чарли, есть братья, кузены, дяди в других командах семьи Де Лука. Они выпивают, устраивают совместные пикники. Легче сохранить секрет на студии новостей.

— Значит, если Чарли изымает деньги семьи из оборота, то делает это в одиночку.

— Почти наверняка. — Ролли задумался, наблюдая за элегантной китаянкой, которая появилась из лифта и по коридору прошла к двери с матовым стеклом. У нее были красивые икры. Когда дверь за ней закрылась, Ролли повернулся ко мне: — Конечно, Сол может быть единственным человеком в семье, который знает о происходящем. Не исключено, что он позволяет Чарли получать больше. Все же сын есть сын.

— Я думал о такой возможности.

— И если Сол в курсе, то ваше дело дрянь.

— Ну, мне не привыкать, — развел я руками. — Можешь оказать мне еще одну услугу?

— Только попроси.

— Постарайся достать для меня информацию на человека по имени Ричи, который, возможно, является членом семьи Де Лука.

— Конечно, — ответил он. — Элвис?

— Да?

— Не забывай того, что этот отморозок сказал о Чарли. Он очень опасен.

Я улыбнулся в ответ. «Рассветный патруль». Мужественное лицо Эррола Флинна^[27] перед лицом реальной угрозы.

Я оставил Ролли в коридоре, а сам сел в лифт. В вестибюле я воспользовался автоматом и узнал номер телефона Нью-Йоркской ассоциации торговцев цветами. Довольно быстро мне удалось выяснить, что на 122-й улице имеется четыре цветочных магазина: два в Морнингсайд-Хайтс, один в Гарлеме и один в Восточном Гарлеме. Они не нашли в своих списках Анджелетты Силвер и не смогли указать магазин, где она работает. Я записал названия, адреса и телефоны всех четырех магазинов, поблагодарил и повесил трубку. Затем разменял деньги в табачном киоске, вернулся к телефону и позвонил в «Цветочный магазин Виктора». Я сразу попросил позвать Анджелетту Силвер. Деловая женщина — по голосу лет сорока — сообщила, что у них не работает женщина с таким именем. Я сказал спасибо, повесил трубку и позвонил в «Золоченую лилию». Низкий мужской голос ответил, что он не знает никого по имени Анджелетта, но знаком с парнем, которого зовут Анджел. Подойдет? Я отказался. Четвертый магазин назывался «Ваш тайный сад». Трубку взяла женщина с легким южным акцентом.

— Могу я поговорить с Анджелеттой Силвер? — спросил я.

После небольшой паузы последовал неуверенный ответ:

— Вас интересует Сара?

Послышались невнятные голоса, потом кто-то закрыл микрофон рукой. Наконец раздался мрачный мужской голос.

— Вы ошиблись номером. У нас с таким именем никто не работает. — И бросил трубку.

Хммм.

Я вывел «таурис» со стоянки и вдоль Канала выехал на Вестсайдское шоссе, затем свернул на север, мимо Виллидж и туннеля Линкольна, направляясь на 122-ю улицу. Может быть, мне удалось напасть на след. Уолтер Ли Бэлком навел меня на Анджелетту Силвер,

которая отзывается теперь на имя Сара. Может быть, Анджелетта Силвер сумеет рассказать мне, где найти Ричи или того, кто в курсе дел Чарли Де Луки. И если я сумею помешать Чарли Де Луке убить Карен Ллойд или меня до того, как выйду на след, у нас может что-то получиться. Случались и более странные вещи.

На Генри-Гудзон-парквей, возле 86-й улицы, неподалеку от реки Гудзон, я заметил коричневый «шевроле», который следовал за мной, пропустив вперед четыре машины.

Я сразу свернул на Бродвей, затем поехал на восток по 86-й улице, дальше на юг по Коламбас, но он не отставал: между нами все время были четыре машины. Ему даже пришлось проскочить на красный свет, чтобы меня не упустить. Машину он вел превосходно. Может быть, это Рик?

На углу Коламбас и 76-й улицы, блокируя правый поворот, был припаркован грузовичок, перевозящий цветы. Остальные водители недовольно гудели, так как желающим свернуть направо приходилось объезжать препятствие. Я свернул вместе со всеми и сбросил скорость, держась за грузовичком, пока линия передо мной не расчистилась. Тогда, увеличив скорость, я проехал половину квартала, а потом резко свернул к обочине и остановил «таурус» посреди 76-й улицы. Я успел выбраться из машины и пройти несколько шагов по тротуару, когда из-за угла появился коричневый «шевроле». За рулем был не Рик.

Водитель повел себя грамотно. Из-за моего «тауруса» вновь образовалась пробка, люди начали нетерпеливо гудеть, пытаясь объехать мой автомобиль. Моему преследователю пришлось включить сигнал поворота и последовать их примеру.

Тогда я соскочил на мостовую, обошел его машину с другой стороны, вытащил «дэн-вессон» и засунул в открытое окно.

— Сюрприз, — сказал я.

Водитель оказался парнем среднего роста, лет сорока, с отличным загаром и густыми волосами. Он держал обе руки на руле, левую на десять часов, правую на двух часах, как учат в школах вождения. Он посмотрел на пистолет:

— Господи, да уберите же это. Мы что, в чертовом Бейруте?

Между тем водители вокруг дружно сигналили, а толстый тип с трехдневной щетиной обозвал нас задницами и предложил убираться

куда подальше. Похоже, что всем было наплевать на меня и мой «дэн-вессон». Еще одна история в безумном городе.

— Очень медленно достань свой бумажник. Будешь дергаться, пристрелю.

Он повиновался, не сводя глаз с пистолета.

— Не знаю, какого черта тебе нужно, но это не стоит того, чтобы спускать курок.

— Скоро узнаем.

«Я всегда знал, как напустить на них страху».

Я взял бумажник и открыл его. Однако мне не удалось найти надписи «МАФИЯ». Или «НАЕМНЫЙ УБИЙЦА». Я смотрел на калифорнийские водительские права на имя Джеймса Л. Грейди, адрес: Джеймс Л. Грейди, «Частные расследования», Лос-Анджелес, Калифорния. Я заморгал, а потом перевел удивленный взгляд на Джеймса Л. Грейди.

Джеймс Л. сказал:

— Так ты уберешь эту проклятую пушку?

Однако я не стал убирать «эту проклятую пушку». Мимо нас на белом «мерседесе» проехала хорошенькая женщина и погрозила нам пальцем.

— На кого ты работаешь? — спросил я.

— На Питера Алана Нельсена.

— Питер Алан Нельсен, режиссер?

Джеймс Л. Грейди улыбнулся:

— Да. Он сказал, что нанял тебя, чтобы ты нашел его бывшую, но понял, что ты водишь его за нос. Он хочет знать, что происходит. Я нашел тебя в Челапе, а также его бывшую жену и ребенка и с этого момента следую за тобой.

— С этого момента, — тупо повторил я.

— Питер прилетел сюда вчера вечером. Остановился в «Риц-Карлтоне». И хочет тебя видеть.

Я убрал пистолет, а он выхватил из моих рук бумажник. Мимо проехал красный грузовик «ниссан», и его водитель обозвал меня придушкой. Джеймс Л. Грейди молча с ним согласился.

Глава 21

Питер Алан Нельсен остановился в президентском номере на последнем этаже «Риц-Карлтона», окна его номера выходили на Центральный парк. Я свернул вслед за «шевроле» Грейди к обочине, где мы позволили парочке парней, которые выглядели так, словно они только что уволились из рядов французской армии, забрать наши машины, и вошли в здание.

Джеймс Л. Грейди позвонил по местному телефону и сказал:

— Я в вестибюле вместе с Коулом.

Он послушал с минуту, потом повесил трубку и кивнул мне:

— Лифт там.

Он шел, опережая меня на полшага. Джеймс Л. Грейди выглядел стильно в своем костюме и галстук и вполне мог бы сойти за преуспевающего импортера спортивного оборудования или топ-менеджера из страховой компании. Он не был похож на парня, способного незаметно следить за мной в течение недели. Если бы он попытался, я бы обязательно его вычислил.

В лифте он стоял, скрестив руки на груди и прислонившись к одной стенке, я подпирал другую, уставившись в пол. Друг на друга мы не смотрели. Невидимая граница. В лифте было тихо, но едва слышное гудение электрического мотора как-то сближало. Подъем на верхний этаж был долгим.

— Как получилось, что я тебя не заметил? — наконец спросил я.

Он пожал плечами, все еще не глядя на меня.

— Это моя сильная сторона. Кроме того, не было необходимости сохранять постоянный контакт. Как только мне удалось выяснить, где ты остановился и где живет и работает женщина, все остальное уже было плевым делом.

— Ты не боялся меня потерять, так как всегда мог снова меня найти.

— Угу.

— Ну да, я ведь купил обычный билет на самолет и остановился в «Говарде Джонсоне», — заметил я. — И делал заказы по телефону из своего офиса в Лос-Анджелесе.

— Ты и не пытался прятаться. Тебе даже в голову не могло прийти, что кто-то начнет тебя искать.

Я бросил на него пристальный взгляд.

— Федерал?

— Разведка. Четырнадцать лет, — улыбнулся Грейди. Он наконец повернулся и посмотрел на меня. — Ты меня приятно удивил, когда засек мою слежку. Я держался довольно далеко. Обычно меня не замечают даже после того, как я подхожу совсем близко к объекту. Ты свое дело знаешь.

Я только руками развел. Возможно, Грейди не так уж плох.

Лифт поднялся на последний этаж, и мы по шуму нашли президентский номер. Ник встретил нас у входа. Увидев меня, он ухмыльнулся, а потом ткнул большим пальцем в сторону двери:

— Проходи, умник.

«Никстер».

Внутри мощная квадрофоническая система исполняла «Замечательных молодых каннибалов», в номере пахло попкорном и сигаретным дымом. Питер Алан Нельсен беседовал на террасе с двумя типами в мешковатых костюмах. У стойки бара парень в кричащем зеленом галстуке говорил по телефону. Один из типов, стоявших с Питером, нацепил пестрый аскотский галстук и курил розовую сигарету. Дани и Ти-Джей сидели развалившись в роскошных креслах, а тощая женщина, косившая под Таму Янович,^[28] устроилась рядом с Ти-Джеем, положив руку ему на бедро. Дани помахала мне рукой. На столе стояли открытые бутылки «Абсолюта» и «Джека Дэниелса», на полу валялись обертки от шоколада «Нестле». Бутылка «Абсолюта» почти опустела. Наверное, когда номер занимал президент, здесь все было по-другому. Грейди нахмурился, глядя на беспорядок: он явно не одобрял происходящего. Определенно, при президенте таких безобразий быть не могло.

Питер увидел нас, отвернулся от двух типов, стоявших рядом с ним на террасе, и сказал:

— Черт подери, самое время. Дани, выруби это дерьмо и убери отсюда этих бродвейских прилипал.

«Бродвейские прилипалы! Какая чуткость!»

Тип в аскотском галстуке, похоже, обиделся.

— Питер, — нахмурился он, — спонсоры готовы принять участие. Если вы согласитесь поставить пьесу, все будет готово к осени.

— Ник, помоги Дани разобраться с этими прилипалами, — сказал Питер.

Ник отобрал телефон у парня, стоявшего возле бара, а затем показал двум типам на террасе, куда им следует идти. Воспользовался своим знаменитым большим пальцем. Высокий уровень владения языком.

— Я уверен, что мы сумеем договориться, — заявил тип в аскотском галстуке, но Питер его уже не слушал, полностью переключившись на нас с Грейди.

Ник и Дани быстро вывели из номера троих бродвейских парней. Тама Янович ушла с ними.

— Боже мой, ты должен был найти моего сына и дать мне знать. Вместо этого мне пришлось нанимать другого человека, чтобы он отыскиал тебя. А я думал, мы друзья, — обиженно произнес Питер.

— Я хотел кое-что выяснить, — ответил я.

— И что же?

— Не могу сейчас сказать.

— Чепуха. Я не нанимал тебя, чтобы ты что-то делал. Чего добиваешься? Цену поднимаешь? — Теперь он смотрел на меня с подозрением.

— Если бы ты набрался терпения, я бы обязательно позвонил, — произнеся. — Карен необходимо подготовить мальчика. Кроме того, в ее жизни есть вещи, с которыми она должна разобраться. Именно поэтому и произошла задержка.

Питер что-то пробурчал, но, похоже, уже забыл об обидах. Мои слова его заинтриговали.

— Ты говорил с ней обо мне?

— Да.

— И что она сказала? Она взволнована? — Питер наклонился вперед, ему ужасно хотелось послушать про себя.

— У нее своя жизнь, Питер. Она боится, что ты появишься и все изменится. Тебе нужно проявить чуткость.

— Да, конечно. Я чуткий. Я заботливый. — Он сделал жест, который должен был показать, какой он чуткий и заботливый. — А как

мой мальчик? С Тоби все в порядке?

— Да. Он играет в баскетбол. И выглядит счастливым.

— Хорошо, хорошо. — Питер принялся расхаживать по номеру, явно довольный развитием событий. Карен это не понравится, но тут уж ничего не поделаешь. — Значит, ты не пытался меня кинуть. Хотел все подготовить, а для этого необходимо время. Понимаю.

— Благодарю.

Он одарил меня улыбкой. Питер был одет в свободную белую рубашку, черные джинсы и высокие кожаные ботинки. Ботинки он не чистил лет триста.

— Я знал, что ты играешь в моей команде. Ты из тех парней, что мне подходят. Мы из одного теста.

Я молча развел руками. Из одного теста.

— Я вам больше не нужен, мистер Нельсен? — подал голос Джеймс Л. Грейди.

— У тебя есть адрес моего сына? — спросил Питер.

Грейди вытащил из кармана маленький блокнот, оторвал листок и протянул Питеру.

— Да, сэр. Домашний и рабочий адреса вашей бывшей жены.

Питер, не глядя, передал листок Нику.

— Великолепно, Грейди. Ты в основном составе, как и Коул. Вы пара превосходных игроков. — Он небрежно махнул рукой Нику. — Заплати ему, Никстер. И добавь премию за хорошую работу.

— Только то, о чем мы договаривались, мистер Нельсен. Мне лишнего не надо.

— Как скажешь.

Джеймс Л. Грейди уже было собрался выйти вместе с Ником, но потом повернулся ко мне:

— Вы отлично поработали, разыскав женщину, Коул. Еще увидимся.

— Конечно.

И он вышел.

Сияющий Питер продолжал расхаживать по комнате.

— Я взволнован. Я возбужден, — заявил он. — Я готов действовать. — Он подошел к бару и взял телефонную трубку. — Это Питер Алан Нельсен. Приготовьте мои машины через пять минут. — И, не дождавшись ответа, повесил трубку, а потом обратился ко всем

присутствующим: — Быстро собираемся! Мы отправляемся на встречу с моим сыном.

— Питер, я, конечно, понимаю, что тебе не терпится увидеть мальчика, но так не пойдет. Мальчик не знает, что его отец в Нью-Йорке.

— Я ему скажу.

— Он не знает, кто его отец. Его необходимо подготовить.

Питер, сразу же перестав улыбаться, повернулся ко мне:

— В чем дело? К чему его нужно готовить? Я ведь не тест.

— Питер, сам подумай. В таком деле нельзя торопиться. Ты ведь не хочешь испортить свои отношения с Тоби, когда они даже не успели начаться.

Он нахмурился еще сильнее:

— О чем ты говоришь? Ты предлагаешь мне отложить визит?

— Может быть, нужно их предупредить, — вмешалась Дани. — Будет не слишком вежливо, если мы заявимся без предупреждения.

— Проклятье, зачем делать из мухи слона? Он ведь мой сын. А она моя бывшая жена. Так ведь? Почему все объединились против меня?

— Никто не объединяется против тебя, Питер, — попыталась урезонить его Дани.

— Будет лучше немного подождать. Хочу договориться с Карен о встрече, — продолжил я.

Неожиданно Питер вновь широко улыбнулся, подошел ко мне и стукнул меня по спине:

— Если хочешь договориться о встрече, я не против. Скажи ей, что Питер Алан Нельсен вернулся. Скажи, что я пролетел три тысячи миль, чтобы увидеть своего сына, и что я совсем близко. Она будет взволнована. Ребенок будет взволнован. Как может быть иначе? — Он вновь похлопал меня по спине и сообщил всем, что идет отлить, после чего они уезжают.

— Но, Питер... — начал я.

Он только руками замахал.

— Верь мне. Я знаю людей. Я знаю человеческое сердце. Именно по этой причине я стал тем, кто я есть. — И вышел из комнаты. Насвистывая.

Я глубоко вздохнул, а потом подошел к Дани, которая стояла рядом Никстером и Ти-Джеем.

— Эй, послушай, парень на седьмом небе от счастья. Почему ты хочешь все изгадить? — спросил Никстер.

Дани лишь молча смотрела на меня, словно прося о помощи.

— Я позвоню его бывшей жене и предупрежу ее о визите. На шоссе неподалеку от Челама есть гостиница «Говард Джонсон». Нейтральная территория. Привезите его туда, в ресторан. Она будет его там ждать.

— Я попытаюсь, — кивнула Дани.

Я вышел из номера, но насвистывать мне почему-то не хотелось.

Глава 22

Я спустился в холл, чтобы из телефона-автомата позвонить в банк Карен Ллойд. Звонить мне ужасно не хотелось.

— Да?

— Это я. Питер в Нью-Йорке. Он нанял другого детектива, который выследил меня и вас. Питер знает, где вы живете, и намерен поехать туда прямо сейчас.

Она судорожно вздохнула:

— Боже мой! Он едет в Челам? Прямо сейчас?

— Да.

— Мы не имеем права преподнести Тоби такой сюрприз. Тоби ничего не знает. Он будет в ужасе. Не хочу, чтобы Питер входил в мой дом.

— Я договорился с ним, что ваша встреча произойдет в «Говарде Джонсоне». Я буду там раньше, чем Питер, и мы успеем все обсудить.

— Сукин сын. Вы можете его остановить?

— Я думал о том, чтобы его пристрелить, но это показалось мне чересчур радикальным.

— Только не для меня. — Она немного помолчала. — Вы рассказали ему о Де Луке?

— Нет. Это ваше решение. Но рано или поздно он все равно узнает.

— Сукин сын!

— Думайте о Де Луке. С Питером нужно поговорить. Мы можем попытаться прийти к какому-нибудь соглашению.

— Боже, ну и дерьмо, — пробормотала Карен и повесила трубку.

Вопреки ожиданиям Питера она не казалась приятно взволнованной. Но может, я что-то недопонял.

Когда я добрался до мотеля, было четыре минуты четвертого. День выдался ясным и свежим, пахло осенью. Карен Ллойд и Джо Пайк сидели за столиком в баре. На Карен был коричневый брючный костюм, губы слегка подкрашены розовой помадой. Лицо Карен показалось мне спокойным и сосредоточенным. Но спокойствие это

было сродни тому, что можно увидеть в приемном покое отделения «скорой помощи». В баре, кроме них, никого не было.

— Где он? — спросила Карен.

— Будет через несколько минут. Вы встречались с Чарли?

Карен бросила на меня недовольный взгляд.

— Нет. Я ведь сказала, что больше никаких дел. — Она держала в руке высокий стакан с каким-то прозрачным напитком. — Не желаю об этом говорить. Сейчас я способна думать только о Тоби. Я должна провести с ним сегодняшней вечер. Мне нужно рассказать ему об отце. События разворачиваются слишком стремительно. — Карен покачала головой и сделала несколько глотков.

— Возможно, вы не хотите говорить о Чарли, но это необходимо. Сейчас главная проблема — это он.

— Мне так не кажется.

— Еще не вечер. — И я рассказал ей об Уолтере Ли Бэлконе и Анджелетте Силвер. — Чарли вам звонил, чтобы узнать, почему вы не пришли на встречу?

— Нет.

— Вы видели в банке подозрительных типов? За вами наблюдали из машины? Кто-то за вами следил?

— Конечно нет.

Я посмотрел на Пайка. Он покачал головой.

— Вы за мной следили? — спросила Карен.

Пайк кивнул. Она рассердилась еще сильнее:

— Я вас не видела. И не знала, что вы шпионите за мной.

Пайк слегка пожал плечами.

Карен постучала костяшками пальцев по столу и сделала пару глотков. Она явно нервничала. Она понимала, что уже не в силах контролировать свою жизнь, но продолжала бороться.

— Хорошо. Но надеюсь, что вы встретитесь с Чарли и сумеете его убедить, что я настроена решительно.

— Дело еще не закончено, — сказал Пайк.

— Едва ли он захочет предавать наши сделки гласности, ему это невыгодно. Разве не так? — нахмурилась Карен.

— Такие парни, как Чарли, никогда не отпускают своих людей по доброй воле.

Она покачала головой и закрыла глаза.

— Извините, но я не могу об этом думать. Мне необходимо разобраться с Питером. У меня Тоби. Господи, ну как я ему скажу, что у него вдруг появился отец, если еще вчера его не было?

Пайк наклонился вперед и произнес:

— Скажите мальчику, что у вас для него хорошая новость.

Карен снова закрыла глаза и сказала:

— Пожалуйста.

Через четыре минуты прибыл Питер. Поначалу я решил, что это Роммель со своим танковым дивизионом выдвигается на новые позиции, но потом сообразил, что это всего лишь Питер. Два черных роскошных лимузина, за которыми следовал Ти-Джей на ярко-красном «харлее-дэвидсоне». Ти-Джей был одет в толстую куртку из оленьей кожи и очки авиатора времен Первой мировой. Он долго кружил по парковке, сообщая о прибытии лимузинов ревом двигателя. За рулем первой машины был Питер Алан Нельсен, за рулем второй — Никстер. Официантка и бармен выглянули в окно, чтобы посмотреть, что происходит. Карен помрачнела и закусила нижнюю губу.

Из первого лимузина вышли Дани и пара испуганных парней в черной шоферской униформе. Вся компания могла бы легко поместиться в одном лимузине, но зачем ограничиваться одним, если у тебя есть два?!

Я посмотрел на Карен Ллойд — в прошлом Карен Нельсен. Она не сводила взгляда со своего бывшего мужа.

— Все будет хорошо, — успокоил ее я.

— Конечно, все будет хорошо. — Она сделала глоток из своего бокала.

Первым вошел Питер, за ним следовали Дани, Ник и Ти-Джей. Карен, аккуратно сложив руки на столе, смотрела на Питера так, словно наблюдала за незнакомым человеком. Несколько мгновений они разглядывали друг друга из разных концов зала, а потом Питер подошел к нашему столику и сказал:

— Привет, Карен.

— Здравствуй, Питер, — ответила Карен, на лице которой не дрогнул ни один мускул. Она даже не встала со стула.

— Это Дани, а это Ник и Ти-Джей, — представил я свиту Питера.

Все стали кивать и здороваться. Когда Карен посмотрела на Дани, та смущенно переступила с ноги на ногу.

Питер сел, а Дани взяла стул у соседнего столика и устроилась рядом с ним. Ник и Ти-Джей отошли к бару. Питер бросил взгляд на Джо Пайка и спросил:

— А это кто?

— Джо Пайк. Мой компаньон. Помнишь?

Питер ничего не ответил. Он не сводил глаз с Карен.

— Прошло столько лет, Карен. Отлично выглядишь.

— Благодарю, — вежливо кивнула Карен.

Тут к нашему столику подошла официантка.

— Что вам принести? — спросила она.

— Мне «Будвайзер». Парни у стойки бара — это со мной. Пусть закажут, что хотят. — Он показал на бокал Карен. — А ты что пьешь?

— Тоник с водкой.

— Принесите ей еще.

— Нет, — покачала головой Карен. — Не нужно.

— Не хочешь еще выпить? — удивился Питер.

— Нет, благодарю. — Она произнесла последние слова, выговаривая их медленно-медленно, словно боялась потерять равновесие и упасть со стула. — Я бы хотела поскорей решить все вопросы и вернуться в банк.

— Мы ведь не виделись десять лет, — удивился Питер.

— Я буду «Перье», — вмешалась Дани.

Официантка не сводила глаз с Питера. Она и не думала записывать заказ.

— Вы мне кого-то напоминаете, — начала она.

— Пожалуйста, принесите пиво и минеральную воду, — оборвал ее я.

Тут официантка приложила руку к груди и закатила глаза. Она узнала Питера.

— Да, вы тот парень, что делает фильмы. Я видела ваш «Арсенио».

Карен стиснула зубы.

— Вы Питер Алан Нельсен! — воскликнула официантка.

Карен стиснула зубы еще сильнее, уголки ее рта опустились.

Питер кивнул, включив улыбку:

— Совершенно верно. В трех измерениях — и в натуре.

— Класс!

— Ради бога! — воскликнула Карен, бросив на официантку мрачный взгляд. — Мы собрались здесь по делу, которое вас не касается.

— Нечего нос задирать, — огрызнулась официантка.

— А вам нечего вести себя как подросток-недоумок. Просто принесите напитки.

Официантка одарила Карен ледяным взглядом и направилась к Нику и Ти-Джею.

— Боже ты мой, она все лишь хотела получить автограф, — не выдержал Питер.

— Она может получить его позднее. Я вице-президент и управляющий местного банка, и я мать. У меня есть свои обязательства. Я не могу позволить себе попусту тратить время.

Питер вдруг стал похож на ребенка, которого слишком рано отправляют спать.

— Я понимаю, что ты хочешь увидеть Тоби, но тебе следует подождать, — продолжала Карен. — Он не знает, что ты здесь. Ему вообще о тебе ничего не известно. Сегодня вечером я с ним поговорю, а завтра ты сможешь его увидеть.

Это понравилось Питеру еще меньше.

— Если ты появишься сейчас, то только напугаешь Тоби.

— Проклятье, чего ему бояться? — покачал головой Питер.

— Питер, любой ребенок испугается в такой ситуации, — вмешался я. — Еще вчера он жил своей привычной жизнью, а сегодня вдруг появляется незнакомец и говорит: «Привет, я твой папа». Все вокруг меняется, вдруг становится незнакомым. Неужели сам не понимаешь?

Питер нахмурился и поджал губы:

— На чьей ты стороне?

— На стороне ребенка. А еще я на твоей стороне и на стороне Карен.

— Вам ведь уже приходилось заниматься подобными вещами? — поинтересовалась Дани.

— Раз двести, не меньше, — кивнул я.

Питер демонстративно вздохнул. Разочарован, что не может увидеть своего ребенка прямо сейчас.

— Дерьмо!

— Питер, я расскажу ему сегодня вечером, и тогда у него будет ночь, чтобы подготовиться к встрече, — произнесла Карен. — Возможно, он с радостью познакомится с тобой. Ваша встреча произойдет завтра. У меня дома. И если все пройдет хорошо, вы сможете вместе сходить пообедать. Например, съездить в «Дашер», в Бранли. Это его любимое место.

— Хорошо. Конечно, — кивнул Питер. Идея явно пришлась ему по душе.

— И еще одно, — добавила Карен.

— Что?

Карен посмотрела на Дани, потом — на Ника и Ти-Джея.

— Тоби будет лучше, если вас будет только двое.

— Я и Дани?

— Ты и Тоби.

Дани заерзала на стуле. Питер откинулся на спинку, на лице его появилось сомнение.

— Я никуда не выхожу без этих парней. А вдруг на меня будет совершено покушение?

Карен положила обе руки на стол.

— Можешь мне поверить, в моем доме тебе ничего не угрожает.

Питер посмотрел на меня — он явно колебался. Я кивнул. Он пожал плечами и вновь поднял глаза на Карен.

— Хорошо. Звучит неплохо. Похоже, что ты все продумала заранее.

Карен одарила его холодным взглядом вице-президента банка.

— Именно. У меня было достаточно времени на раздумья. Десять лет.

— Ладно, — согласился Питер. — Пусть будет по-твоему. Мы можем остановиться здесь. Все будет хорошо.

Это был не Питер Алан Нельсен. Настоящий Питер Алан Нельсен остался в городе, а перед нами сидел Мистер Благоразумие, второе «я» Питера Алана Нельсена. Да, так оно и было.

Официантка скрылась за стойкой бара, но тут же вернулась с толстяком и тощим чернокожим парнем с курчавыми волосами. Она что-то им говорила и показывала на Питера. Карен наградила их долгим взглядом, а затем резко поднялась с места. На ее лице вновь

появилось усталое выражение, совсем как вчера, когда мы изучали банковские документы и к нам спустился Тоби.

— Питер, спасибо, что согласился встретиться со мной здесь, а не поехал в банк. И спасибо, что готов подождать до завтра. Если мы и дальше будем договариваться, у нас все получится.

Питер с удивлением посмотрел на Карен, затем встал, положил руку ей на плечо и спросил:

— Куда ты уходишь?

Карен вся подобралась, словно обрела второе дыхание. Теперь она уже не выглядела усталой. Сверкнув глазами, она выразительно посмотрела на руку Питера.

— Что такое? — не понял тот.

Карен сверлила Питера взглядом. При этом она не произнесла ни слова. Смутьившись, Питер быстро убрал руку.

— Извини.

Карен одобрительно кивнула и взяла сумочку.

— Мне нужно работать.

— И это все? Мы не виделись десять лет, а тебе нужно работать? Мне так много надо тебе рассказать. У тебя наверняка есть вопросы.

Карен покачала головой, повернулась ко мне и улыбнулась:

— Вот видите?

— И что означает эта улыбка? — поинтересовался Питер.

Карен еще крепче сжала сумочку и тяжело вздохнула:

— Питер, я уже не тот человек, которого ты знал. Я больше не безмозглая дурочка, мечтающая стать актрисой. Меня не впечатляют разговоры о вхождении в образ и эмоциональном состоянии. И твои успехи меня тоже не впечатляют. И мне не надо твоих денег.

— Послушай, а кто говорил, что они тебе нужны? — ошетинился Питер.

— Я сильно изменилась. Впрочем, как и мое отношение к тебе. По мне, так лучше бы нам совсем не встречаться. Однако ты отец Тоби, и Тоби имеет право с тобой познакомиться и принять решение самостоятельно. Я об этом позабочусь, но на большее и не рассчитывай.

— Не понимаю твоей враждебности, — демонстративно развел руками Питер.

— А ты подумай.

— Послушай, я вовсе не собираюсь затаскивать тебя в постель, — сказал Питер. — Но, видит бог, мы же были женаты. Это должно что-то значить. И у нас есть сын.

— Нет. У нас нет сына, — отрезала Карен, бросив на Питера ледяной взгляд. — Сын есть у меня. — И решительно направилась к выходу.

Питер растерянно смотрел ей вслед. На лице его была написана целая гамма чувств, но он только покачал головой.

— Поверить не могу! Она не хочет иметь со мной дела.

— Точно, — согласился я.

— Возможно, ты был прав, — сказал Питер. — Возможно, следует сбавить обороты. Ты не раз видел подобные сцены. Ты знаешь, как лучше.

— Конечно.

— Хорошо, ты был прав. Питер Алан Нельсен способен признать свои ошибки.

Я только руками развел, но спорить не стал. Неожиданно он наклонился вперед и с надеждой в голосе спросил:

— Встреча прошла не так уж плохо? Для первого раза?

— Встреча прошла просто превосходно, — заверил его я. — Она вполне могла тебя пристрелить.

Глава 23

Мы с Пайком рано пообедали, а потом разошлись по своим комнатам, чтобы провести вечер у телевизора: новости и спорт с Восточного побережья. Питер, Дани, Ник и Ти-Джей заняли три соседних номера в другом крыле мотеля, но не присоединились к нам во время обеда, да и телевизор их не интересовал. Очень скоро вся компания отбыла на двух лимузинах. Решили окунуться в ночную жизнь.

Информация о приезде Питера распространилась довольно быстро. Появились репортеры местного телевидения. Прямой у них была высокая худощавая женщина. Достаточно было только посмотреть на ее стремительную энергичную походку и толстого коротышку, семенившего за ней с миниатюрной камерой. Поиски истины. Через несколько минут после их появления прибыл автомобиль, набитый старшеклассниками. Да, слухи распространялись удивительно быстро. Высокая худощавая женщина взяла интервью у старшеклассников. Истина там, где ты ее находишь. Затем все уехали. Больше новостей в мотеле было не высидеть.

На следующее утро Карен Ллойд позвонила мне в семь пятнадцать. Джо Пайк уже ушел.

— Я поговорила с Тоби, — заявила Карен. — Передайте Питеру, что буду ждать его в четыре часа.

Ее голос показался мне усталым и напряженным, словно она не выспалась.

— Как все прошло?

— А вы как думаете? — Она повесила трубку.

Я позвонил в номер Питера Нельсена. После четвертого гудка трубку взяла Дани. Я сообщил ей, что Питеру следует быть у Карен Ллойд в четыре. Она сказала, что передаст Питеру, а потом предложила позавтракать с ними. Я ответил, что у меня дела, но поблагодарил за приглашение. Немножко замявшись, Дани сказала, что будет лучше, если я тоже приеду к Карен Ллойд. Я обещал составить им компанию. Она поблагодарила меня. Ей часто приходилось благодарить других людей. Я повесил трубку, принял

душ, оделся, позавтракал фирменными блинчиками и яйцами-пашот, а потом отправился в город на поиски Анджелетты Силвер.

«Ваш тайный сад» оказался небольшим магазинчиком на 122-й улице между мастерской по ремонту обуви и аптекой, совсем рядом с Уэст-Сайдом.

Пока я ехал по Уэст-Сайду мимо девяностых и сотых улиц, белые лица постепенно сменялись лицами латинос и черными, а когда добрался до 110-й улицы, белых вокруг не осталось вовсе. Я вспомнил о Натали Вуд и Ричарде Беймере, но никто почему-то не танцевал на улицах и не пел песен Джорджа Чакириса.^[29] Наверное, были не слишком высокого мнения о нем.

Я распахнул дверь магазинчика, и тут же прозвенел колокольчик. В «Вашем тайном саду» было прохладно и влажно, пахло цветами и землей, из маленьких усилителей на потолке лилась тихая классическая музыка. В передней части магазина, где стояли контейнеры со свежими цветами, за стеклом разместились готовые букеты. В задней части находилась стойка, за которой стояли чернокожий мужчина и чернокожая женщина лет шестидесяти. Они составляли букет. Мужчина был довольно высоким, с длинными руками и мощной шеей боксера.

В передней части магазина стройная чернокожая женщина лет тридцати возилась с маргаритками. Она была в зеленых брюках и голубом халате, какие обычно носят санитары. Когда прозвенел колокольчик, мужчина и обе женщины обернулись, уставившись на меня. Мужчина окинул меня тяжелым взглядом и вернулся к своему букету. Должно быть, белые сюда не ходят.

Ко мне подошла стройная женщина и с улыбкой спросила:

— Чем могу вам помочь?

Она была хорошенькой, если не смотреть на двухдюймовый шрам на верхней губе слева и два шрама поменьше над левой бровью. Шрамы были свежими. На халатике висела табличка с именем Сара.

— Привет, Анджелетта, — сказал я. — Меня зовут Элвис Коул. Хочу поговорить с вами о Чарли Де Луке.

Улыбка тут же сползла с ее лица. Она бросила взгляд на мужчину за стойкой, а потом повернулась ко мне. Мужчина за стойкой оторвался от своего букета и внимательно наблюдал за нами. Он не мог нас слышать, но понимал: что-то не так.

— Вы из полиции? — спросила женщина.

— Чарли Де Лука не отпускает одну мою знакомую. Она хочет разорвать с ним отношения, и я пытаюсь найти способ на него надавить.

Молодая женщина вновь посмотрела в сторону мужчины за стойкой и понизила голос. Мужчина отошел от стойки и начал вытирать руки серой тряпкой.

— Мы об этом никогда не говорим, — прошептала она. — Если вы не из полиции, вам следует отсюда уйти.

— Но вы ведь были с Чарли?

Теперь она смотрела в пол.

— Я была со многими мужчинами. Уильям сидел в Даннеморе,^[30] а у меня трое детей.

— Конечно. Нелегко вам пришлось.

Она подняла на меня сердитые глаза.

— Уильяма выпустили всего девять месяцев назад, и он завязал. Мы оба завязали. И нам разрешили держать свой магазин.

Я кивнул. Чудесный магазинчик. Чистый и свежий. В отличие от Даннеморы. В отличие от работы на улице.

— Это Чарли повредил вам глаз?

— Не ваше дело.

— Вам знаком человек по имени Ричи?

— Я никого не знаю.

Уильям положил руки на кассу и наградил меня взглядом тюремного надзирателя. Пожилая женщина подошла к нему и дотронулась до его плеча, однако он, похоже, этого даже не заметил. Они никак не могли нас слышать, но знали, о чем идет разговор. Невероятно, но факт.

— Анджелетта, у моей знакомой тоже есть ребенок. У нее есть жизнь, которую она не хочет терять, точно так же, как вы не хотите терять свою.

Уильям протиснулся мимо пожилой женщины и вышел из-за стойки, держа кусок тяжелый трубы. Даже халат не мог скрыть, какие у него сильные руки и мощные плечи. Наверняка в Даннеморе накачался.

— Шли бы вы отсюда подобру-поздорову. Она больше не выходит на улицу, и она туда не вернется. Она не желает иметь с вами ничего

общего.

— Я просто хочу с ней поговорить.

— Тебе не придется ни с кем говорить, когда эта штука окажется у тебя в башке.

Я вытащил из кармана «дэн-вессон» и навел на него. Мне ужасно не нравилось, что приходится вторгаться в их жизнь и размахивать пушкой. Но происходившее с Карен Ллойд не нравилось мне еще больше.

— Это ее выбор, Уильям. Не твой, — сказал я.

Пожилая женщина тихо застонала и, раскачиваясь из стороны в сторону, стала рвать на кусочки серую тряпку.

— Анджелетта, дай мне всего пять минут. И я уйду. Больше вы меня никогда не увидите.

Уильям подошел ближе. Похоже, человека, отсидевшего в Даннеморе, пушкой не испугать.

— Не стану повторять дважды, мистер. Здесь больше нет Анджелетты. Здесь больше нет неприятностей.

Анджелетта задумчиво на меня посмотрела, затем кивнула — видно, приняла решение. Она поняла, с чем сможет жить дальше, а с чем нет.

— Уильям, тебе еще нужно доставить товар. Почему бы не заняться делом?

Глаза Уильяма широко раскрылись, и он ткнул трубой в мою сторону.

— Он здесь никто. Он не из полиции. Ты не обязана с ним разговаривать.

Анджелетта пристально посмотрела на него, а потом тихо сказала:

— Уильям, он хочет помочь своей подруге. А что собираешься сделать ты? Стукнуть его трубой? Тебя посадят — и что тогда будет с нами? Ты вернешься в Даннемору, а мне снова придется сниматься в грязных фильмах.

— Не говори так.

— Или придется вернуться на улицу.

— Не говори так. — Он дважды моргнул, а потом медленно-медленно повернулся к ней, словно не мог оторвать от меня взгляд.

— Уильям, тебе нужно доставить заказы, — повторила она. — Когда ты вернешься, он уйдет и все будет как раньше. Пожалуйста,

Уильям!

— Послушай ее, Уильям, — вмешалась пожилая женщина, все еще продолжавшая рвать на клочки серую тряпку и раскачиваться. — И делай, как она говорит. Прямо сейчас.

Уильям долго смотрел на Анджелетту, потом его холодный взгляд смягчился, он молча повернулся и вышел из магазина.

Анджелетта проводила его взглядом, потом глубоко вздохнула, словно с его уходом ей сразу стало легче дышать.

— Он страдает из-за того, что мне пришлось делать, пока его не было. Ему ужасно стыдно.

— Он вас очень любит.

— Может быть. — Она еще раз глубоко вздохнула, а потом посмотрела на меня. — Меня зовут не Анджелетта. Анджелетта — это уличное имя.

— Хорошо.

— Меня зовут Сара Льюис.

— Сара. Хорошее имя. Лучше, чем Анджелетта.

Она скрестила руки на груди и горько усмехнулась:

— Хватит молоть чепуху. Выкладывай, что тебе нужно.

— Мне кажется, Чарли Де Лука делает что-то такое, о чем не догадывается его семья. Если я узнаю подробности, то смогу надавить на него, чтобы он оставил в покое мою знакомую.

— Я не видела Чарли Де Луку с тех пор, как вернулся Уильям. Пять или, может, даже шесть месяцев.

— Как ты с ним познакомилась?

— На улице. Он любит иметь дело с уличными девками. Он смотрит грязные фильмы, что-то ему особенно нравится, и тогда он приходит сюда со своими телохранителями и получает нечто похожее.

— Он всегда приходит с телохранителями?

— Он даже отлить не может без телохранителей, — рассмеялась Сара. — С ним всегда один жуткий тип. Высокий, худой и бледный, как проклятый вампир.

«Старина Рик».

— Ты слышала, что болтают телохранители?

— Нет. Они остаются в машине, пока он развлекается в комнате. Ну, сам понимаешь.

— Парень по имени Ричи может что-то знать. Думаю, это он снабжает Чарли фильмами.

Она немного подумала и покачала головой:

— Не знаю никакого Ричи.

— А Чарли когда-нибудь говорил с тобой о делах?

— Только не о тех, что интересуют тебя.

— Он на что-нибудь жаловался? Ну, типа, какой был паршивый день или выгодная сделка сорвалась?

— Послушай, я понимаю, что тебе нужно, но ничего такого не было. Если Чарли западал на какую-нибудь девушку, он начинал часто приходиться и много тратить, но это продолжалось не слишком долго. Он никогда не оставался с одной девушкой дольше трех недель. Ему доставляло удовольствие делать девушкам больно, а если они начинали жаловаться, избивал до полусмерти и переходил к другой.

— И никогда не говорил о своих делах?

— Нет.

— Тебе знакомы другие девушки, с которыми он имел дело? — спросил я.

— Выйди на улицу и посмотри по сторонам. Мы обычно собираемся на углу. Судачим о том о сем, а еще о Чарли. — Она провела рукой по длинному шраму у рта. — Сразу увидишь, кто с ним был.

— А с кем он сейчас?

В ее глазах сверкнул гнев.

— Откуда мне знать? — сверкнула она глазами. — Думаешь, мы с ним продолжаем общаться? Думаешь, мистер Чарли шлет мне любовные письма?

— Сара, это очень важно. Можешь узнать?

Она вновь скрестила руки на груди и посмотрела на меня. Может, она подумала, что с нее хватит, а может, наоборот: раз уже зашла так далеко, то поздно отступать. Она тряхнула головой и подошла к телефону на прилавке. Пока Сара кому-то звонила, пожилая женщина украдкой посматривала в мою сторону, при этом делая вид, что поливает лилии.

Сара Льюис положила трубку, вернулась ко мне и сказала:

— Сейчас он встречается с девушкой по имени Глория Ариб. Она живет на Сто тринадцатой улице, над баром, который называется

«Клайд».

— Спасибо, Сара. Я ценю твою помощь.

— Боюсь, говорить с ней будет без толку. Глория слишком напугана, чтобы отвечать на вопросы, даже если и знает больше моего. Девушки Чарли всегда до смерти напуганы. — Сара вновь коснулась губы, словно она чесалась.

Да, уродливый шрам. Похоже, удар был неслабым. Чарли бил в полную силу и одним разом явно не ограничился.

Я направился к двери.

— Ты действительно думаешь, что сможешь найти способ навредить Чарли Де Луке? — остановила меня Сара.

— Да, действительно, — ответил я.

Она зажмурила поврежденный глаз, потом кивнула каким-то своим мыслям и распахнула передо мной дверь.

— Хорошо. Если сумеешь ему навредить, добавь еще чуть-чуть. От Анджелетты Силвер. Ты меня понял?

Пожилая женщина больше не делала вид, что работает, и молча смотрела на меня. Я кивнул ей, а потом повернулся к Саре Льюис:

— Именно так я и сделаю.

Пожилая женщина улыбнулась и отвела взгляд. Я вышел из магазинчика.

Глава 24

«Клайд», расположенный в подвале четырехэтажного здания, больше напоминал дупло с веревками для развешивания белья и пожарными лестницами вокруг. Несколько женщин в коротких красных платьях и кроличьих шубках со скучающим видом сидели у стойки бара, а пара парней в длинных плащах стояли около оставленного у входа в бар «понтиака» и над чем-то смеялись. У одного из них не хватало переднего зуба — как у Майка Тайсона.

Я оставил «таурус» на противоположной стороне улицы, рядом с автобусной остановкой, и вернулся обратно. Двое парней продолжали смеяться, но теперь они в упор смотрели на меня. Как и на 122-й улице, здесь не было белых. На месте этих ребят я тоже внимательно наблюдал бы за любым появившимся здесь белым типом.

Я сразу же направился к открытой двери рядом с «Клайдом». Там начиналась винтовая лестница и висели почтовые ящики. Под триста четвертым номером я обнаружил надпись «Г. АРИБ».

Парень с зубами, как у Майка Тайсона, поинтересовался:

— Кого ищешь, приятель?

— Глорию Ариб. Она дома?

— Не-е, работает. И правильно делает. Она знает, что для нее хорошо.

— А ты ее администратор?

— Не-е, приятель. Она с Гаити, или Кубы, или типа того. Там за всем присматривают свои ребята. Но на четвертом этаже у меня есть кое-что ничуть не хуже. И ждать не надо.

— Нет, спасибо, — отказался я. — Мое сердце принадлежит Глории.

Он сказал:

— Д-е-е-рьмо, ты поли-и-лиция. Понятно, — сказал он.

Его приятель рассмеялся, и они радостно ударили по рукам. Я напустил на себя соответствующий вид: ну-ладно-я-коп-и-что?

— Как тебя зовут, друг?

— Лютер.

— Лютер, тебе не мешает деловое знакомство. У Глории хорошо идут дела?

— Вполне прилично.

— Белые парни?

Лютер кивнул и подмигнул своему приятелю.

— Ты, небось, вынюхиваешь насчет гангстера с большой машиной. Ты из отдела по борьбе с организованной преступностью?

— Может быть. — «Может быть. Кажется, Эллиот Несс^[31] сказал, может быть». — Расскажи мне про большую машину. Она здесь часто бывает?

— Два-три раза в неделю.

— Приезжает в определенное время?

— Чувак, от твоих вопросов у меня голова бо-бо. Сечешь? — скорчил гримасу Лютер.

— Угу.

Я вытащил двадцатку и протянул Лютеру. Купюра не произвела на него впечатления.

— Не густо, — проворчал он.

— У нас ограниченный бюджет, Лютер.

— Да, слышал. — Двадцатка исчезла. — На прошлой неделе дважды приходил. Во вторник, а потом в пятницу. Пятница — его день. — Лютер посмотрел на своего приятеля, и тот кивнул.

— А что делает его охрана, пока он с Глорией?

— Де-е-рьмо, он уже три месяца не берет с собой свой спецназ.

Я посмотрел на него:

— Он встречается с Глорией Ариб уже три месяца?

— Черт, он ходит сюда даже дольше. — Лютер прищурился и снова повернулся к своему приятелю. — Он с ней, пожалуй, четыре... Нет — пять месяцев?

Тот опять кивнул. Лютер повернулся ко мне.

— Ты хочешь сказать, что он встречается с Глорией Ариб пять месяцев и приходит сюда один?

Лютер нахмурился, вздохнул и бросил на меня мрачный взгляд:

— Сколько раз можно повторить за паршивые двадцать баксов?

Приятель Лютера зевнул и посмотрел куда-то в сторону.

Я немного подумал. В моем деле всегда стараешься отыскать какие-то странности, так как именно странности позволяют раздобыть

улики. Сара Льюис сказала, что Чарли Де Лука обычно расстается с женщиной недели через три и нигде не появляется без охраны. Конечно, с тех пор прошло немало времени. Может быть, Чарли изменился. Может быть, у Чарли с Глорией роман и они встречаются без его охраны, чтобы обсудить детали предстоящей свадьбы. А может быть, и нет.

— Лютер, Глория — просто уличная проститутка или работает по вызову?

— Когда сильно прижмет, она выходит на улицу. Как только дела идут на лад, работает только по вызову. Это всегда видно, так как она сразу начинает задира́ть нос.

Приятель Лютера довольно заржал.

Тут у тротуара остановился роскошный белый «кадиллак», и стройная темнокожая молодая женщина в обтягивающем платье и черно-белых ковбойских сапогах вышла из машины. За рулем «кадиллака» сидел азиат лет пятидесяти. Женщина что-то ему сказала, бросила взгляд на Лютера и вошла в «Клайд». Лютер нахмурился:

— Мне пора заняться делами.

— Спасибо за помощь, Лютер. Я ее очень ценю.

— Только не говори ничего этому паршивому гангстеру. Не хочу оказаться в канаве с перерезанной глоткой.

— Конечно, Лютер. Можешь не сомневаться.

Лютер и его приятель исчезли в «Клайде».

Я поднялся на третий этаж, прошел по коридору к квартире 304 и постучал в дверь. Тишина. Из дальнего конца коридора доносился детский плач, из соседней квартиры слышался рэп. А вот в квартире Глории Ариб царил полнейшая тишина. Я постучал еще раз, после чего достал отмычки, которые всегда держу в бумажнике, открыл замок и вошел.

Глория Ариб жила в двухкомнатной квартире с ванной и крошечной кухней. Краска на стенах выцвела, а на потолке облупилась, однако все было чистенько. Клетчатый диван накрыт расшитым бисером чехлом, напротив стояла викторианская горка из полированного красного дерева. Кухня и ванная содержались в образцовом порядке, а спальня и вовсе являла собой розовый сон: розовое атласное одеяло, розовый телефон, розовые кружевные подушки. Розовые стены и потолок. Ей даже удалось отыскать розовый

радиобудильник, стоявший на прикроватной тумбочке. Тумбочка была коричневой.

Я хотел найти записную книжку. У уличных проституток таких не водится, так как у них не бывает постоянных клиентов, но девушки по вызову пользуются записными книжками. Они стараются фиксировать встречи и разные подробности. Скажем, предпочтения клиентов и суммы гонорара. Если бы я сумел отыскать книжку Глории, то смог бы узнать, когда Чарли Де Лука с ней встречается и чем они занимаются. Возможно, мне даже удалось бы выяснить, что происходит.

Я начал с тумбочки, затем заглянул за кровать и под матрас. Мне удалось найти две коробки с салфетками — одну открытую, другую запечатанную, — а также упаковку презервативов. Затем пришел черед туалетного столика и шкафчика, на котором стояло множество безделушек. На нижней полке я обнаружил хлыст из змеиной кожи, набор черных кожаных ремней, две пары полицейских наручников и черную резиновую маску с парой дырочек, очевидно для дыхания. Прелестно!

Осмотрев оставшуюся часть спальни и кладовку, я перешел в ванную комнату. Записная книжка была засунута в мешочек и прилеплена клейкой лентой к нижней части раковины вместе с флаконом кокаина. На все про все у меня ушло восемь минут и сорок секунд. Полицейские справились бы быстрее.

Я перешел в гостиную, сел на диван и просмотрел книжку. Глория начала ее вести десять месяцев назад. Пять месяцев и неделю назад в ней появилось первое упоминания о Чарли Де Луке. В первую неделю их знакомства он встречался с Глорией три дня подряд, а на следующей — пять раз. Почти все ее записи были сокращениями, но расшифровать их не составило труда. Я читал, стараясь относиться ко всему как профессионал, но не мог избавиться от чувства неловкости. В записях ни разу не упоминался бизнес Чарли.

Я просмотрел все записи до настоящего времени и обратил внимание на то, что после пятой недели знакомства с Чарли появилось еще одно новое имя. Сантьяго.

Хммм.

Я вернулся к началу книжки и стал искать имя Сантьяго. Однако впервые он упоминался на пятой неделе знакомства с Чарли. Может быть, Чарли привел его с собой. Я продолжал изучать записи. Иногда

Глория записывала полное имя, иногда ограничивалась одной буквой «С». В течение следующих нескольких недель всякий раз, как появлялось «С», рядом обязательно возникало имя Чарли, но потом попадалось только «С», уже без Чарли. Лютер сказал, что Чарли был здесь в прошлые вторник и пятницу, но в книжке я не нашел упоминания об этих встречах, только имя Сантьяго. Может быть, Чарли приходил сюда вовсе не для того, чтобы встречаться с Глорией, поэтому она и перестала его записывать. Возможно, он приходил сюда, чтобы встречаться с Сантьяго.

И еще раз хммм.

Сантьяго был записан на завтра, на половину пятого дня. Пятница. Хммм. Про Чарли — ничего, но меня это уже не удивило. Моего имени тоже не было.

Я закрыл книжку, засунул ее обратно в мешочек и прикрепил на прежнее место в ванной Глории Ариб. Через минуту я уже спускался вниз по лестнице. Когда я вышел на улицу, Лютер и его приятель вернулись на свой пост возле «понтиака». Увидев меня, Лютер ухмыльнулся, продемонстрировав зубы Майка Тайсона.

— Лютер, знаешь парня по имени Сантьяго, который сюда иногда заходит?

Лютер перестал ухмыляться и покачал головой:

— Мое дело сторона.

Он повернулся ко мне спиной и скрылся в «Клайде». Я посмотрел ему вслед и решил пообщаться с его приятелем. Тот только плечами пожал.

— Что все это значит? — поинтересовался я.

— Сантьяго — ее сутенер, — ответил приятель Лютера. — Несколько лет назад, когда она перебралась сюда, Лютер хотел забрать ее в свою конюшню. У них с Сантьяго были какие-то терки. Сантьяго чуть не пришил Лютера. Ножом для колки льда.

— Ах, вот оно как, — «Замечательно». — У него есть здесь другие девочки?

— Не-е. Теперь он стал настоящим гангстером с Ямайки, дела у Сантьяго пошли в гору. Ездит на классных тачках, носит классные шмотки. Думаю, Лютеру просто завидно.

— Ага.

Приятель Лютера отделился от «понтиака».

— Пойду присмотрю за Лютером. Когда у Лютера такой вид, лучше его одного не оставлять.

— Ладно. Спасибо за помощь.

Приятель Лютера нырнул в «Клайд».

Было два сорок пять. Я все еще успевал к Карен к четверем.

Я не торопясь двинулся к «таурису», размышляя о словах Роланда Джорджа. Он сказал, что итальянская мафия ненавидит азиатов, кубинцев и выходцев с Ямайки. Может быть, мне удалось узнать кое-что интересное. Может быть, у меня появилась улика. Может быть, если я сумею отыскать ее скрытый смысл, Карен Ллойд, Тоби Ллойд и Питер Алан Нельсен смогут жить спокойно и счастливо. Как в кино.

По дороге в Челам я пытался понять, что общего может быть у Чарли Де Луки с ямайским гангстером по имени Сантьяго. Оставалось только найти ответ на этот вопрос.

Глава 25

Я приехал к Карен Ллойд без двадцати четыре. «ЛеБарон» Карен стоял возле дома, но я не заметил возле гаража красного горного велосипеда Тоби. Я поставил машину на улице, чтобы Питер мог припарковать свой лимузин возле дома. Дверь мне открыла Карен, одетая в длинную бежевую юбку и блузку цвета морской волны. Ее шею украшало крупное ожерелье типа того, что носят зулусские вожди. Она наложила свежий макияж.

— Слава богу, что вы не Питер.

— Да. Я и сам частенько так думаю.

— Пытаюсь привести дом в порядок.

Карен прошла пылесосом по ковру, журналы были аккуратно сложены, фотографии на каминной полке протерты и расставлены по размеру, самая большая стояла рядом с раритетными электрическими часами, самая маленькая — с противоположной стороны. Пайк сидел за столом, потягивая чай, и смотрел на мир сквозь ничего не выражающие темные очки.

— А где Тоби? — поинтересовался я.

— В школе, — ответила Карен. — Тоби хотел остаться дома, но я ему не разрешила.

— Хорошо.

— Я сказала ему, что наша жизнь не должна останавливаться. И что мы останемся прежними: он будет ходить в ту же самую школу и не должен пропускать баскетбольные тренировки.

Я посмотрел на Пайка. Тот поднял брови. Похоже, так прошел весь день.

— Постоянство — очень важная вещь, — заметил я.

— Вы совершенно правы.

Она стояла в центре комнаты, положив левую руку на бедро, а правую — на подбородок. Очевидно, проверяла качество боевой раскраски.

— Нервничаете?

— Конечно нет. Просто напряжена. А это совсем другое дело.

Она посмотрела на электрические часы, потом — на свои наручные. Видимо, их показания не совпадали, поэтому Карен подошла к каминной полке и добавила пару минут на электрических часах. Она поправила экземпляр «Идеального дома», лежавший на столике рядом с диваном, сняла нитку с ковра, потом вышла в коридор и скрылась в своей спальне. Прежде я не видел, чтобы она двигалась так неуверенно.

— В банк приходили репортеры с телевидения, пытались выяснить, что Карен делала в мотеле с Питером Аланом Нельсеном. Она велела охране их выставить.

— Вот как?

— Она рано ушла из банка и сразу поехала домой. И весь день наводила чистоту.

— Она напугана. Сегодня к ней придет человек, который может изменить всю ее жизнь.

— Не слишком ли много уборки перед таким нашествием?

— Дзен наведения порядка помогает достичь внутренней гармонии.

— И я того же мнения, — кивнул Пайк, глотнув чаю.

Я сходил на кухню, сварил себе кофе, вернулся в гостиную и уселся рядом с Пайком. Из коридора появилась Карен, секунд тридцать осматривала гостиную, затем снова вышла в коридор.

«Гармония».

— Чарли не проявлялся? — спросил я.

Пайк покачал головой.

— Не нравится мне все это. Таким мстительным психам, как Чарли, непременно нужно преподать тебе урок. Он наверняка что-то задумал.

В ответ Пайк только кивнул, а затем спросил:

— Ты что-нибудь нашел?

Я рассказал ему про Глорию Ариб и ямайского гангстера.

— Мафия старается не иметь дела с такими парнями, — заметил Пайк.

— Верно, — согласился я.

— Хम्म, — сказал Пайк.

Без восьми четыре огромный черный лимузин с ревом промчался по улице и свернул к дому Карен.

— Приехали, — сообщил я.

Карен вернулась в гостиную и подошла к окну. Она сменила блузку цвета морской волны на элегантный черный свитер и изящное жемчужное ожерелье.

Захлопали дверцы лимузина, и Карен отошла от окна. Она выпрямилась и положила руки на бедра.

— Проклятье, я рассчитывала, что Тоби придет пораньше.

Она вроде как побледнела, но, возможно, все дело было в освещении.

— Давайте спрячемся и сделаем вид, что нас нет дома, — предложил я.

— Очень смешно.

«Я еще не то могу. Дайте только мне волю».

Карен застыла в центре комнаты и так и стояла до тех пор, пока не раздался звонок. Тогда она посмотрела на меня и сказала:

— Ставлю двадцать пять миллионов долларов, что как только он откроет рот, то проявит себя полным козлом.

— Откуда такие пораженческие настроения?

Вновь прозвенел звонок. Карен открыла дверь. На пороге показались Питер и Дани. Ника и Ти-Джея оставили дома.

— Господи боже мой, ты действительно живешь в этой жуткой халупе?

Карен бросила на меня мрачный взгляд:

— Вот видите?

Комната сразу стала меньше, а потолок — словно ниже. Питер оглядывался по сторонам так, словно прикидывал, стоит ли покупать этот дом. Дани, сцепив руки, держалась чуть поодаль, чтобы не мешать Питеру.

— Хотите чего-нибудь выпить? — предложила Карен. — У меня есть безалкогольные напитки, пиво, чай со льдом. — Она все еще была напряжена.

— Нет, спасибо, — ответила Дани.

— Я бы выпил пивка. У тебя есть «Будвайзер»?

Карен молча скрылась на кухне. Питер подмигнул мне и улыбнулся:

— А она неплохо справляется. Правда? Если бы ты был знаком с ней в Лос-Анджелесе, то ни в жизнь бы не поверил, что такое

ВОЗМОЖНО.

— Питер, сбавь обороты, — сказал я.

— Что? — смутился Питер.

Карен вернулась с бутылкой бельгийского пива, стаканом и салфеткой на подносе.

— Ты же знаешь, я не пью из стакана.

— Забыла, — проронила Карен.

— Да уж, конечно.

Карен предложила Дани присесть на диван, а сама заняла кресло с подголовником. Я продолжал сидеть за обеденным столом рядом с Джо Пайком. Питер глотнул пива прямо из бутылки и подошел к камину, чтобы посмотреть на фотографии. Было без пяти четыре. Мы прекрасно проводили время.

— Наверное, глупо было рассчитывать, что ты поставишь парочку и моих фотографий.

Губы Карен собрались в маленький розовый бутон.

— Ну, ты понимаешь, для мальчика, — продолжил Питер.

Карен посмотрела в окно, а потом перевела взгляд на часы. Питер пересек гостиную и уселся в другое кресло с подголовником. Он засунул ноги под кофейный столик, продолжая держать бутылку с пивом в руках. Но больше он к ней не прикладывался.

— Я не собираюсь создавать тебе проблемы, — сказал он.

— Конечно, — ответила Карен.

— Я просто хочу познакомиться со своим сыном.

— Он должен прийти с минуты на минуту.

Питер кивнул, выпил немного пива и ничего не ответил. Карен смотрела в окно. Дани уставилась в пол. Пайк сидел совершенно неподвижно, укрывшись за стеклами темных очков. Может быть, если я очень попрошу, он даст мне свои очки, и тогда я тоже смогу сделать вид, что меня здесь нет. Я соорудил гримасу, чтобы проверить, смотрит ли он в мою сторону, но он никак не отреагировал. Наверное, не смотрит. А может, только делает вид. С Пайком никогда не знаешь наверняка.

В десять минут пятого Питер заявил:

— Я думал, что мальчик должен прийти домой в четыре.

Карен слегка наклонилась вперед:

— Не называй его «мальчик». Его зовут Тоби.

Питер развел руками, кивнул и вновь уставился в пустоту.

В четырнадцать минут пятого из коридора появился бело-рыжий кот Карен и принялся принюхиваться к Питеру. Питер протянул было руку, чтобы его погладить, но передумал и отдернул руку. Наверное, у него еще не зажили царапины после встречи с моим котом.

В двадцать две минуты пятого Карен посмотрела на наручные часы, потом перевела взгляд на каминную полку и нахмурилась. Тоби уже должен был вернуться домой.

В двадцать восемь минут пятого Питер неохотно поднялся и сказал:

— Какого черта здесь происходит? Мальчик придет домой или как?

Карен тоже поднялась с места, ноздри ее раздувались.

— У Тоби трудный период, Питер. Он нервничает перед встречей с тобой. Он плохо спал, и ему страшно.

— Что ты ему про меня наговорила? Что я ем крысиное дерьмо?

Карен что-то прошипела и направилась на кухню, где стоял телефон.

— Я позвоню в школу.

Питер сделал круг по комнате и вернулся в свое кресло. Дани положила руку ему на плечо. Через шесть минут Карен вернулась.

— Они сказали, что он ушел почти час назад. — Она уже не скрывала тревоги.

— Сколько времени ему нужно, чтобы добраться до дома? — поинтересовался я.

— Не больше десяти минут.

— Господи боже мой, неужели он убежал из дома? — спросил Питер.

Карен взяла сумочку, вытащила ключи из ящика шкафа и молча направилась к входной двери. Я кинулся вслед за ней, бросив на ходу Пайку:

— Я пойду с ней. А ты побудь здесь.

Пайк кивнул, черные линзы очков слегка сдвинулись, и в них отразился луч света.

— Эй, я с вами, — крикнул Питер.

— Нет, — ответила Карен, а когда Питер начал вставать, Пайк аккуратно усадил его на место.

— Не сейчас.

— Эй, — повторил Питер и вновь попытался встать, но Пайк удержал его на месте, встав так близко, что Питеру некуда было деваться.

— Какого черта здесь происходит?! — рассердился Питер.

Дани встала, сделав шаг вперед, но я покачал головой, и она остановилась. Мой компаньон наклонился над Питером, так что лица их теперь были совсем близко и Питер мог заглянуть в его темные очки, и сказал:

— Будет лучше, если она пойдет без вас.

Питер прищурился, пытаясь взглянуть в темноту, и перестал сопротивляться.

— Конечно, — ответил он.

Когда я вышел из дома, Карен уже садилась в свой «ЛеБарон». Ее спина была напряжена, зубы стиснуты. Она слишком сильно нажала на газ, и двигатель протестующе взревел.

Мы моментально добрались до школы, дважды объехали вокруг ее территории, потом свернули в переулок. Карен сказала, что Тоби иногда ездит здесь. Однако там его не оказалось. Мы катались около часа, но так и не нашли Тоби. Наконец мы свернули на дорогу, идущую между двумя полями дикой ржи, поникшей от холода.

— Остановите машину, — велел я.

— Что? — переспросила Карен.

Когда машина остановилась, я вышел на дорогу и приблизился к красному горному велосипеду Тоби Ллойда. Заднее колесо было сломано, рама раздавлена, ручки вывернуты назад и сведены вместе. Похоже, что в велосипед врезалась машина.

Я обследовал высокую траву вокруг места, где валялся велосипед, но не нашел никаких следов.

Чарли Де Лука дал о себе знать.

Глава 26

Карен Ллойд выскочила из машины и побежала к краю поля. Когда она увидела велосипед, ее глаза широко раскрылись, она прижала руки к вискам и закричала:

— Тоби?

Она кричала сначала испуганно, а потом сердито, словно это была глупая шутка с его стороны и сейчас он выскочит откуда-нибудь, чтобы ее напугать. Она пробежала мимо меня, раздвигая заросли ржи, тимофеевки и ползучую лозу тыквы, продолжая выкрикивать имя сына:

— Тоби, Тоби!

Я поймал ее и прижал к себе, но она начала отчаянно вырываться.

— Его здесь нет, — сказал я. — Они не станут причинять ему вред. Они хотят, чтобы вы были на их стороне. И они прекрасно понимают, что если мальчик пострадает, то они вас потеряют.

— Я хочу его найти.

— Мы его найдем. Мы вернемся домой и будем ждать звонка Чарли.

— О господи, что же мне делать? — Она тяжело дышала, как будто ее субъективное восприятие вдруг перешло на другой уровень. — Как они могли так поступить? Откуда могли знать?

— Здесь только одна школа. Наверное, дождались, когда Тоби поедет домой, и перехватили его по дороге.

— Но его велосипед.

— Я не знаю.

— Неужели они просто на него наехали?

— Нет.

— Господи, что они с ним сделали? — Она развернулась и побежала к машине, я последовал за ней.

Через пять минут мы все узнали.

Черный «линкольн» Чарли Де Луки стоял на парковке Карен рядом с лимузином. Рик устроился на пассажирском сиденье. Он опустил стекло и, включив приемник, слушал музыку кантри. Реба Мак-Энтайр. Он по-прежнему был в черных очках «Рэй-Бан», черные

волосы торчали в разные стороны, подчеркивая нездоровую белизну кожи. Новенький красный горный велосипед стоял возле гаража, на ручке все еще болталась бирка с ценой.

— О, слава богу, — выдохнула Карен.

Когда мы припарковались, Рик вылез из «линкольна». Он был одет в толстую кожаную куртку, всю в металлических заклепках. Когда куртка слегка распахнулась, под левой рукой Рика сверкнула сталь. Десятка.

— Давайте войдем в дом, — сказал он.

— Мой мальчик в порядке? — спросила Карен.

— Давайте войдем в дом. Чарли ждет.

Карен побежала к двери, за ней последовали мы с Риком.

Питер, Дани, Тоби Ллойд и Чарли Де Лука сидели в гостиной. Питер и Чарли устроились в креслах с подголовниками, а Дани и Тоби — на диване. Чарли Де Лука смеялся над какой-то шуткой Питера. У каждого в руках было по бутылке пива. Тоби сидел на краю дивана, зажав руки между колен. Он не сводил напряженного взгляда с Питера. Джо Пайк стоял у камина, скрестив руки на груди. Когда Рик вошел, он не изменил позу, но заметно напрягся. Чарли Де Лука улыбнулся нам, совсем как добрый старый дядюшка, и сказал:

— А вот и они.

Карен сразу же устремилась к Тоби, схватила его за плечи и пристально посмотрела ему в глаза, словно пытаясь прочесть нечто, написанное внутри головы.

— Ты в порядке?

— Конечно, мама.

— Тебя никто не обижал? Они не угрожали?

— О чем ты? — смутился мальчик.

Рик кивнул Пайку, снял «Рэй-Бан» и потер глаза. Похоже, одной пары темных очков в комнате было вполне достаточно.

— Как, ты все еще здесь? — улыбнулся мне Чарли. — А я-то думал, что ты давно улетел верхом на Дамбо.^[32] Ты же знаешь, что для тебя лучше.

— Возможно, мы друг друга не поняли, — слегка пожал плечами я.

Питер улыбнулся, будто услышал остроумную шутку.

— Карен, ты не поверишь, почему Тоби опоздал! Ну давай, Чарли, расскажи ей. Ты только послушай.

«Ну давай, Чарли. Старые друзья».

Чарли откинулся на спинку кресла.

— Представляете, я подавал назад и наехал на его велосипед возле школы. Я ужасно расстроился, дождался, пока Тоби выйдет из школы, и пообещал ему купить новый. Ведь велосипед как лошадь. Для мальчика велосипед — лучший друг. Я чувствовал себя таким неуклюжим болваном.

«Неуклюжий болван».

Спектакль для Питера — и Питер все принял за чистую монету.

Пока Чарли говорил, Карен не сводила с него глаз, а потом перевела взгляд на Тоби.

— И ты поехал с этим человеком, чтобы купить новый велосипед?

— Ну да, конечно. — Тоби говорил быстро-быстро, понимая, что влип. — Мы поехали в Квисенберри, и он сказал, что хочет заплатить за новый велик. Он спросил, где такие продаются, и я ему показал.

Карен переводила взгляд с Тоби на Чарли и обратно, а потом отвесила сыну пощечину, прозвучавшую как выстрел из пистолета.

— Не смей уходить с незнакомыми!

Голова Тоби дернулась. Дани ахнула, а Питер воскликнул:

— Эй, ты это зачем?!

— Заткни свою поганую пасть! — рявкнула Карен.

Ее лицо стало почти таким же бледным, как у Рика, она вся дрожала.

— Он тебя знает, мама. Я думал, что все нормально, — сделал попытку оправдаться перепуганный Тоби.

Тут на авансцену вышел добрый старый дядюшка Чарли.

— Тоби, боюсь, твоя мама огорчена, и у нее есть на то все основания. Это моя вина, — заявил Чарли и посмотрел на Карен. Теперь он уже не походил на дядюшку Чарли. — Ничего бы этого не произошло, если бы я не приехал сюда из города на встречу, и знаешь что? Меня кинули. Мне пришлось ждать. А мне это надо? Чтобы меня оскорбляли?

Питер кивнул, полностью соглашаясь со своим новым другом Чарли.

— Послушайте, если бы какой-нибудь клоун у меня на картине поступил бы так же, я быстро поставил бы его на место.

— Совершенно верно, Питер, — улыбнулся Чарли. — Иногда просто необходимо ставить людей на место.

Питер снова кивнул и подмигнул сыну.

— Тоби, поднимись в свою комнату и закрой дверь, — велела Карен.

Лицо Тоби потемнело, но он молча вышел. Когда дверь за ним закрылась, Карен повернулась к Чарли и сказала:

— Ты, сукин сын!

— Господи боже мой, Карен! — удивленно воскликнул Питер. — Человек уже пятнадцать раз извинился. И Тоби в порядке.

Но Карен даже не взглянула на Питера. Она в упор смотрела на Чарли, грудь ее вздымалась, уголки рта покраснели, несмотря на густой слой помады.

— Поверьте мне, — начал Чарли, — я вполне разделяю ее чувства. Ты предупреждаешь детей о незнакомцах. Но дети есть дети. Они делают ошибки. Я знаю, как бы себя чувствовал, если бы что-нибудь случилось. Карен, ты ведь не хочешь, чтобы что-нибудь случилось? — Он явно подходил издалека.

— Нет. Я не хотела бы, чтобы что-нибудь случилось, — покачала головой Карен.

— Мы поняли намек, — отрезал я.

— А тебя никто не спрашивал, — вмешался Рик.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты похож на Хермана Мюнстера?^[33]

У Чарли запульсировала жилка на правом виске. Он медленно перевел взгляд с Карен на меня, потом встал с кресла и подошел ко мне.

— Некоторые парни, похоже, не догоняют, Рик. Некоторым парням твердишь и твердишь, а они все не догоняют, и тогда у них возникают проблемы.

— Для некоторых парней проблемы — это образ жизни, — кивнул я.

— Вы, ребята, о чем толкуете? — недоуменно спросил Питер.

Чарли сделал еще шаг в мою сторону. Лицо его покраснело, дыхание с хрипом вырывалось из груди, на виске продолжала

пульсировать жилка, глаза стали мертвыми, рыбьими, и я наконец понял, откуда такое прозвище: Чарли Тунец.

— У тебя что, мозги от солнца расплавились? Хочешь получить свое прямо сейчас? — Звук его голоса больше напоминал змеиное шипение.

— Эй, ребята, остыньте! — воскликнул Питер.

— Все нормально, — успокоил Питера Рик.

Рик подошел к Чарли, положил руки ему на плечи и начал что-то шептать на ухо, совсем как тогда, когда Чарли вразумлял Джои Путату. Постепенно хрипение и пульсации прекратились. Рик удалось успокоить сына Сола Де Луки.

«Интересно, получает ли он за это дополнительную оплату?» — подумал я.

— Эй, Чарли! Ты в порядке? Хочешь стакан воды? — спросил Питер.

Глаза Чарли вынырнули из океанских глубин, и он едва заметным жестом остановил Рика. Чарли сделал шаг назад, взял пальто, и Рик помог ему его надеть.

— Я в порядке, Питер. Просто маленькое недоразумение. Такое случается.

— Да, конечно, — кивнул Питер.

«Теперь все было в порядке».

Чарли снова посмотрел на Карен, застегнул пальто и уже дверях произнес:

— Питер, приятно было с тобой познакомиться. Господи, знаешь, «Бензопила» — один из моих самых любимых фильмов. Я даже кассету купил. Семьдесят девять девяносто пять. Сколько же раз я ее смотрел? Больше дюжины. Скажи, Рик?

— Дюжину раз, — ответил Рик.

— Тебе больше не потребуется покупать кассеты, — заявил Питер. — Позвони Карен и сообщи ей твой адрес. Буду присылать тебе записи всех моих фильмов. — Он поднял бутылку пива и отсалютовал Чарли.

— Я позвоню Карен, — улыбнулся Чарли и, посмотрев на Карен, покачал головой: — Пойдем, Рик.

Рик открыл дверь, и они вышли. Джо Пайк отделился от стены, подошел к окну и выглянул наружу.

— Господи боже мой, Карен! Зачем столько шума из ничего! Ведь Тоби в порядке, — заметил Питер.

Снаружи послышался стук закрывающейся двери.

— Пока! — крикнул Тоби из окна своей комнаты.

Заработал двигатель автомобиля. «Линкольн» уехал. Пайк отошел от окна. Карен прошла через гостиную на кухню и тихо закрыла за собой дверь.

— В чем проблема? — поинтересовался Питер.

Я оставил их с Пайком в гостиной и последовал за Карен Ллойд. Она стояла у раковины и смотрела в окно на задний двор своего дома. На полке возле окна стояли глиняные горшки для растений. В одни уже было что-то посажено, другие оставались пустыми.

— Этот человек пришел в мой дом. Этот человек пришел в мой дом и угрожал моему ребенку.

— Мафиози всегда так делают.

Карен продолжала смотреть на задний двор, и мне показалось, что она вот-вот заплачет, но нет, сдержалась. Все мышцы ее тела были напряжены. «Я изменю свою жизнь. Я сохраню контроль над своей жизнью». Такими вещами можно только восхищаться.

— Господи, что я творю? А если бы они причинили вред моему мальчику?

Я протянул руку и дотронулся до ее плеча. Она не стала отодвигаться.

— Они не причинили ему вреда и не станут этого делать в будущем. Чарли хочет, чтобы вы были на его стороне. Он прекрасно понимает, что если хотя бы пальцем тронет вашего сына, то вы для него будете навеки потеряны.

Она кивнула, обдумывая мои слова, но все же мне не поверила.

— Я хочу, чтобы вы приглядывали за ним. Вы сделаете это? Вы с мистером Пайком можете остаться до тех пор, пока все не закончится?

— Да.

Она отвернулась от окна и бросила взгляд в сторону гостиной.

— Я должна ему обо всем рассказать.

— Не вижу другого выхода.

Она закрыла глаза, и на лице ее появилось усталое выражение.

— Боже мой, это еще хуже, чем иметь дело с Чарли.

Глава 27

Я оставил Карен Ллойд на кухне и вернулся в гостиную. Тоби спустился вниз и устроился рядом с Питером. Пайк ушел. Наверное, вышел во двор.

— Хочешь приехать ко мне в Калифорнию? — спросил Питер.

— Конечно, — ответил Тоби.

— Эй, когда соберешься, — продолжал Питер, — я пришлю за тобой самолет киностудии. У них есть специальный самолет для всяких придурков, которые летают туда, где им и делать-то нечего. Они меня до смерти боятся. У меня есть дом на пляже в Малибу. Рядом живет Джонни Карсон. А еще Стивен Спилберг, Слай Сталлоне и Том Хэнкс. Мы сможем неплохо оттянуться. Вот будет здорово, правда?!

— Угу, — ответил Тоби, имея в виду Спилберга со Сталлоне, а может, самолет.

Дани улыбалась и кивала, словно подтверждая, что все действительно будет просто здорово. О таком ведь любой мальчишка может только мечтать.

На подъездной дорожке у дома я заметил Пайка. Он стоял на одной ноге, сложив ладони над головой. Поза дерева. Бегство от хаоса.

— А какая у тебя любимая машина? — спросил Питер.

— О чем ты?

— Ну какая машина тебе больше всего нравится? Ты же смотришь телевизор, видишь автомобили на улицах, листаешь журналы. У тебя должна быть любимая машина.

— Ну, мне нравятся красные машины. — Похоже, Тоби никогда об этом не думал.

Питер развел руками и прямо-таки просиял:

— Когда приедешь, мы купим красную машину, чтобы кататься. Как тебе такая мысль?

Тоби скорчил рожицу, словно его отец заговорил по-марсиански.

— Ты купишь машину только из-за того, что я приеду?

— Конечно. Ты мой сын. Мы купим долбаный вертолет, если захочешь.

Тоби хихикнул — может быть, из-за вертолета, может быть, из-за бранного слова.

— Дани, принеси то, что мы привезли, — велел Питер.

Дани улыбнулась, отошла к лимузину и через минуту вернулась с парой огромных коробок.

— Открой их, чемпион.

«Чемпион. Ну прямо-таки Уорд Кливер и Бивер».^[34]

Тоби открыл коробки. Там оказалась профессиональная видеокамера, навороченный видеоплеер, электронный редактор, несколько пустых кассет и записи всех фильмов Питера Алана Нельсена. Я прикинул, что все вместе стоило тысяч тринадцать долларов, не считая фильмов.

— Ничего себе! — воскликнул Тоби.

Питер потрепал его по колену.

— Теперь сможешь делать собственные фильмы. Как твой отец.

— А ты покажешь как?

— Обязательно. — Питер наклонился и погладил мальчика по голове. — Ты сын Питера Алана Нельсена. Теперь все для тебя изменится. Твоя жизнь станет намного лучше.

Кто же говорит такие вещи двенадцатилетнему мальчику!

— Ты получишь все, что захочешь. И мы будем делать все, что ты пожелаешь. Я подумываю о том, чтобы купить парочку мотоциклов, чтобы мы могли кататься вместе. Ну как, идет?

— Да!

Когда Карен вышла из кухни, Тоби сказал:

— Смотри, что мне привез Питер.

Карен это не слишком понравилось.

— Похоже, это очень дорогие вещи.

— У нас будут мотоциклы, — продолжал Тоби. — Мы будем вместе на них кататься.

Это Карен совсем не понравилось.

— Питер, мотоциклы опасны. Тоби еще слишком маленький.

— Я куплю ему мотоцикл для езды по бездорожью. Мы не станем выезжать на улицу. Мы поедем в лес.

Карен стиснула зубы, и в глазах у нее появилась решимость.

— Дело не в этом. Тоби живет здесь. Тоби привык к определенному образу жизни, и обилие дорогих подарков исказит его

представление о жизненных ценностях.

— Тоби, — вмешался я. — Твоим родителям нужно поговорить. Почему бы тебе немного не погулять?

— Но мы с мальчиком только начали узнавать друг друга, — запротестовал Питер.

— Да, я знаю, но это важно, — ответила Карен. — Вы еще успеете узнать друг друга.

Тоби вышел на улицу, и очень скоро мы услышали стук баскетбольного мяча. Карен посмотрела на Дани:

— Вы не могли бы оставить нас наедине?

Дани покраснела, сказала, что составит Тоби компанию, и вышла вслед за мальчиком.

— Что такое? — спросил Питер.

Карен села на диван, поправила юбку и посмотрела на мужчину, за которого вышла замуж в девятнадцать лет и с которым прожила четырнадцать месяцев. Она тяжело вздохнула и рассказала ему о своей связи с мафией. Без всяких предисловий.

Стуцающиеся сумерки за окном отдавали пурпуром, потянуло холодом. Со двора доносились звонкие удары мяча, смех и отдельные слова. Я видел Дани и Тоби, а также большую часть дорожки, но кольцо оставалось вне поля моего зрения. После броска мяч описывал дугу и исчезал. Однако это не имело значения, поскольку все можно было прочесть на их лицах. К тому же многое становилось понятно по тому, куда катился мяч. Если кто-то из них отбегал в сторону, значит, мяч ударял в дужку кольца. Если кто-то устремлялся вперед, значит, мяч пролетал мимо. Если же мяч плавно падал вниз, бросок оказывался удачным. Ты не видел самого попадания — лишь результат. Я читал книгу по астрономии, в которой рассказывалось, что существование Нептуна и Плутона было предсказано задолго до того, как их удалось разглядеть в телескопы, за счет отклонения орбит других планет. И я подумал, что планеты не слишком отличаются от людей. Достаточно посмотреть на события, происходящие вокруг, чтобы составить о них представление.

Когда Карен Ллойд закончила свой рассказ, Питер посмотрел на меня и спросил:

— И все это по-настоящему?

— Да.

Он встал и нетерпеливо бросил:

— Нет. Я о другом — неужели все это настоящее? Парень, который приходил сюда, Чарли, он что, действительно преступник? Действительно мафиози?

— Да, все по-настоящему, Питер. Де Лука — одна из самых крупных мафиозных семей Нью-Йорка. Я говорил с Чарли о том, чтобы ей разрешили уйти, но он сказал «нет».

Питер долго смотрел в потолок, потом перевел взгляд на Карен. Он ухмылялся, словно все еще считал происходящее шуткой:

— Значит, ты в мафии.

— Нет. Я не в мафии. Я лишь вынуждена с ними работать. — Ее голос вдруг внезапно задрожал.

— А мальчик знает?

— Перестань называть его мальчиком. У него есть имя, — огрызнулась Карен.

— Господи боже мой! Да ладно тебе. Ну Тоби. Так Тоби знает? — Теперь уже Питер не на шутку разозлился.

— Нет. Это незаконно. Я нарушаю закон. Такие вещи не говорят детям.

— Именно по этой причине я не звонил. Мы пытались решить проблему до твоего появления, — вмешался я.

— Господи боже мой, — пробормотал Питер.

— Если Карен обратится в полицию, то сможет заключить сделку с федералами. Ее показания позволят засадить Чарли, а может быть, и Сола, но тогда ей придется воспользоваться программой защиты свидетелей.

— Мы будем вынуждены изменить свои имена. Нам придется переехать и всю жизнь прятаться. Я не хочу такой жизни ни для Тоби, ни для себя, — вздохнула Карен.

— Но этот парень угрожает нашему ребенку, — запротестовал Питер.

— Чарли надо было донести до Карен, что он не шутит. Он ничего не станет делать, если Карен будет продолжать отмывать его деньги, — объяснил я.

— Я попросила Элвиса и мистера Пайка переехать сюда до тех пор, пока все не закончится, — продолжила Карен.

— Я не знал, что ты остановился здесь, — удивленно заморгал Питер.

— Я здесь и не останавливался. Но теперь мне придется пожить у Карен.

Питер нахмурился, пытаясь переварить полученную информацию. И все это ему явно не нравилось.

— И сколько это может занять?

Я рассказал ему про Глорию Ариб и ямайского гангстера Сантьяго, а еще о завтрашней встрече Чарли с Сантьяго.

— Ты собираешься следить за ним до тех пор, пока не найдешь какой-нибудь улики? Господи, на это могут уйти годы, — покачал головой Питер.

— Это все, что мы можем сделать, — отрезал я.

Питер подошел к окну. Снаружи Тоби сделал пас Дани, она попыталась попасть в кольцо, но промахнулась. Дани рассмеялась и что-то сказала.

— Хорошо, — вздохнул Питер. — Раз события приняли такой оборот, я обо всем позабочусь. — Он явно был очень доволен собой.

— Это в каком же смысле? — удивилась Карен.

Питер небрежно махнул рукой:

— Я поговорю с этим парнем. Дам ему кой-какой наличности, и он успокоится. Я позабочусь о тебе, Карен.

У Карен задергался правый глаз.

— Ты обо мне позаботишься, — чуть слышно прошептала она.

— Конечно. Нам ни к чему все эти игры.

— Питер, это тебе не мелкий профсоюзный функционер, берущий на лапу.

— Я знаю, что это за парень, — огрызнулся Питер.

— Нет, не знаешь, — возразил я. — Это самый натуральный псих, который в шестнадцать лет убил человека. Он не станет плясать под твою дудку только потому, что ты из Голливуда. Он капо одного из самых мощных отрядов семьи Де Лука, и недалек тот день, когда он станет боссом всех остальных капо. Если он захочет закорешиться с людьми из Голливуда, то купит себе студию.

Питер наклонился ко мне, изображая Донни Брустера:

— А я тебе говорю, что смогу его утихомирить. Я пролетел три тысячи миль, чтобы узнать о том, что мафия поимела мою семью, и я

знаю, что нужно делать. Я — Питер Алан Нельсен.

— Мы не твоя семья! — воскликнула Карен.

Лицо Питера покраснело, и он заморгал под толстыми линзами очков.

— Эй, я всего лишь пытаюсь помочь. Всего лишь пытаюсь позаботиться о мальчике. А если ходить вокруг да около, всякое может случиться. Кто-то может пострадать.

— Элвис знает, как решить проблему, — заявила Карен. — А ты только все испортишь.

Питер закатил глаза и принялся театрально размахивать руками.

— Да, конечно, ты права. Я ничего не знаю. — Он посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Карен и покачал головой. «Мистер Скепсис». — Ты, наверное, не понимаешь, как тебе повезло. Четыреста миллионов женщин, и каждая из них просто мечтает стать моей женой. Так что проснись и воспользуйся подарком судьбы.

Лицо Карен побелело, уголки рта запали, и она, задыхаясь, крикнула:

— Ты, наглый сукин сын, убирайся из моего дома!

Питер захлопнул за собой дверь. Снаружи стихли удары мяча, и наступила тишина. Мы довольно долго молчали. Карен подошла к окну и выглянула наружу, потом посмотрела на свои руки.

— Боже мой, меня всю трясет!

Я кивнул, но ничего не ответил.

Карен сжала левую руку правой, опустила руки вниз и вновь выглянула в окно.

— Похоже, придется набраться терпения и позволить ему владеть мною еще какое-то время.

Я не знал, о ком она говорит: о Питере или о Чарли. Но это не имело значения.

— Да, наверное.

— Если так, то я справлюсь, — кивнула она.

— У вас неплохо получается, — заметил я.

— Я просто стараюсь выжить.

— Иногда этого достаточно.

— Нет, — возразила Карен. — Так было. Но больше не будет никогда!

Глава 28

Карен Ллойд принесла нам с Пайком одеяла и подушки. Она собиралась разместить нас в комнате, которую использовала в качестве кабинета. Там стояли диван, письменный стол и было достаточно места на полу, чтобы положить матрас. Пайк сказал, что предпочитает спать на полу.

Мы съездили в мотель, забрали свои вещи и выписались. Официантка, которая всегда мечтала побывать в Калифорнии, как раз была в холле, когда мы расплачивались. Она сказала, что надеется скоро нас увидеть. Я ответил, что очень может быть. Когда мы вернулись, Питер и Дани уже ушли, Тоби сидел у себя в комнате, а Карен легла спать. В двадцать минут восьмого. Да, трудный выдался день.

На следующее утро в девять сорок две Пайк и я проехали мимо бара «Клайд» на 136-й улице. Пайк внимательно оглядел пожарную лестницу, переулок, улицу и прохожих. Лютера и его приятеля нигде не было видно, как и их «пontiака», но никак не меньше шестидесяти тысяч чернокожих обитателей района направлялись на работу, в школу, к доктору или шли по магазинам.

— Здесь мы будем слишком на виду, — заметил Пайк.

— Может, прикинемся черными копами? — предложил я.

Уголок рта Пайка дернулся.

Я чувствовал, что все на нас смотрят. Но мне и раньше доводилось испытывать нечто похожее. Первый раз это случилось в 1976 году, перед тем как я демобилизовался. Я тогда гулял с Клеоном Тайнером в Уоттсе.^[35] Казалось, все на меня пялятся, хотя я понимал, что это не так. Когда я поделился своими переживаниями с Клеоном, тот ответил, что теперь я знаю, каково это — быть черным. Клеон Тайнер умер в Беверли-Хиллз десять лет спустя. Его застрелил Эскимос.^[36]

— Глория Ариб живет на третьем этаже, — сообщил я. — Квартира триста четыре. Вверх по лестнице и направо.

— Когда придет Сантьяго?

— В четыре.

— Выпусти меня.

Я притормозил у тротуара, выпустил Пайка и поехал дальше. Когда я делал уже третий круг, Пайк вышел из переулка и быстро сел в машину.

— Сзади есть запасной выход рядом со старым мусоропроводом, но на третий этаж можно попасть только через холл. Можно подняться по пожарной лестнице со стороны переулка, но человек, который придет сюда по делу, вряд ли станет ею пользоваться. А с крыши соседнего здания не допрыгнуть.

— Значит, каждый, кто входит в квартиру Глории или выходит оттуда, мимо холла не пройдет.

Пайк кивнул и добавил:

— Если мы будем болтаться здесь целый день, нас запомнят все обитатели этой улицы. И женщины тоже.

Я свернул на Пятую авеню и поехал вдоль Центрального парка в сторону Виллидж.

— Мы можем сесть на хвост Чарли. Если Чарли не приедет, то визит Сантьяго нам будет без разницы.

Пайк крикнул и откинулся на сиденье.

— Ладно, давай так и сделаем.

Я остановился возле телефона-автомата, позвонил в справочную и узнал номера телефонов клуба «Фигаро» и мясокомбината «Люцерно». Сначала я позвонил в клуб и поинтересовался, нет ли там Чарли Де Луки. Человек с голосом, скрипевшим как несмазанные ворота, ответил, что нет. Тогда я позвонил на комбинат и сказал:

— Кабинет Чарли, пожалуйста.

Трубку взяла женщина, я сообщил ей, что меня зовут Майк Уолдрон и что отец Чарли Сол велел мне позвонить Чарли и поговорить с ним. Она ответила, что Чарли разговаривает по другому телефону, и предложила подождать, но я отказался и повесил трубку. Вернувшись в машину, я доложил:

— Мясокомбинат. Легче легкого.

Через двадцать восемь минут мы припарковали «таурус» на Гранд-Арми-плаза, за углом от мясокомбината, а затем зашли во фруктовый магазин с небольшим баром, где подавали соки. В баре мы заказали по коктейлю из папайи и уселись у окна, чтобы не пропустить Чарли Де Луку. Элвис и Джо вышли на охоту.

Мимо один за другим проезжали мощные восьмиосные грузовики. Как только грузовики останавливались, вокруг сразу же начинали суетиться грузчики в грязных халатах. В девятнадцать минут одиннадцатого появился Рик Вампир с маленьким белым пакетом в руках и скрылся внутри. Датская выпечка,^[37] конечно. Без девяти минут двенадцать Чарли и Рик покинули фабрику и сели в черный «линкольн». Чарли был в пальто за три тысячи от «Джонсона и Иверса». Мы с Пайком поспешили к «таурусу» и поехали за «линкольном» на северо-запад через Виллидж к маленькому кафе, которое находилось возле книжного магазина «Фаул плей» на площади Абингдон.

Чарли вошел в кафе, Рик остался в машине. В кафе Чарли встретился с тремя мужчинами, тоже в пальто от «Джонсона и Иверса». Чарли занял место у окна. Вся компания жутко веселилась: изучали программу скачек. Бизнес-ланч. Кого ограбим сегодня? Кого прикончим?

Через один час и десять минут Чарли вышел из кафе, залез в машину и поехал в клуб «Фигаро». «Только для членов клуба». На сей раз Рик его сопровождал. Немного поиграли в бильярд, выпили по чашечке кофе, пообщались с другими умниками. Входную дверь так и не отмыли.

Следующие два с половиной часа Чарли с Риком провели в клубе. За это время два старикана прохромали в клуб, один старикан прохромал из клуба. Накачанные молодые люди с крепкими шеями и широкими плечами входили и выходили, но Чарли оставался внутри. Наверное, управление мясокомбинатом оставляет массу свободного времени.

Без десяти четыре Пайк сказал:

— Похоже, пустышка.

В четыре Пайк сказал:

— Мы можем забыть о связях с Сантьяго.

В шесть минут пятого Пайк сказал:

— Ты все еще хочешь проверить этого типа, Сантьяго?

В одиннадцать минут пятого Чарли Де Лука вышел из клуба, сел в черный «линкольн», и Пайк сказал:

— Он один.

Я посмотрел на Пайка и поднял брови, как Граучо Маркс.

Чарли поехал по Бауэри, потом свернул на Четырнадцатую авеню, пересек Восьмую, миновал район театров и порнографических салонов, проехал мимо уличных проституток и парня, который нес плакат с надписью «ТРЕВИС БИКЛ БЫЛ В СВОЕМ ПРАВЕ». Чарли двигался на север. Может быть, на север, в сторону Морнингсайд-Хайтс, Глории Ариб и типа по имени Сантьяго, а может, и нет. Он всегда мог свернуть в сторону Нью-Джерси.

В это время дня на улицах было полно машин и желтых такси, и все они разгонялись и тормозили, сворачивали и останавливались, игнорируя дорожную разметку и правила. Желтые такси с ревом мчались мимо пешеходов, скапливавшихся на перекрестках, проносились всего в нескольких дюймах от других такси и автомобилей, и никто даже не думал сбавлять скорость. Все ехали так, словно они в Бейруте, но нам это было только на руку, так как позволяло сидеть на хвосте у Чарли. В хаосе, наступавшем перед часом пик, мы были лишь случайной частицей.

Пайк проверил, легко ли выходит из кобуры его 0,357.

Довольно долго мы оставались к северу от Восьмой авеню, а потом Чарли свернул с Бродвея на 88-ю улицу и выехал на Амстердам-авеню.^[38] Значит, мы не едем в сторону Морнингсайд-Хайтс и Глории Ариб. Пайк сказал:

— Планы изменились.

— Угу.

Между тем на Амстердам-авеню Чарли Де Лука остановил машину под запрещающим знаком. Прыщавый парень лет тридцати, с крысиной мордочкой, в свитерах, натянутых один поверх другого, и большим белым конвертом в руках подошел к «линкольну» и сел в него. Чарли тут же рванул с места. Мы двинулись за ним. Через два квартала «линкольн» остановился и прыщавый вышел из машины. Он захлопнул за собой дверцу и, не оглядываясь, пошел вперед. Конверта в руках у него больше не было. «Линкольн» снова поехал по Амстердам-авеню.

— Давай разберусь с парнем, — предложил Пайк.

Я вильнул к тротуару, и Пайк, не дожидаясь, пока «таурус» остановится, выскочил наружу. Я вновь нажал на газ и продолжал преследовать Чарли до тех пор, пока мы не оказались на Морнингсайд-Хайтс и в конце концов возле бара «Клайд». Вот такие дела.

Лютер и его приятель стояли возле «понтиака». Лютер не выглядел слишком счастливым. Я четыре раза объехал вокруг квартала, прежде чем нашел место для парковки, а потом подошел поболтать с Лютером. Увидев меня, Лютер мрачно ухмыльнулся и сказал:

— Так и думал, что мы еще свидимся. Крестный отец подрулил пять минут назад. Сейчас он наверху.

— Я знаю. А как насчет Сантьяго?

Лютер задумчиво кивнул. Возможно, вспомнил нож для колки льда.

— Ага, и он тоже. И женщина.

— Как одет Сантьяго?

— Пальто из верблюжьей шерсти. Шляпа с маленьким розовым перышком. И реальные башмаки на каблуках.

— Отлично, Лютер. Благодарю.

Лютер задумчиво кивнул и спросил:

— А ты и вправду коп?

— Лютер, я правая рука Господа, — ответил я.

Лютер еще раз кивнул, на его лице снова появилась мрачная ухмылка.

— Если планируешь покарать грешников, буду рад помочь. — Он распахнул пальто и продемонстрировал маленький короткоствольный пистолет. Лютер действительно не забыл нож для колки льда.

— Пока я только наблюдаю. Кару отложим на потом.

Лютер пожал плечами и запахнул пальто.

— Буду здесь, — сообщил он.

Я вернулся к «таурису». Шесть минут спустя по лестнице спустился Чарли. За ним шел высокий чернокожий мужчина в шляпе с розовым перышком и в пальто из верблюжьей шерсти. Они сели в «линкольн». Проходя мимо «понтиака», высокий чернокожий мужчина что-то сказал Лютеру и рассмеялся. Типа пошутил про нож для колки льда. Лютер засунул правую руку под пальто и проводил высокого чернокожего сонным взглядом. В следующий раз ножа для колки льда может оказаться и недостаточно.

Я поехал за «линкольном» по 135-й улице, потом на восток, ко Второй авеню. Дальше Чарли направился прямо по Второй авеню к мосту Квинсборо.^[39]

Мы проехали по мосту и оказались среди унылых пятиэтажек и баскетбольных площадок. На тротуарах было полно народу. Причем лица в основном черные и коричневые. Однако попадались и латиноамериканцы. И довольно много вывесок на испанском. «Линкольн» притормозил перед маленьким кафе под названием «Ралдо соул китчен». Чарли и его спутник вошли внутрь.

Сделав небольшой круг, я остановил «таурус» у парикмахерской, затем вернулся к кафе и заглянул в окно. Чарли и высокий чернокожий мужчина сидели в кабинке вместе с чернокожим коротышкой и белым парнем. Белый казался типичным работягой, а чернокожий коротышка смахивал на дешевый манекен с крошечными глазками. Чарли протянул Сантьяго полученный на Амстердам-авеню белый конверт, а Сантьяго вручил его человеку-манекену. По старшинству. Я вернулся к «таурусу» и стал ждать.

Через шестнадцать минут Чарли Де Лука и компания покинули кафе. Они подошли к припаркованному поблизости зеленому «ягуару». Человек-манекен с крошечными глазками открыл багажник и вытащил две коричневые бумажные сумки. Одну протянул Чарли, другую — белому работяге. Сумка Чарли была побольше и выглядела поувесистее. Работяга со своей сумкой подошел к коричневой «тойоте», а Чарли со своей вернулся к «линкольну». Чернокожие уселись в «ягуар». Они не стали жать друг другу руки или прощаться, но все выглядели ужасно довольными. И разъехались в разные стороны.

Портрет детектива, попавшего в трудное положение. Остаться с Чарли или последовать за чернокожими парнями в «ягуаре»? Или поехать за белым работягой в «тойоте»? Преследовать чернокожих будет, пожалуй, труднее всего. Если они засекут меня сразу после встречи с Чарли, то обязательно ему об этом скажут и он может испугаться и затаиться. В результате я выбрал белого парня в «тойоте».

Мы поехали на север по скоростной автомагистрали Лонг-Айленда, потом на восток, по 678-й улице, и на юг, через центр Квинса на Ямайка-авеню. Двумя кварталами восточнее выезда с Ямайка-авеню коричневая «тойота» свернула на небольшую парковку, расположенную рядом с современным блочным зданием, на котором красовалась надпись «ПОЛИЦИЯ КВИНСА».

Работяга поставил свою «тойоту» рядом с «фольксвагеном-жуком» и вышел, держа в руках коричневую бумажную сумку. Открыв багажник «тойоты», он бросил туда сумку, вытащил синюю форму полиции Нью-Йорка и серую спортивную сумку. Захлопнув багажник, вместе с формой и серой спортивной сумкой направился в здание полиции.

Я все сидел и сидел в своем «тауресе» рядом с полицейской парковкой, пока на меня не стала коситься парочка патрульных копов. И только тогда я уехал.

Просто удивительно, какие вещи можно узнать, даже если просто сидишь и наблюдаешь.

Глава 29

Я позвонил Ролли Джорджу из телефонной будки возле корейского рынка, назвал ему номера «тойоты» копа и «ягуара» чернокожих парней. Я предупредил Ролли, что один из чернокожих может быть известен под именем Сантьяго, и попросил узнать о нем как можно больше.

— Не нравится мне, что тут замешан полицейский, — проворчал Ролли. — Может быть, он работает под прикрытием.

— Может быть.

— Угу, — отозвался он и надолго замолчал, только пыхтел в трубку, а потом добавил: — Знаешь, Элвис, я ведь не спросил у тебя, на кого ты работаешь.

— Знаю.

После очередной паузы Ролли сказал:

— Ну ладно. Все сделаю и сообщу тебе.

— Спасибо, Ролли.

Он повесил трубку, не попрощавшись.

К тому времени когда я вернулся к Карен Ллойд, солнце уже удобно разместилось в кронах деревьев на западе, а арктические воздушные массы, как и прогнозировалось, переместились к нам из Канады, что привело к понижению температуры и увеличению облачности.

Джо Пайк сидел в одном из кресел с подголовником, кот устроился у него на коленях, Карен Ллойд чем-то гремела на кухне. Я был на машине, но Пайк меня опередил. Жизнь полна неожиданностей.

— Ты быстро управился, — заметил я.

— Я проследил за прыщавым парнем до многоквартирного дома на углу Бродвея и Девяносто шестой улицы. На его почтовом ящике написано «Ричард Сили».

— Ага, Ричи.

— Угу. Я позвонил Ролли сразу после тебя. Он обещал все выяснить.

Из кухни вновь послышался шум. Тяжелые стаканы со стуком ставили на стол.

— Ты давно здесь? — поинтересовался я.

— Да, уже порядочно, — ответил Пайк.

Снова шум. Громко хлопали дверцы. Я посмотрел в сторону кухни, но Пайк даже бровью не повел.

— Все в порядке?

— Нет, — скривился Пайк.

Карен Ллойд вышла из кухни с упаковкой «Жареного цыпленка по-кентуккски» в руках. Губы у нее были плотно сжаты, а движения нервными и стремительными.

— У нас жареный цыпленок на обед. А еще я хочу вам кое-что показать.

Она поставила пакет на стол и направилась через кухню к гаражу.

— Ты свое уже получил? — оглянулся я на Пайка.

В ответ Пайк снова скривился.

Я последовал за Карен через кухню. Карен встала у двери в гараж, скрестив руки на груди. Дверь была распахнута.

— Вы только посмотрите, что сделал сукин сын.

Я решил, что она имеет в виду Чарли Де Луку, но ошибся. Рядом с ее «ЛеБароном» стоял новенький сине-белый снегоход «Ямаха».

— Я его возвращаю. Я ведь предупреждала Питера насчет подарков. Мне казалось, мы обо всем договорились. Но вот что я обнаружила, когда мы с Тоби вернулись домой.

Никаких вопросов про мафию. Никаких тебе «Что вы сумели узнать?». Никаких тебе «Удалось ли вам выяснить, где они берут деньги?». И никаких тебе «Удастся ли нам остаться в живых?».

— Вот гнида, — сказал я.

Карен вспыхнула и продолжила:

— Это неподходящий подарок. Тоби еще слишком мал.

— Ясное дело.

— Это опасно. Как вы не понимаете?

— Снегоход не так опасен, как мотоцикл, и не думаю, что жизненные ценности Тоби изменятся, если он получит хороший подарок от отца, — ответил я.

— Я и не рассчитывала, что вы поймете, — огрызнулась Карен, захлопнув дверь гаража.

Она вернулась на кухню, достала остальные продукты и позвала Тоби к столу. Он вышел из своей комнаты мрачным и молчаливым. Карен спросила, что он будет пить, но Тоби ничего не ответил. Она спросила, будет ли он есть булочки и капустный салат, он сказал «нет». Карен спросила, что он хочет — грудку или бедро, но Тоби ответил, что ему без разницы. Наверное, обиделся из-за снегохода. Пайк сделал себе сэндвич с сыром и начал есть, не обращая ни на кого внимания.

Мы уже доедали цыпленка, когда к дому подъехал белый фургон с надписью «ВКЕЛ-ТВ» и из него вышла высокая худощавая женщина. За ней семенил мерзкий тип с миниатюрной камерой. Увидев из окна незваных гостей, Карен Ллойд только охнула:

— Боже мой!

— Хотите, я с ней поговорю? — спросил я.

Карен покачала головой и решительно направилась к двери.

— Нет, спасибо. Это мой дом и моя проблема.

Звонок прозвенел как раз в тот момент, когда Карен распахнула дверь. Высокая худощавая женщина попыталась войти, но Карен встала у нее на пути. Журналистка широко улыбнулась и протянула руку. Карен не стала ее пожимать.

— Здравствуйте, миссис Ллойд. Дженис Уоткинс, «ВКЕЛ-ТВ». Я освещаю местные новости, и меня просто потрясло, когда я узнала, что знаменитый режиссер Питер Алан Нельсен — ваш муж.

Похоже, Дженис Уоткинс несколько не задело, что Карен отказалась пожать ей руку. Привыкла, наверное.

— Вы ошибаетесь, — ответила Карен. — Я не замужем.

Улыбка журналистки оставалась такой же широкой.

— Ну, значит, бывший муж. Я знаю, как это бывает. У меня их два, — ухмыльнулась она.

Контакт устанавливает.

— Сожалею, миссис Уоткинс. Не понимаю, о чем вы говорите.

Улыбка слегка увяла.

— Питер Алан Нельсен с сопровождающими остановился в «Говарде Джонсоне».

Тоби вытянул шею, стараясь разглядеть, что происходит. Пайк отодвинул в сторону контейнер с цыпленком, чтобы не мешал.

Худощавая женщина продолжила:

— Вас видели вместе. И с вашим сыном. Все говорят, что Тоби Ллойд — сын мистера Нельсена, что мистер Нельсен проделал путешествие из Лос-Анджелеса, чтобы его повидать.

«Проделал путешествие». Явно рассчитывает на зрительские симпатии.

— Я никогда не была замужем за Питером Аланом Нельсеном, и я не понимаю, о чем вы говорите.

Улыбка стала медленно сползать с лица Дженис Уоткинс.

— Вы не были?

— Нет.

— А Питер Алан Нельсен — отец ребенка?

— Нет.

Дженис Уоткинс заморгала и попыталась заглянуть внутрь через плечо Карен. Похоже, рассчитывала увидеть там Питера Алана Нельсена. Я помахал ей рукой.

— Мы обедаем. И вы нам мешаете, — отрезала Карен.

— Миссис Ллойд, я получила эту информацию из очень надежного источника, — сощурила глаза Дженис Уоткинс.

Карен Ллойд наклонилась к журналистке:

— Миссис Уоткинс, засуньте себе в рот знаете что?! — И захлопнула дверь.

Когда Карен вернулась к столу, Тоби сидел, уставившись в свою тарелку. Его лицо покраснело, у Карен, наоборот, побледнело и заострилось. Она попыталась подцепить кусочек цыпленка, но ее рука дрогнула, и ей пришлось положить цыпленка обратно.

— Почему ты сказала, что он не мой отец? — спросил Тоби.

Карен со второй попытки удалось взять кусочек цыпленка. Она поднесла его ко рту и ничего не ответила. Тогда Тоби молча встал, взял свою тарелку, отнес на кухню, а потом скрылся в своей комнате.

Карен Ллойд положила назад кусочек цыпленка.

— Вот дерьмо! — сказала она.

В семь пятьдесят снова прозвенел звонок, а когда Карен открыла дверь, в дом вошел Питер Алан Нельсен. Один.

— Я все обдумал и нашел способ сделать так, чтобы всем было хорошо, — прямо с порога заявил он.

Тоби, увидев подъехавший лимузин, быстренько спустился вниз. Карен застыла, словно ей прыснули в глаза из баллончика.

— Он не может оставить себе эту штуку, — сказала она, словно ничего умнее придумать не смогла.

Питер собрался было ей ответить, но сдержался. Похоже, хотел договориться.

— Я ведь не идиот. Я прекрасно понимаю, что появился не в самое удачное время. Ты стараешься решить проблемы с Де Лукой, а тут еще я, и о Тоби нужно думать. Разреши мне облегчить груз твоих проблем. А что, если я возьму с собой Тоби в Лос-Анджелес, а эти ребята пока здесь все разрулят?

— Да! — воскликнул Тоби.

Питер перевел взгляд с Карен на меня, потом вновь повернулся к Карен и развел руками:

— Тоби будет в безопасности, я больше не буду к тебе приставать, и ты спокойно уладишь свои проблемы. А когда все закончится, позвонишь мне, мы с Тоби вернемся и уж тогда решим, что нам делать дальше.

Тоби слушал, раскрыв рот.

— Класс! А я смогу увидеть Сильвестра Сталлоне?

— Конечно, — ответил Питер.

— Нет, — отрезала Карен.

— Нет, он не может встретиться с Сильвестром Сталлоне, или нет, он не может поехать в Лос-Анджелес? — нахмурился Питер.

Карен подошла к креслу с подголовником и села, положив руки на колени.

— Ему нужно ходить в школу. И заниматься баскетболом.

— Это многое упростило бы, — заметил я.

— Господи боже мой, Карен! Ничего с ним не случится, если и пропустит пару дней в школе.

— Я могу попросить мисс Гарретт дать мне задание. Обещаю, что не отстану.

— Нет.

— Что значит «нет»? — поинтересовался Питер.

— Это будет катастрофой. Кто знает, сколько времени все это займет?!

— А по-моему, неплохая идея, — сказал я.

Карен бросила на меня сердитый взгляд:

— Вас не спросили!

Питер закатил глаза.

— Эй! Похоже, меня здесь за дерьмо держат! — повысил он голос.

— Придержи язык в присутствии ребенка!

Теперь уже оба кричали.

Питер широко развел руками, совсем как тогда, когда в первый раз я увидел его. Именно так он себя вел, когда делал последнее предупреждение двум администраторам, пытавшимся навязать ему парня с телевидения.

— Послушай, Карен, мафиози был здесь, рядом с нашим сыном. Ты что, забыла?

Карен вскочила на ноги и решительно указала на Тоби:

— Тоби, сейчас же отправляйся в свою комнату.

— Разрешите мне забрать ребенка в Лос-Анджелес, — не унимался Питер. — Там он будет в безопасности. Ты что, думаешь, я его не верну?

Пайк засунул пальцы в уши.

— Питер, может быть, сейчас не время об этом говорить? — вмешался я.

— Я — Питер Алан Нельсен, и я устал от дурацких разговоров, — повернулся ко мне Питер, а потом снова обратился к Карен: — Если ты проявишь благоразумие, я все устрою. Тебе ни о чем не придется беспокоиться. Сможешь делать все, что пожелаешь. Даже актрисой стать. Я — Питер Алан Нельсен, и я могу сделать из тебя звезду.

Словно ей все еще было и всегда будет девятнадцать.

Карен Ллойд положила руки на бедра и рассмеялась:

— Ты самодовольная задница.

Тоби вдруг заплакал и сквозь слезы закричал:

— Ну почему ты не хочешь отпустить меня с ним? Ну почему ты такая? Ты хочешь, чтобы он уехал, и я тебя ненавижу! — И с этими словами мальчик убежал в свою комнату и громко захлопнул за собой дверь.

Пайк все еще сидел, заткнув уши.

Питер выглядел смущенным и разочарованным, точно пытался объяснить, что два плюс один будет три, а Карен не врубалась. Но тут разочарование уступило место подозрению, что она знает правильный ответ, но прикидывается дурачком, так как происходит нечто, чего он

не знает. Питер посмотрел на меня, потом — на Карен и снова на меня. Наконец он кивнул и на его губах появилась улыбка типа да-теперь-я-все-понял.

— Ты трахаешься с этим парнем, — заявил он.

Карен Ллойд размахнулась и вlepила ему оплеуху. Удар был нанесен так стремительно, что застал Питера врасплох. Он пошатнулся и сделал шаг назад. Я сразу же вклинился между ними, взял Питера за запястья и потеснил еще на шаг.

— Ты кусок дерьма! — закричала Карен. — Вонючий кусок дерьма! Зачем ты вернулся? Почему не можешь оставить нас в покое?!

Питер вырвался и попытался ударить меня. Казалось, его рука опускается с небес. Я шагнул в сторону, затем вновь оказался рядом с ним, прижал к двери и посоветовал расслабиться. Он попытался меня укутить, а потом долбануть головой, и я двинул ему в живот. Он глухо застонал, опустился на четвереньки, и его вырвало на красивый пол из беленого дуба. Я вовсе не собирался его бить и был рад, что мальчик этого не видел.

Питер продолжал стоять на четвереньках, свесив голову.

— Мне плохо, — простонал он.

— Дышите глубже, — посоветовал Пайк.

Карен застыла, крепко вцепившись в каминную полку. Пайк сходил на кухню и принес бумажные полотенца.

Питер сделал несколько глубоких вдохов, потом с трудом поднялся на ноги и погрозил мне пальцем:

— Ты уволен, черт тебя побери! Тебя навсегда вычеркнут из гребаной платежной ведомости. А я уж позабочусь о том, чтобы ты получил волчий билет.

— Фу, как банально, Питер! Я ожидал чего-то более оригинального от Короля Приключений.

Питер рыгнул и выскочил из дома. Через минуту послышался шум отъезжающего лимузина. Пайк поднял руку:

— Я позабочусь о том, чтобы он добрался целым и невредимым.

Получив от меня ключи от машины, Пайк уехал.

Мы с Карен Ллойд с минуту стояли в полной тишине.

— Питер выдвинул хорошую идею, — сказал я.

Она молча покачала головой.

— Будет разумно убрать Тоби со сцены, — продолжил я. — И Питера тоже. У вас будет больше возможностей для маневра.

— Если бы он действительно хотел помочь, то мог бы просто уехать. Ему не нужен Тоби. Обычная трепотня Питера Алана Нельсена. Питер всегда хотел, чтобы все было так, как его левая нога пожелает.

— Карен, подумайте хорошенько. Они угрожают вашей жизни. Они фактически похитили вашего сына. Ваше желание избавиться от Питера может слишком дорого вам обойтись. Неужели вы сами этого не понимаете?

Она вздохнула, скрестила руки на груди, присела на выступ камина и наклонилась вперед, коснувшись локтями колен. Она бросила на меня быстрый взгляд, потом опустила глаза и сжала ладонями виски, словно боялась, что у нее сейчас лопнет голова.

— Я не сумасшедшая. Не сумасшедшая. Не сумасшедшая.

— Конечно. Вы просто напуганы, но пугает вас вовсе не Чарли Де Лука, хотя бояться нужно именно Чарли.

Она покачала головой и закрыла глаза:

— Я слишком устала, чтобы спорить.

— Это ваш дом. Вы приобрели диван и стол, а также дрова для камина. Вы получили кредит на машину. Вы покупаете одежду для Тоби и обеспечили хорошую жизнь для своей семьи.

Она снова молча покачала головой.

— Но появился Питер, и вы боитесь, что прежней жизни уже не будет. Вы станете женщиной, которая была женой Питера Алана Нельсена, а Тоби станет сыном Питера.

Она перестала качать головой.

— Вы боитесь потерять себя.

Две слезинки появились в уголках ее глаз и сбежали по щекам.

— Ты сукин сын.

Возможно, она обращалась ко мне... или к кому-то другому.

— Не думайте о Питере. Думайте о Чарли. Именно Чарли должен беспокоить вас в первую очередь. Чарли может причинить вам с Тоби гораздо больше вреда, чем Питер.

Она стерла ладонью слезы, но глаз не открыла.

— Думаете, я глупая?

— Нет.

— Это звучит так глупо, когда человек боится себя потерять. Это проявление слабости и глупости, но я не хочу походить на этих чокнутых феминисток, о которых пишет «Космополитен». Я не хочу быть слабой. И не хочу быть глупой.

Я пожал плечами:

— Гордость не имеет гендерных различий. Она свойственна всем людям.

— Я вице-президент банка. У меня есть лицензия для работы с недвижимостью, я сертифицированный финансовый аналитик. Я дважды была президентом АРУ и вице-президентом местного отделения Ротари клуба. — Слезы потекли быстрее.

— Угу.

— Я дипломированный специалист. Я мать Тоби Ллойда. И не хочу это терять.

— Нет, ни в коем случае.

— Не хочу терять свое «я».

— Я вам этого не позволю.

Карен открыла глаза и посмотрела на меня.

— Спасение чужого «я» — мое самое сильное место, — заверил ее я.

Она снова вытерла слезы и закрыла лицо руками. Похоже, мне не удалось ее убедить.

Я вытер бумажными полотенцами пол, кинул их в пластиковый мешок для мусора и вынес к мусорному баку возле гаража. Мне показалось, что с наступлением сумерек похолодало градусов на двадцать. Северный ветер заставлял ветви деревьев трепетать, мертвые листья неясными тенями метались по лужайке. Где-то далеко на востоке прогремел гром, зимняя буря перемещалась куда-то в сторону. Когда я вернулся в дом, Карен Ллойд уже пошла спать.

Я выключил почти весь свет в доме и прошел по коридору в комнату, которую занимали мы с Пайком. Спальня Карен Ллойд находилась в противоположном конце коридора, комната Тоби — напротив. Обе двери были закрыты, но я слышал, как каждый из них плачет в своей комнате. Мне ужасно хотелось постучать и сказать несколько слов утешения, но я ушел в свою комнату и закрыл дверь.

Ты делаешь все, что можешь, но ты не можешь сделать все.

Глава 30

Когда я проснулся на следующее утро, небо затянули тучи, а воздух был холодным, как лезвие охотничьего ножа. В любой момент мог пойти снег. Казалось, ты ощущаешь его физическое присутствие, чувствуешь, какой он тяжелый и влажный.

Тоби выглядел мрачным, а Карен — несчастной, и все больше молчали, готовясь к новому дню. Карен рано уехала в офис, я отвез Тоби в школу. Пайк остался дома дожидаться звонка Роланда Джорджа. По дороге в школу мы с Тоби не разговаривали, но, высаживая мальчика, я пожелал ему удачного дня. Он не ответил. Казалось, дурное настроение и ночные кошмары продолжали преследовать его и днем.

В девять сорок две позвонил Роланд Джордж. Я взял трубку в гостиной. Пайк воспользовался телефоном на кухне. Роланд Джордж сказал:

— «Ягуар», который вы видели, зарегистрирован на имя Уретро Мубаты, выходца с Ямайки. Приехал в США в тысяча девятьсот восемьдесят первом году. Четырнадцать приводов, две отсидки, нападение, вооруженное ограбление и все в таком же духе. Сейчас он в наркобизнесе.

— Да, послем доброй воли его трудно назвать.

— Угу. Он провел восемь месяцев в Райкерсе за хранение наркотиков с целью продажи и еще четырнадцать в Синг-Синге за попытку убийства. В Синг-Синге он попал в одну камеру с Хесусом Сантьяго, еще одним выходцем с Ямайки. Сантьяго свое отсидел, а Мубата получил условно-досрочное.

— Сантьяго занимался сутенерством?

— Точно. Интересно, где этот Мубата взял сорок тысяч на новый «ягуар», если работает помощником официанта в «Артуро тапас стэнд» в Джексон-Хайтсе.

— А что известно про Сили и полицейского? — спросил Пайк.

— Сили — нарк, проходит специальную реабилитационную программу в госпитале Сент-Винсент. Он мелкая сошка. Привлекался за всякую ерунду типа попытки угона и воровства — по мелочевке.

— Он в команде Де Луки?

— В досье его нет, но такое вполне возможно. Отвратный тип. Не раз проходил как соучастник разных преступлений. Впрочем, трудно сказать наверняка. В принципе, у Чарли Де Луки не может быть никаких дел с такими законченными нарками.

— Но и с офицером полиции у него тоже не может быть никаких дел, — заметил Пайк.

— Да уж. — В голосе Роланда появились металлические нотки. — Офицер, о котором идет речь, работает в системе безопасности аэропорта Кеннеди и не является агентом под прикрытием.

— Все понял, — сказал я и повесил трубку.

Тут в гостиную вошел Джо Пайк.

— Я так себе думаю, они готовят налет или угон. Что-то должно прибыть в аэропорт, — произнес он.

— Похоже на то, но почему Чарли тихарится? Он получает наводку, что в аэропорт Кеннеди прибывает выгодный груз. Использует ямайских гангстеров, чтобы все провернуть. Потом каждый получает свою долю. Всего и делов-то! Почему тогда скрывает это от Сола?

— Денег жалко, — предположил Пайк.

Я немного подумал и покачал головой:

— Чарли не выходит за рамки. Он проявляет инициативу, зарабатывает пару лишних баксов. Неужто папочка рассердится?

— И еще нарк, — задумчиво произнес Пайк.

Я кивнул. Наркоман никак не вписывался в схему. Хочешь сохранить свои планы в тайне — не связывайся с нарками.

— Может, у Чарли нет выбора. Может, ему не обойтись без этого нарка.

— Интересно, что же такое нельзя сделать без нарка, — проворчал Пайк.

— Еще как интересно. Может, стоит спросить у самого нарка.

— А если он будет молчать?

— Он заговорит. Всем известно, что у нарков вода в заднице не удержится. Они себя не уважают.

Мы надели куртки и взяли пистолеты. Не прошло и часа, как мы уже были на Манхэттене.

Мы припарковались у выхода из метро возле 92-й улицы и Центрального парка и прошли два квартала до восьмиэтажного здания из серого камня с разрисованными окнами, множеством магазинчиков на первом этаже и с пожарной лестницей.

— Третий этаж с задней стороны. Три-эф, — сказал Пайк.

Мы вошли в холл между двумя магазинчиками, в одном из которых продавали одежду с реальными скидками, в другом торговали пончиками. Черно-белый линолеум на полу в холле был настелен еще в 1952 году. Вероятно, тогда его в последний раз натерали воском, а на дверце лифта кто-то наклеил написанное от руки предупреждение: «НЕ РАБОТАЕТ». А еще кто-то помочился прямо на пол. Если вы смотрите сериалы «Полиция Майами» или «Умник», то у вас может сложиться впечатление, что преступники живут только в роскошных апартаментах и ездят исключительно на «феррари». Вот и верь после этого средствам массовой информации!

Мы поднялись на третий этаж и прошли по грязному коридору мимо горы старых газет. Пайк шел первым. Гору газет венчала пластиковая упаковка от супа быстрого приготовления. Квартира 3Ф оказалась третьей по левой стороне коридора. Пайк подошел к двери, постоял перед ней, склонив голову набок, а потом покачал головой:

— Его нет дома.

— А ты откуда знаешь?

— Постучи — и сам увидишь, — пожал он плечами.

Я постучал, потом постучал снова. Тишина.

Пайк только руками развел.

— Почему бы нам не проверить? — предложил я.

Пайк покачал головой и наградил меня скучающим взглядом.

На двери был всего лишь один, причем самый дешевый, замок. Мы вошли в маленькую квартирку, которая была под стать всему дому. В кухне валялись разорванные упаковки от обедов быстрого приготовления и картофельных чипсов, вдоль стен громоздились стопки «Нью-Йорк пост» и «Нэшнл инкуайер». Полные окурков бумажные стаканчики валялись на полу рядом с ветхим диваном. В квартире стоял кислый запах немытого тела и мокрых спичек. Чудненько! И никакого тебе Ричарда Фрэнсиса Сили. Может, Пайк способен видеть сквозь стены.

Мы вернулись к почтовым ящикам в холле. Большинство из них было взломано — наркоманы искали чеки, — и большинство было пустыми. На верхнем почтовом ящике было написано: «Сол Коэн, 2А, менеджер».

Мы поднялись на второй этаж и нашли квартиру 2А. Я трижды громко постучал в дверь. Послышался скрежет отодвигаемых засовов, Сол Коэн приоткрыл дверь и высунул голову из-за множества цепочек. Он был маленьким и смуглым. В правой руке сжимал шипящий утюг.

— Какого хрена вы так громко стучите?

Нью-Йорк, Нью-Йорк. Столица мира.

— Ричард Сили из квартиры три-эф — наш приятель. Должен был нас ждать, но дома его нет.

— И что с того? — «Мистер Услужливость».

— Мы продюсеры с киностудии. Собираемся снимать фильм с Ричардом Сили в главной роли. Так вот, мы подумали, что вы можете знать, как нам его найти.

Сол Коэн заморгал, помолчал немного, а потом поморгал на Джо Пайка.

— Да?

— Да.

— Не гони туфту! Я копов за версту чую, — ухмыльнулся Сол.

Пайк отошел немного в сторону. Я, в свою очередь, подошел поближе к двери, понизил голос и попытался напустить на себя хитрый вид. Я в жизни не видел копа, у которого был бы хитрый вид, но выбирать не приходилось.

— Ладно, мы полицейские. Нам необходима ваша помощь, чтобы установить местопребывание Ричарда Сили. Хотим обезглавить преступную группировку.

— Если найдете его, верните квартирную плату за восемь месяцев, которую этот маленький засранец мне задолжал.

— Как думаете, где он может сейчас ошиваться?

— Без понятия.

— А вам известно, где он работает?

— Чтобы этот ленивый сукин сын работал?! Если бы он работал, не задолжал бы за восемь месяцев за квартиру. Ни один из этих ленивых сволочей не работает.

— Знаете, где он проводит время?

— Загляните в «Диллард». Он там все время толчется, играет на бильярде, ищет, где дозу купить, или шарится с полоумными подонками Гамбоза.

— Подонки Гамбоза? — заинтересовался подошедший поближе Пайк.

Сол кивнул и, прищурившись, посмотрел на нас:

— Ага.

— Из семьи Гамбоза?

— Ага. — Он продолжал щуриться.

— Ричард Сили водится с семьей Де Лука, — сказал я.

Сол засмеялся хриплым смехом, перешедшим в кашель.

— Вы что, с луны свалились? Я работаю в этом доме тридцать пять лет. Гребаные подонки Гамбоза выросли на улице Вилмонт вместе с Ричардом Сили. Швыряли камни в черномазых и тырили у них деньги. Эта мелкая сволота Ричи Сили, Ник и Томми Гамбоза, а еще тронутый Винсент Рикки. Господи ты боже мой, Де Лука! — И вновь послышался смех-кашель. — Ричи — друган парней Гамбоза. Иначе стал бы я терпеть этого наркомана восемь месяцев?! Если я его вышвырну вон, эти подонки вырежут мне сердце и зажарят на сковородке.

— Но тогда какие у него завязки с Де Лукой? — поинтересовался я.

Сол снова посмотрел на меня так, точно я сбежал из дурдома.

— А нет никаких завязок. Никто тут не завязан с гребаными Де Лука. Верхний Уэст-Сайд под контролем семьи Гамбоза. Де Лука контролируют Нижний Манхэттен. Разве это место похоже на Нижний Манхэттен?

Теперь до меня дошло.

— Сукин сын!

— Стоит ли тогда удивляться, что с такими хреновыми копами этот город превращается в отхожее место, — сказал Сол Коэн и захлопнул дверь.

Мы с Джо Пайком спустились вниз, вышли на улицу и огляделись. Оказывается, мы находились на территории Гамбоза. Кругом одни Гамбоза — и ни одного Де Луки.

— Ну и ну, — ухмыльнулся я. — Теперь понимаю, почему Чарли так тихарится.

Пайк молча кивнул.

— Де Лука и Гамбоза ненавидят друг друга, но заключили соглашение. Объединились против иностранных банд.

Уголок рта Пайка дернулся.

— Что-то не похоже.

— Не похоже.

Уголок рта Пайка дернулся снова. Для него это уже почти истерика.

— Думаешь, они замутили в аэропорту Кеннеди нечто такое, что очень многим сильно не понравится?

— Есть кое-какие предположения.

— Давай заглянем в «Диллард» и проверим, насколько они верны, — снова кивнул Пайк.

Глава 31

Чтобы попасть в «Диллард», нужно подняться по длинной деревянной лестнице. На лестнице было темно, а последние ступеньки совсем стерлись. Перед лестницей красовалась надпись «ПУЛ И БИЛЛИАРД. ДАМАМ ВСЕГДА РАДЫ». Рядом было написано: «ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ. ЛИЦАМ ДО 21 ГОДА ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Мы поднялись по лестнице и вошли в большой зал с высоким потолком и двадцатью столами. Щербатый пол был вполне под стать лестнице. Дюжина парней в черных кожаных куртках поверх белых футболок играли в пул, курили и пили из красных банок кока-колу, словно на дворе все еще 1957 год. Вот только у большинства из них были длинные спутанные волосы или рваные стрижки. Вдоль стен выстроились кии для пула, образуя нечто вроде тюремной решетки. Лампы дневного света придавали лицам мертвенный оттенок. Одна из ламп моргала. Кряжистый лысый мужчина лет шестидесяти сидел за стойкой бара, где можно было купить пиво и прохладительные напитки, и читал «Спортинг таймс». Я что-то не заметил дам, и никто, не считая человека за стойкой, не выглядел старше шестнадцати лет. Ричи Сили я тоже не заметил.

— Я проверю сзади, — бросил Пайк.

Он пересек зал и направился в небольшую нишу, где горели надписи «ГУАЛЕТ» и «ВЫХОД». Я подошел к бармену. Он взглянул на меня поверх газеты и заерзал на стуле. Похоже, занервничал.

— Мы ищем Ричарда Сили. Он здесь?

Бармен оглянулся на Пайка, а потом повернулся ко мне. Газету он складывать не стал.

— Вы, парни, из полиции?

Сначала Сол Коэн, теперь этот. Наверное, стоит отрастить волосы.

— Ричард Сили, — повторил я.

Он еще больше занервничал.

— Послушайте, у меня все законно! Я зарабатываю свой доллар, соблюдаю условно-досрочное, живу по закону и не знаю, чем там занимается Ричи и где он себе ходит.

Время от времени бармен косился в сторону играющих в пул парней и переходил на шепот, чтобы те, не дай бог, его не услышали. Вероятно, его считали здесь крутым, и он не хотел потерять репутацию.

Я наградил его суровым взглядом настоящего копа, совсем как у Роберта Стака в старой версии «Неприкасаемых».

— Нам всего-навсего нужен Сили.

В задней части зала толстый парнишка в очках громко рассмеялся, а потом открылась серая металлическая дверь мужского туалета и оттуда вышел Ричард Сили. Он был все в тех же двух свитерах и перчатках без пальцев. Ричард Сили улыбался. Тридцатипятилетний мужчина водится с мальчишками.

— Только без стрельбы, — пробормотал бармен.

Я посмотрел на него, но ничего не сказал.

«Да, жизнь как праздник».

Пайк уже возвращался обратно, когда Ричи подошел к зеленому столу, где двое парней играли в американский бильярд. Ричи взял со стола пачку «Мальборо», вытащил сигарету, закурил, а потом наклонился, чтобы выбрать подходящий шар для удара. Кто-то повесил на стену плакат с Хизер Томас^[40] в бикини. Хизер смотрелась что надо.

Пайк прошел мимо стоек с киями и оказался у Ричи за спиной. Когда Джо был в десяти футах от Хизер Томас, я подошел к Ричи с другой стороны.

— Привет, Ричи!

Тот выпустил облако дыма и посмотрел на меня:

— Я тебя знаю?

— Конечно.

Ричи прищурился и почесал левую подмышку. Выглядел он сонным.

— А где мы встречались? В «Джино»?

— Давай немного пройдемся, — предложил я. — Есть разговор.

Между тем Джо Пайк подошел к Ричи вплотную и застыл у него за спиной. Парни перестали катать шары и уставились на нас.

Ричи перевел взгляд с Пайка на меня:

— Что за хрень! Я вас не знаю.

— Давай выйдем. — Я положил руку ему на плечо. — У нас нашлись общие друзья.

— Эй, я партию еще не закончил. — Его глаза перебежали с меня на Пайка и обратно.

Я подошел к нему совсем близко, так что парень оказался в тисках, и спокойно сказал:

— Ричи, нас послал Томми Гамбоза.

— Томми хочет меня видеть? — удивился он.

Ричи даже слегка возбуждился, словно Томми прислал нас передать ему какой-то тайный приказ. Например, поехать куда-то, чтобы дать кровавую клятву и вступить в коза ностра.

— Да. — Я взял его под руку и потянул к лестнице.

Пайк посмотрел на мальчишек и сказал, что партия закончена.

— Эй, — начал Ричи, — если Томми хочет меня видеть, почему сам не пришел? Почему не прислал Фрэнки или Тони? Я вас, парни, не знаю.

— Нас вызвали, Ричи. Из Вегаса. — Когда произносишь «Вегас», все понимают, что дело дрянь.

Он сразу же дал задний ход. Видите, как действует простое слово «Вегас»?

— Эй!

Я наклонился и прошептал ему в самое ухо:

— Гамбоза знают, что ты сдал их Чарли Де Луке.

У Ричи Сили подкосились ноги, и он начал медленно оседать на пол. Если бы я не держал его под руку, он растекся бы по лестнице, как яйцо всмятку.

— Господи, — пробормотал он. — Господи!

Мы помогли ему спуститься, зашли за угол и оказались в узком переулке, пропахшем плесенью и аммиаком. Здесь мы прислонили Ричи к стене возле большого мусорного бака. Я взял его за ворот, а Пайк быстро обыскал. Он нашел заточку и две десятидолларовые упаковки с белым порошком. Пайк высыпал на землю их содержимое.

— Ричи, разве ты не знаешь, что тебе это вредно? — сказал я.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Мне ничего не известно о Чарли Де Луке. Господом Богом клянусь и жизнью матери.

«Ох уж эти наркоманы!»

— Ричи, Гамбоза знают. Винсент Рикки видел все собственными глазами. Ты что, считаешь Рикки лжецом?

— Да никогда. Но вы понимаете, может, он ошибся...

Я дернул его за ворот.

— Кончай эту бодягу! — «Элвис Коул, Профессиональный Бандит».

Ричард Сили заплакал.

— Гамбоза прознали о том, что затевается какое-то дело, но не знают какое. Тебе известно, как они ненавидят эту гниду Чарли Де Луку. Ты знаешь, что думает Томми.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что думает Томми, но если между Де Луки и Гамбоза легла кровь, как утверждал Роланд Джордж, чувства Томми должны быть не самыми добрыми.

— Да, да, я знаю.

— Хорошо. Они сказали нам, чтобы мы дали тебе шанс. Если будешь откровенным, то они сохранят тебе жизнь. Но только в том случае, если будешь откровенным и все нам расскажешь. — Я посмотрел на Пайка. — Они ведь так сказали?

Пайк кивнул. Я перевел взгляд на Ричи:

— Ты слышал?

Ричи рыдал. По его подбородку стекала струйка слюны.

— Я ничего не могу сказать, ничего.

Я дал ему пощечину.

— Ты оставил этих парней в дураках, идиот! Рикки, Томми, братья Гамбоза выросли вместе с тобой. Они любили тебя, как члена своей семьи, а ты их напарил, да еще с помощью Чарли Де Луки. Можешь себе представить, что сейчас чувствуют Томми и Никки?

«Элвис Брандо. В шаге от Великого белого пути».^[41]

Ричи Сили кивал и одновременно тряс головой, а его глаза стали похожи на сушеные абрикосы.

— Господи Иисусе, речь идет о Безумном Чарли Де Луке. Чарли Тунце. Чарли меня убьет. Он вырежет мне глаза. Господи, да неужели нельзя искупить вину перед Томми как-то по-другому?

Я встряхнул его и произнес:

— Придурок. Ты боишься Безумного Чарли. Как думаешь, зачем Гамбоза послали за нами? — И я снова посмотрел на Пайка.

Пайк вытащил из-за спины здоровенный охотничий нож с таким блестящим лезвием, что, глядя в него, можно было бриться.

Ричи Сили попытался отскочить, но путь к отступлению заблокировал мусорный бак.

— Ладно, — пробормотал он. — Ладно. Как скажете.

— Что вы с Чарли задумали?

— Я рассказал ему, когда через аэропорт Кеннеди проходят партии наркотиков.

— Наркотики Гамбоза, — «Вот оно что».

— Ну да.

— А при чем здесь парни с Ямайки? И коп из Квинса?

— Господи Иисусе, Томми все знает!

Пайк вздохнул и отвернулся.

— Чарли сливает информацию парням с Ямайки. Они перехватят наркотики и продадут их, а Чарли получит свою долю.

— За этим стоит семья Де Лука или только Чарли? Если семья, то война неизбежна, — «Война. Марио Пьюзо отдыхает».

— Не знаю, но, похоже, только Чарли. На меня вышел сам Чарли. Он явился ко мне и сказал, что возьмет меня в долю и я получу столько дури, сколько захочу. Это была идея Чарли. Вы должны сказать Томми.

— Конечно.

— Я больше ни с кем не встречался.

— Выходит, Чарли нарушает соглашение, которое семья Де Лука заключила с семьей Гамбоза. Он вместе с парнями с Ямайки хочет обокрасть другую семью, а Сол ничего не знает.

— Да. Сол ничего не знает. Господи Иисусе, Сола кондрашка хватит. Томми должен об этом узнать. Сол — старый козел.

Мы с Пайком переглянулись.

— Что будем с ним делать? — спросил Пайк.

— Эй, я же был откровенным. Томми же сказал, чтобы вы меня отпустили, если я буду откровенным.

— Он скажет Чарли, что мы знаем, — и тогда все, конец, — засомневался Пайк.

— Послушайте, я ничего не скажу Чарли. Богом клянусь! — Ричи снова заплакал.

Я посмотрел в плоские очки Пайка и увидел там свое маленькое отражение. Пайк ждал. Я повернулся к Ричи и снова потянул его за

ворот.

— Вот что ты сейчас сделаешь. Выйдешь из переулка и сразу отправишься на автобусный вокзал, где сядешь в автобус на Майами. Ты ничего не скажешь Чарли Де Луке и парням с Ямайки. Ты будешь молчать. Все понял?

— Да.

— А если ты развяжешь язык, Томми Гамбоза поклялся отыскать тебя хоть на краю света. А потом мы тебя прикончим. Ты все понял?

— Да.

— А теперь проваливай отсюда.

Он выбежал из переулка, задев мусорный бак, свернул за угол и исчез из виду.

— Отыскать на краю света? — переспросил Пайк.

— Что, слишком драматично?

Пайк нахмурился.

Критиковать других все горазды.

Глава 32

— Он намерен обокрасть других преступников? — удивилась Карен Ллойд.

— Да, — ответил я.

— Но разве с этим можно обратиться в полицию? — Она стояла, скрестив руки на груди и опираясь на край письменного стола.

Мы с Пайком устроились на стульях. Казалось, в Челама еще холоднее, чем в Нью-Йорке. Может быть, все объяснялось тем, что наступил вечер и влажным тучам, которые пригнал холодный ветер из Канады, было гораздо удобнее над лесом, полями и небольшими чистыми домиками.

— Мы не пойдем в полицию. Мы встретимся с Чарли. Он не просто ворует деньги и прячет от отца, других капо и от своей семьи. Он собирается украсть у другой семьи, нарушив договор между Де Лука и Гамбоза.

Я рассказал ей все, что узнал от Роланда Джорджа о том, как семьи разделили территорию и виды деятельности. И еще, что всем это не слишком нравится. Но каждая семья старалась соблюдать договоренности. До настоящего времени.

Карен кивнула. Такие объяснения были ей, как банкиру, понятны: Ай-би-эм и «Ксерокс» заключили рыночное соглашение.

— Ясно, он нарушил договоренности.

— Да. Вот только ему нужно соблюдать гораздо большую осторожность, чем Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям. Если Гамбоза узнают, что Чарли Де Лука и ямайские гангстеры собираются увести у них огромную сумму, они прикончат Чарли и, скорее всего, попытаются убить Сола.

У Карен округлились глаза.

— А Сол знает?

— Скорее всего, нет. Но это неважно. Если он не знает, то так даже лучше, поскольку нам придется иметь дело только с Чарли. Если Сол в курсе, значит, нам предстоит разбираться и с ним. Немного сложнее, но результат будет тот же.

Карен облизала губы. Я видел, что она пытается осмыслить ситуацию, рассматривает все варианты, но не может принять решение, пока не будут расставлены все точки над «і». Вздохнув, она покачала головой:

— Но мы ведь все равно знаем. Так будет думать Чарли. И он поймет, что единственный способ обезопасить себя — убить нас.

— Да, он подумает о такой возможности, но мы не дадим ему ни единого шанса. Мы привлечем Ролли Джорджа. Мы позаботимся о том, чтобы другим стало известно то же, что и нам, и мы донесем это до сведения Чарли. Если он убьет нас, ему конец. Вам понятно?

Она снова облизала губы и задумчиво кивнула. Я видел, что Карен продолжает обдумывать мои слова.

— Мы встретимся с Чарли и скажем, что, если он меня не отпустит, мы все расскажем Гамбоза, — наконец сказала она. — Да.

— И мы объясним ему, что люди, которым мы доверяем, будут в курсе наших дел. Если с нами что-нибудь случится, они все расскажут Гамбоза.

— Да. Если умрем мы, умрет он. И если мы заключим сделку, то будем выполнять ее до конца. Мы не сможем передумать. Вы понимаете?

Она кивнула уже увереннее:

— Конечно. Когда мы это сделаем?

— Я позвоню Ролли сегодня вечером. Возможно, съездим в город и поговорим с ним. Он знает надежных журналистов и полицейских, которым можно доверять. Нам необходимо будет с ними встретиться, чтобы все подготовить и решить, какие доказательства необходимы Чарли. Это займет пару дней.

— А потом мы это сделаем.

— Да. Мы это сделаем.

Она вновь облизала губы и посмотрела сперва на Пайка, а потом на меня:

— А если это не сработает?

— Если это не сработает, мы отправимся к Гамбоза, а вы попросите полицию, чтобы вас включили в программу защиты свидетелей. Это не совсем то, чего вы хотите, но выбирать не приходится.

Карен судорожно вздохнула, на секунду зажмурилась, но потом решительно кивнула:

— Да. Наверное, это лучшее, на что мы можем рассчитывать.

Она обошла вокруг стола, села в кресло и переплела пальцы. Именно так она вела себя, когда я впервые пришел в ее кабинет. По деловому.

— Я подумала о том, что вы вчера сказали, — продолжала Карен. — И поняла, что вы правы. Для всех будет лучше, если Тоби отправится в Калифорнию с Питером и останется там до тех пор, пока все не закончится.

— Хорошо.

— Питер может забрать Тоби. И чем раньше, тем лучше. Я хотела бы, чтобы Тоби находился в Калифорнии, когда мы будем встречаться с Чарли.

— Ладно. Заеду в мотель и обо всем договорюсь.

Она напряженно кивнула:

— Спасибо вам. Скажу Тоби, когда он придет домой из школы.

Мы с Пайком поехали в «Говард Джонсон», чтобы встретиться с Питером, но лимузина на месте не оказалось. Мы подошли к стойке портье и поинтересовались, когда вернется мистер Нельсен. Портье ответил, что не знает, но его друзья сидят в баре. Возможно, они в курсе. Мы направились в бар.

Ник и Ти-Джей сидели за маленьким круглым столиком, пили пиво и ели гамбургеры. Ник заржал:

— Гляди-ка, Майк Хаммер и его дружок Тонто.

Ти-Джей рассмеялся с набитым ртом.

— Где Питер? — спросил я.

— Питер сказал, что ты уволен, приятель, — ответил Ник. — Так что он теперь будет решать все дела сам. Ты нам больше не нужен.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что Питер будет решать все дела сам? — удивился я.

— Ему надоело ждать. Они с Дани отправились, чтобы разобраться с итальяшкой.

— Они с Дани отправились на встречу с Де Лукой?

— Да.

— Когда?

— Только что.

Пайк придвинулся поближе:

— Куда?

— Да пошел ты! Не твое дело, — ухмыльнулся Ник.

Пайк сделал шаг вперед, вытащил пистолет и вдавил дуло в верхнюю губу Ника.

— Тонто хочет знать.

Ник сразу же перестал ухмыляться, а Ти-Джей сразу же перестал смеяться.

— Какое-то мясное место. Он узнал адрес по телефону, — ответил Ник.

Мы с Пайком выбежали из мотеля, вскочили в машину и погнали «таурус» по автостраде в сторону Манхэттена.

Когда до мясокомбината оставалось меньше квартала, со стоянки на улицу выехал коричневый «ниссан сентра». На переднем сиденье устроились двое незнакомых парней, сзади сидели Рик с Дани и Питером. Голова Питера беспомощно болталась.

— Если повезет, мы сможем остановить их прямо на улице, — бросил Пайк.

Он вытащил свой «питон» и положил себе на колени. Я подождал, пока «сентра» свернет за угол, и пристроился за ней. Они направлялись на восток вдоль канала, к Манхэттенскому мосту через Ист-ривер в Бруклин.

На мосту было около тысячи машин, люди торопились домой, чтобы успеть переехать по мосту до того, как на нем возникнет пробка. Если пробка уже образовалась, то осуществить задуманное будет несложно, но пробки не было. Однако машины шли одна за одной, бампер к бамперу, водители то газовали, то тормозили, и нам было не так уж просто держаться за «сентрой». Пайк опустил окно со своей стороны и высунулся наружу, но что толку. Наконец идущая через восемь машин от нас «сентра», которая к тому же находилась двумя линиями левее, съехала с автострады в Бруклин, и мы ее едва не упустили.

— Нужно уходить с автострады, — произнес Пайк.

Я погудел, подрезал нос трем машинам сразу, ударил по бамперу зеленый фургон «додж», но продолжал двигаться в нужном направлении.

Нам удалось пересечь две линии, машина юзом пошла вниз, но мы все же съехали с автострады и помчались по берегу мимо фабрик, заборов и стоек моста. Пайк высунулся из окна, пытаясь разглядеть «сентру», и вскоре закричал:

— Вижу!

«Сентра» находилась ниже, возле здания огромного склада, под одним из пандусов, по которому можно было въехать на автостраду, ведущую обратно на Манхэттен. Парни с переднего сиденья уже выскочили из машины, а Рик с Питером и Дани выбирались из задней двери. Один из незнакомых мне парней был одет в красную кожаную куртку с очень широкими плечами. Второй держал в руке револьвер.

Мы съехали вниз и оказались перед задней частью складского двора, по другую сторону металлического забора высотой в десять футов.

— Перелезть будет быстрее, — заметил я.

Мы так и сделали, оказавшись между двумя складскими сараями, в восьмидесяти ярдах от всей компании. И тут Рик вытащил пистолет из нержавеющей стали, навел на Питера и что-то сказал парню с револьвером. Питер стоял с поднятыми над головой руками — совсем как актеры в его фильмах. Даже с такого расстояния было видно, что он бледный как смерть, а глаза за толстыми стеклами очков ввалились. Дани стояла на полшага впереди. Питер что-то сказал Рiku и пошевелил руками: наверное, просил не стрелять — и в этот момент Дани бросилась вперед. Я закричал, но было поздно. Пистолет Рика кашлянул, и правую четверть головы Дани напрочь снесло. К этому моменту у меня в руке оказался «дэн-вессон», а у Пайка — его 0,357, и мы открыли стрельбу с расстояния в восемьдесят ярдов. Я кричал, призывая Питера лечь на землю, но он так и продолжал стоять с поднятыми руками.

Парень с револьвером упал.

Рик побежал к «сентре», отстреливаясь на ходу, а парень в красной куртке вытащил черный автоматический пистолет. Пули ударились в проржавевшие стены сараев — казалось, кто-то тяжелым молотом лупит по мусорным бакам, оставляя серебристые следы на опорах моста. Парень в красной куртке сделал несколько быстрых выстрелов: бах-бах-бах, а потом побежал к «сентре». Я выстрелил ему

в спину. Он рухнул прямо на окно «сентры», но Рик уже рванул с места.

Как только «сентра» уехала, на складском дворе наступила тишина.

Мы подбежали к Дани, но ей было уже не помочь.

— Он приказал Рику меня убить, — запричитал Питер. Под его правым глазом я заметил синяк. Он продолжал держать руки вверх. — Он так и сказал: убей его. Я сказал: я Питер Алан Нельсен. Я сказал: меня нельзя убивать. Он сказал: давай поспорим? А потом эти парни привезли меня сюда и собирались убить.

«Меня. Меня. И я».

Я выпрямился и только произнес:

— Дани.

Питер переступал с ноги на ноги, недоуменно таращась в мою сторону.

— Что?

— Они убили Дани, — произнес я медленно и внятно.

Он снова недоуменно посмотрел на меня и повторил:

— Что?

Пайк опустился на корточки возле тела Дании, я стоял рядом, и мы с Питером говорили о ней, но он ни разу не взглянул в ее сторону и ничего о ней не сказал.

— Я говорил им: вы не можете это сделать со мной. Я Питер Алан Нельсен.

Я подошел к нему и приказал:

— Опустит руки.

Он опустил руки. Я толкнул его в грудь правой рукой. Он сел на задницу и спросил:

— Эй, зачем ты меня ударил? — Удивленно.

Я схватил его за волосы, поднял голову и ударил прямо в лицо. У Питера из носа брызнула кровь, и я ударил его еще раз. Он заплакал.

— Кто здесь лежит? — спросил я. — Как ее зовут?

— Дани. — Он все еще не глядел в ее сторону.

— Посмотри на нее.

— Нет.

Питер Алан Нельсен зарыдал. Я схватил его за волосы и повернул голову в сторону тела.

— Смотри на нее.

Он зажмурил глаза.

— Нет!

Я дважды сильно ударил его по левой щеке, а потом пальцами нажал на глаза, чтобы он их открыл.

— Смотри, сукин сын. Здесь лежит Дани. Не ты. Они убили Дани. Ты ее видишь? Тебя они не убили, — Питер закрыл лицо руками, глядя между пальцев на то, что осталось от женщины, которая подбирала брошенные им обертки от шоколадок. — Ты ее видишь, Питер?

Он закашлялся и хрипло произнес:

— Дани.

Я его отпустил.

Он качнулся вперед и пополз к ее телу.

— Это моя вина, — заныл он. — Господи, это моя вина.

Я ничего не ответил. Дыхание с хрипом срывалось с моих губ, и что-то пульсировало за правым глазом.

Питер стоял на коленях перед мертвой Дани. Он коснулся ее мускулистой руки и заплакал еще сильнее. Мне вдруг стало стыдно. К нам подошел Пайк.

— Рик пойдет к Де Луке. Теперь события будут развиваться очень быстро.

— Да. — Я сделал глубокий вздох. — Питер?

— Что? — Он не смотрел на меня.

— Ты рассказал Чарли, что мы следим за парнями с Ямайки?

Он кивнул, все еще не глядя в мою сторону.

— И теперь ему известно, что мы знаем о его тайных счетах?

Он снова кивнул.

Было холодно и сыро. Казалось, вот-вот пойдет снег. Над нашими головами мост вибрировал под множеством мчащихся автомобилей и грузовиков, перевозящих тысячи людей. Вокруг нас раскинулся город с населением в несколько миллионов человек. В общей сложности было произведено не менее пятнадцати выстрелов, но никто так и не появился.

— Чарли запаникует, — заметил Пайк. — Он сделает первое, что ему придет в голову. Иными словами, попытается покончить с нами, Карен и мальчиком. Он не захочет, чтобы кто-то знал о его тайных счетах или связях с ямайскими гангстерами.

Я посмотрел на тело Дани.

— Нам придется оставить ее здесь.

— Да, — кивнул Пайк.

Я поставил Питера Алана Нельсена на ноги. Он не смотрел ни на меня, ни на Пайка и не сопротивлялся. Он не сводил глаз с тела Дани.

— Ты слышал? Ты все понял? — спросил я.

Питер кивнул.

— Тогда хорошо.

Пайк взял Питера за руку и повел к машине.

Я снял куртку, сорвал свое имя с внутренней стороны воротника и накрыл голову Дани. Потом догнал их.

Глава 33

Я остановился возле «Тексако» в Челама и из телефонной будки позвонил Карен Ллойд в банк. Мне пришлось снять подплечную кобуру с «дэн-вессоном» и оставить ее в машине, ведь теперь я был без куртки. Старик в охотничьей шапке так и сидел на жестком стуле, а старый ретривер так и лежал на куске картона. Увидев меня, ретривер завилял хвостом.

Я объяснил Карен, что ситуация осложнилась и ей следует забрать Тоби из школы и сразу же ехать домой. Она горела желанием узнать, что произошло. Я ответил, что звоню с бензоколонки и, как только вернусь домой, все ей расскажу.

— Где распечатки с переводами Де Луки? Дома или в банке? — спросил я.

— В банке.

— Заберите их с собой.

Без десяти четыре мы с Пайком и Питером Аланом Нельсеном вошли в дом Карен Ллойд. Хозяйка уже ждала нас в гостиной. Тоби был с ней. Карен заметно нервничала. Она сразу заметила, что Питер идет как-то неуверенно, словно у него перестали сгибаться колени.

— Что случилось? — удивилась Карен.

— Планы изменились, — ответил я.

— Они убили Дани, — сообщил Питер.

— Что?!

Питер направился к дивану, а Пайк прошел через гостиную в кабинет Карен.

— Вам придется переночевать в другом месте. Может быть, несколько ночей. Возьмите все необходимое с собой.

Карен собралась было задать очередной вопрос, но потом передумала. Она посмотрела на Тоби и строго сказала:

— Тоби, делай, что он говорит. Собери вещи.

Тоби нерешительно двинулся к двери, но потом остановился.

Джо Пайк вернулся в гостиную с большим вещевым мешком. Он вытащил самозарядный винчестер двенадцатого калибра и коробку патронов «ремингтон экспресс». У винчестера был

четырнадцатидюймовый ствол и вместо приклада пистолетная рукоять. Увидев оружие, Карен воскликнула:

— Боже мой, что здесь происходит?

Пайк достал из рюкзака автоматический браунинг с кобурой, крепящейся на щиколотке, и показал мне:

— Хочешь про запас?

— Да.

Он протянул мне оружие, и я прикрепил браунинг к ноге, предварительно сняв с предохранителя.

— Кто-нибудь скажет мне, что происходит?

Я не стал ничего скрывать. Объяснил, что, пока мы с Пайком сидели у нее в офисе, обсуждая наши дальнейшие действия, Питер и Дани отправились на встречу с Де Лукой. А теперь Дани осталась лежать под опорами моста между Манхэттеном и Бруклином. Когда я закончил свой рассказ, Карен изменилась в лице и возмущенно воскликнула:

— Безмозглый сукин сын!

Питер сидел понурившись и упрямо смотрел в пол.

Я опустил брючину, чтобы скрыть браунинг, и Карен спросила:

— И что нам теперь делать?

— Теперь проблема уже не только в Чарли, но у нас все еще есть шанс решить ее без участия полиции. Раньше мы могли заключить сделку с Чарли, но теперь ситуация изменилась. Мы пристрелили двух боевиков Де Луки. Один из них убит, другой может умереть. Чарли придется давать объяснения — два трупа просто так не спишешь.

— Что будет делать Чарли?

— Он постарается нас прикончить. Он даже будет готов пожертвовать каналом для отмывания денег, лишь бы все было шито-крыто. Но больше всего он боится, что о его делах узнает семья Гамбоза.

— Может быть, нам удастся с ним поговорить. Может быть, нам следует ему позвонить.

— Уже поздно.

— Что же делать?

— Сол, — бросил Пайк.

Карен посмотрела на Пайка, а потом повернулась ко мне.

— Единственный выход — Сол, — кивнул я. — Чарли считает, что должен с нами покончить. Ему необходимо убрать всех нас раньше, чем мы успеем поднять шум. Поэтому нам следует отправиться к Солу и выложить наши карты на стол, как мы собирались это сделать с Чарли. Сол тем более не захочет, чтобы Гамбоза и другие семьи узнали о делишках Чарли.

Карен кивнула, в ее глазах появилась надежда. Тоби вернулся в гостиную, и она обняла его за плечи. Мальчик во все глаза смотрел на Питера.

— Вы захватили копии счетов?

Она вытащила их из сумочки и протянула мне.

— Джо останется с вами. Чарли известно о том, что вы когда-то жили у Мэй Эрдич?

— Думаю, нет, — ответила Карен.

— Отправляйтесь туда. Если они приедут сюда и никого здесь не найдут, то попытаются что-нибудь разузнать. Кроме того, они наверняка заедут в мотель, так что вам не следует там появляться. Оставайтесь у Мэй Эрдич. Если все пройдет успешно, я за вами приеду.

— Хорошо.

Питер, почувствовав испытующий взгляд Тоби, поднял глаза и сказал:

— Ее убили из-за меня. Если бы я мог все изменить! И вот что я натворил.

Тоби повернулся и выбежал из комнаты.

Питер Алан Нельсен, Король Приключений, закрыл лицо руками и разрыдался как ребенок.

Я позаимствовал запасную куртку Пайка и надел ее. Она была мне чуть великовата, но в целом подошла. Я сложил бумаги с копиями счетов и засунул в карман.

— Питер, — сказала Карен.

Плечи Питера тряслись, и, хотя он закрыл лицо руками, было видно, что оно покраснело от слез.

— Проклятье, Питер! Прекрати сейчас же! Мы не должны это слушать.

Питер зарыдал еще сильнее.

Карен задумчиво посмотрела в окно, потом тяжело вздохнула, подошла к Питеру Алану Нельсену и положила руку ему на плечо. Питер судорожно всхлипнул, обхватил бывшую жену за бедра и прижался лицом к ее юбке. Карен Ллойд, все еще не глядя на Питера, начала успокаивающе похлопывать его по спине.

Я вышел из дома, сел в «таурис» и помчался сквозь сгущающиеся сумерки на Манхэттен, к Солу Де Луке.

Глава 34

Сол Скала Де Лука занимал три соседних здания к востоку от Центрального парка, на 62-й улице. В одном квартале от парка бездомная женщина с двумя детьми соорудила некое подобие жилища из картона у ворот чужого дома. Проходивший мимо алкаш предложил ей выпить. У алкаша заплетались ноги, он споткнулся, отчаянно замахал руками, но все же упал прямо на картон, и его вырвало. В ответ женщина дала ему по яйцам. В любом другом месте Америки Восточная 62-я улица была бы кошмаром для всякого нормального человека, куда лучше не ходить с наступлением темноты, но только не в Нью-Йорке. В Нью-Йорке люди платят миллионы, чтобы жить на Восточной 62-й улице. На этой улице растут деревья, а за углом находится французское консульство.

Черного «линкольна» Чарли Де Луки поблизости не наблюдалось, но зато был вишневый «мерседес», в котором сидели двое парней. Я прикинул, что если Сол знает о контактах Чарли с ямайскими гангстерами, то Чарли сперва отправится к нему. Если же Сол ничего не знает, то Чарли помчится в Челам, чтобы прикончить нас раньше, чем Солу обо всем доложат. Отсутствие «линкольна» Чарли было хорошим знаком, но Чарли мог приехать на чужой машине. Он даже мог взять такси.

Я дважды объехал квартал, потом припарковался на Пятой авеню и обратно пошел пешком, пытаюсь придумать способ увидеть Сола и остаться в живых. Двое парней из «мерседеса» наблюдали за мной.

Бездомная женщина и ее дети забрались в свой импровизированный домик, алкаш сидел, прислонившись к стене. Одну руку он прижимал к кошонке, в другой держал бутылку. Я принялся беспорядочно размахивать руками и пару раз даже остановился, точно пытался не потерять равновесие, а потом уселся рядом с алкашом и осмотрелся. Мне не удалось найти пожарной лестницы, чтобы забраться наверх, или переулка, откуда можно было проскользнуть в дом через задний вход. Не нашлось даже площадок на втором этаже, куда можно было бы запрыгнуть. Только два парня в

«мерседесе», да еще один тип, расхаживающий у входа в дом Сола Скалы. Да и договориться о встрече по телефону вряд ли удастся.

Алкаш тихо рыгнул и принялся осторожно ощупывать пах.

— Здорово она тебе вмазала, — начал я разговор.

— Все мои несчастья из-за женщин, — грустно кивнул он.

— У тебя еще осталось вино?

Алкаш приподнял бутылку и печально на нее посмотрел.

— Нет. Увы.

Наше дыхание облачками поднималось в ночном воздухе.

— Могу я позаимствовать бутылку?

Он осторожно поставил ее на тротуар.

— Я готов отдать тебе хоть весь мир.

Я взял бутылку и заковылял дальше.

Парни из «мерседеса» и тип у входа продолжали за мной наблюдать, причем парни из «мерседеса» меня беспокоили больше.

Я остановился возле дерева и оперся о ствол, делая вид, что пью из горла, а потом пошел себе дальше по тротуару. Дойдя до дома Сола Де Луки, я покачулся и уселся на ступеньки крыльца.

Тип, дежуривший наверху, — косоглазый коротышка — грозно сказал:

— Проваливай отсюда, пьянь.

Я что-то пробормотал себе под нос и еще крепче вцепился в бутылку.

— Эй, козел, сказано было, вали отсюда. — Он схватил меня за шиворот и попытался поднять.

Оказавшись на ногах, я сразу же ткнул ему под ребро дуло своего «дэн-вессона».

— Дернешься, получишь пулю в бок, — предупредил его я.

Он замер и посмотрел мне в глаза.

— Поднимись со мной по лестнице. Делай вид, что помогаешь мне. Мы спокойно войдем внутрь. Все понял?

— Да.

— Сол Де Лука дома?

— Да.

— Чарли Де Лука дома?

— Нет.

— Кто еще в доме?

— Старик. Вито и Энджи. Прислуга.

Я не знал, кто такие Вито и Энджи. Впрочем, это было не так важно.

— Пошли.

Мы в обнимку поднялись по ступенькам. Нас разделял только мой пистолет. Когда мы дошли до середины лестницы, дверца «мерседеса» открылась и один из парней вылез из машины.

— Эй, Фредди! — позвал он.

Я чуть сильнее ткнул дулом под ребра Фредди:

— Скажи им, что хочешь дать мне еды.

Фредди сказал. Парень из «мерседеса» засмеялся и назвал Фредди козлом.

Мы вошли в дом, и Фредди повел меня по длинному вестибюлю с мраморным полом и высоким потолком. Впереди виднелась изящная лестница. В доме было тихо.

— Веди меня к Солу.

— Ты, наверное, спятил.

— Если бы я спятил, то велел бы отвести себя к твоему старшему. — И чтоб было понятнее, ткнул дулом ему в бок.

Мы прошли по длинному коридору, потом через гостиную. Похоже, здесь лет сто ничего не меняли. Наконец мы оказались в отделанном деревянными панелями кабинете с камином. Сол Де Лука сидел вместе с двумя хорошо одетыми мужчинами своего возраста. Те устроились на одном диване, а Сол — на другом. Между ними стоял маленький столик. Вито и Энджи. У обоих были жесткие морщинистые лица, у одного — седые усы, и оба посмотрели на меня со снисходительным любопытством. Так смотрят на приبلудного пса, покрытого паршой. Капо. Верхушка мафии.

— Что тебе нужно? — удивленно спросил Сол.

Потом он увидел пистолет.

Солу Де Луке было чуть за шестьдесят. Невысокого роста, но широкоплечий и очень мускулистый. В прекрасной физической форме — может, даже в лучшей, чем был в молодости. Слабакам не дают прозвище Скала. Круглое лицо, глаза навывкате, большой рот с мясистыми губами, которые придавали ему сходство с лягушкой. На нем была темно-синяя домашняя куртка из мягкой шерсти. Последний

раз я видел такую куртку на Элмере Фадде.^[42] Впрочем, я не стал ему об этом говорить.

— Сегодня в Бруклине были убиты два ваших бойца. Это сделал я. Чарли Де Лука связался с ямайским гангстером по имени Хесус Сантьяго. Об этом еще никто не знает, но они воруют наркотики у братьев Гамбоза.

Мужчина с седыми усами сказал:

— Эй!

— У тебя что, крышу снесло, козел гребаный! — возмутился другой.

— Сол, я хотел, чтобы вы первым узнали об этом, — продолжил я. — Другие пока не знают, — заявил я, опустив «дэн-вессон».

— Вито, — бросил Сол.

Человек с усами подскочил ко мне и забрал пистолет.

«Вито».

— У меня еще браунинг на правой щиколотке, — сообщил я.

Он забрал второй пистолет и положил оружие на столик между диванами. Сол взял «дэн-вессон», взвесил его на ладони, посмотрел на меня и кивнул:

— А ты смелый парень. Как тебя зовут?

— Элвис Коул.

— Дурацкое имя.

— Лучше, чем Элвис Джонс.

Сол принял какое-то решение и откинулся на спинку дивана, не выпуская из рук «дэн-вессон».

— Ладно. У тебя есть пятнадцать секунд, чтобы спасти свою жизнь.

Глава 35

— Фредди, подожди в коридоре, — приказал Сол.

Фредди явно нервничал.

— Сол, у него был пистолет. Я ничего не мог сделать.

— Подожди в коридоре. — Глаза Сола гневно сверкали.

Фредди вышел в коридор.

— Сол, ты ведь не веришь в это дерьмо? — мрачно сказал Энджи. — Неужели ты станешь слушать чужака, заявившегося вот так?

— Вот он и должен это доказать, — отмахнулся Сол.

— Я сейчас кое-что вытащу из правого кармана, — предупредил я.

Сол кивнул.

Я достал компьютерные распечатки и протянул ему.

— А это еще что за хрень?

— Номера счетов и список транзакций по отмыванию денег через Первый национальный банк Челама. Вы помните Карен Ллойд?

Сол снова кивнул. Я бросил взгляд на Вито и Энджи и спросил:

— Не хотите поговорить наедине?

— Ты не из Нью-Йорка, — сказал Сол. — Откуда приехал?

— Из Калифорнии.

Он слегка наклонил голову, словно мои слова все объясняли.

— Это мой брат Вито. А это мой кузен Энджи. Мы семья. Ты понимаешь, что такое семья?

— Да.

— Тогда выкладывай все, что хотел сказать.

Я рассказал им о восьми счетах. Показал вклады на частном счете Чарли, который увеличился с нескольких тысяч до пятизначного числа. Потом — как все началось пять месяцев назад, когда Чарли познакомился с Глорией Ариб, а через нее с Хесусом Сантьяго, как Чарли привлек наркомана Ричи Сили, который выдал ему информацию о предстоящей доставке партии наркотиков для братьев Гамбоза, и как Чарли продал ее ямайским гангстерам, чтобы те могли перехватить партию. Рассказал о том, как выследил Чарли в Квинсе, и о встрече

Чарли с ямайскими гангстерами и копом из аэропорта Кеннеди. И еще о Питере и Дани, а также о том, что произошло под Манхэттенским мостом. Я говорил медленно, тщательно подбирая слова, называя имена, адреса и время.

Когда я закончил, никто не произнес ни слова. Энджи жевал верхнюю губу. Вито уставился на огонь в камине. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Сол заговорил. Но обратился он не ко мне.

— Вито, мы знаем о том, что Гамбоза кинули?

Вито пожал плечами, ему вовсе не хотелось подставляться.

— Что-то насчет черномазых, похитивших у Гамбоза партию дури. Кто слушает?! У нас больше нет финансового интереса к наркоте. Мы отдали все Гамбоза.

Сол покачал головой:

— У нас с ними сделка, Вито. Мы отдали им нашу долю в наркотиках и немало получили взамен.

— Господи Иисусе, Сол, этот урод говорит о твоём сыне. Думаю, он просто гонит.

Сол подошел к камину и посмотрел на тлеющие угли. Он уже знал, что все правда.

— У нас там есть кто-то из коронеров в Квинсе? — спросил он.

— Да.

— Проверь.

— Господи Иисусе, Сол. Это же Чарли.

— Проверь. Кто у Гамбино заправляет черномазыми шлюхами?

— Марти Ротоло.

— Позвони ему. Выясни насчет этой Глории Ариб.

Вито поднял трубку, набрал номер и о чем-то тихо заговорил. Кинув несколько фраз, он повесил трубку, но так и застыл, держа руку на аппарате. В отличие от Вито, Сол сохранял полную невозмутимость. «Скала». Потом Вито еще дважды звонил в разные места. Наконец он повесил трубку и повернулся к брату:

— Они нашли тело женщины и тело Кармины. Под Манхэттенским мостом.

— Дани, — сказал я. — Ее звали Дани.

— Стиви сказал, что Чарли путался с девкой Ариб. Он говорит, что Гамбино ничего о ней не знает, поскольку она с Ямайки. Связана с другим парнем с Ямайки. Его зовут Хесус Сантьяго.

Сол издал свистящий звук, словно где-то у него внутри вытащили пробку.

— Господи Иисусе, Сол! — простонал Энджи.

Сол подошел к двери и позвал Фредди.

— Найди Чарли и скажи, что я хочу его видеть.

Фредди посмотрел на меня.

— Конечно, Сол.

— И ничего ему не говори.

— Конечно, Сол. — Фредди ушел.

Сол вернулся к потухшему камину и посмотрел на меня. Спокойно. Словно я ему ничего не рассказывал о его сыне. «Дэн-вессон» почти утонул в его огромной руке.

— Хорошо. Возможно, ты не гонишь. Чего хочешь?

— Карен Ллойд.

— А если я ее не отдам?

— Я отдам Чарли семье Гамбоза.

— И что с того, — вмешался Энджи. — Нам накласть на гребаных Гамбоза.

— Что ж, можно и так, — пожал я плечами. — Гамбоза убьют Чарли за то, что он их поимел, а потом займутся вами. И остальные семьи тоже. У вас было соглашение, а семья Де Лука его нарушила.

— Полная хрень! — воскликнул Энджи, вскинув руки.

Вито не стал вскидывать руки. Он поднялся и медленно подошел к Солу.

— Это не хрень, Энджи. Он прав, — Вито в упор смотрел на Сола, но Сол выдержал его взгляд. — Чарли кинул другую семью ради сделки на стороне. С гребаными ямайцами, Господи прости! Наше слово станет дешевле дерьма. Семьи отвернутся от нас.

Сол кивнул.

«Семья прежде всего».

Сол посмотрел на своего брата, и холодный огонь в его глазах вспыхнул с новой силой.

— Вито, не тебе мне указывать.

Вито только руками развел.

Никто больше не говорил со мной. Энджи вышел и вернулся с кофе и печеньем. Они втроем уселись у камина и в полном молчании принялись пить кофе с печеньем. Мне ничего не предложили, никто со

мной не разговаривал. Подумав, я подошел к одиноко стоящему стулу и сел. Вито сделал еще несколько звонков по телефону, дважды в дверь стучали крупные мужчины, заглядывали внутрь, начинали говорить по-английски, но, увидев меня, переходили на итальянский. Энджи дважды выходил из комнаты, один раз нас оставил Вито, Сол же продолжал сидеть как пришитый. Он сидел и смотрел, и, честно говоря, я был рад, что его взгляд был обращен не в мою сторону.

Так мы просидели в кабинете Сола Де Луки почти шесть часов.

На следующее утро, без десяти пять, к нам вошел Фредди, а за ним Чарли и Рик. Волосы у Чарли были всклокочены, ворот расстегнут, и выглядел он крайне обеспокоенным, словно кого-то искал, но не мог найти. Рик по-прежнему смахивал на вампира: весь из острых углов, обтянутых бледной кожей. Чарли начал говорить что-то вроде: какого дьявола, это могло бы и до утра подождать, но когда увидел меня, в его глазах заметался страх. Его рука потянулась к пистолету, однако Вито выбил у него оружие.

— Фредди, закрой дверь, — приказал Сол.

— Этот сукин сын убил Кармину и Данте, — Чарли пытался успокоиться, размахивал руками и говорил очень громко, словно крик мог убедить Сола, Вито и Энджи в том, что я рассказал неправду. — Он пытается выдавить нас из банка. Господи Иисусе, что он здесь делает?!

Сол резко вскинул левую руку и врезал Чарли в правую скулу. Все случилось так неожиданно, что Чарли даже не дернулся.

— Эй! — завизжал он.

— Заткнись и слушай!

Чарли заткнулся. Рик пристроился возле книжных полок, явно прокручивая в голове свой будущей танец: он будет двигаться легко и стремительно.

Сол снова посмотрел на меня — впервые с того момента, как послал Фредди за Чарли, — и произнес:

— Расскажи ему.

И я повторил свой рассказ для Чарли. Чем дольше я говорил, тем больше дергался Чарли. Он переминался с ноги на ногу, переплетал пальцы и заметно потел. И чем больше суетился Чарли, тем больше каменел Сол. Когда я закончил, Чарли заявил:

— Хрень! Дерьмо! Зачем слушать этого парня? — Он посмотрел на Энджи, потом на Вито. — Дядя Вито! Эй, Энджи! Кто здесь семья? — Он посмотрел на отца. — Зачем слушать этого парня?

Сол перевел пустые лягушачьи глаза на своего сына и отчеканил:

— Я слушал потому, что в сердце своем не сомневался, что ты можешь это сделать, а теперь, глядя на тебя, я знаю, что ты это сделал.

— О чем ты говоришь? Все это ослиное дерьмо!

Сол ударил Чарли тыльной стороной правой руки так сильно, что Чарли отбросило назад. Вито посмотрел на Рика, и тот едва заметно качнул головой, показывая, что он в этом не участвовал. Вито кивнул.

Чарли был выше Сола и моложе, но в Чарли не хватало цельности, и его разъедала злоба. Сол же оставался сильным и полным жизни, несмотря на свой возраст. «Скала».

— Ты кусок дерьма, Чарли. — Именно эти слова произнес Чарли, обращаясь к Джои Путате. Чарли попытался закрыться, но Сол принялся наносить ему правой рукой один удар за другим, продолжая держать мой «дэн-вессон» в левой. — Ты дважды кинул гребаных Гамбоза. Ты превратил нашу семью в лжецов, а у тебя даже не хватает смелости это признать. Будь мужчиной, Чарли. Посмотри мне в глаза и признайся, что ты сделал эту ужасную вещь.

Я снова взглянул на Рика, но тот, казалось, ничего не видел и не слышал. Его глаза были закрыты, голова ритмично покачивалась в такт какой-то темной музыке.

Чарли рухнул на стул, рассчитывая таким образом увернуться от ударов. Его лицо побагровело, по подбородку текла слюна.

— Это неправда. Я ничего не сделал. Клянусь, что не сделал.

«Ну совсем как маленький ребенок!»

— Я дал им слово, Чарли. Обещал, что наша семья будет жить в мире с другими семьями, а ты нарушил соглашение. Ты меня понимаешь? Ты знаешь, чего нам будет это стоить?

Чарли вскочил со стула и вжался в стену.

— Папочка, пожалуйста, — заныл он.

Сол схватил Чарли за горло и встряхнул его.

— Я продолжал надеяться, что ты изменишься к лучшему, но вижу, этого не будет никогда. Я взял тебя в дело, обеспечил тебе легкую жизнь, но ты был недоделанным — таким и остался!

Чарли выскользнул из рук Сола, осел на пол и попытался отползти в сторону. Сол, задыхаясь и пыхтя, начал бить его с удвоенной силой.

Вито и Энджи явно чувствовали себя крайне неловко, и я пожалел, что присутствую при этой сцене. Сол шел по пятам за ползущим по комнате сыном, продолжая наносить удары до тех пор, пока Чарли не скорчился за массивным кожаным креслом. Сол уже с трудом дышал, но продолжал избиение. При этом он, как заклинание, твердил:

— Будь мужчиной, будь мужчиной.

Вито наконец не выдержал:

— Господи Иисусе, Сол, хватит!

Вито подошел к брату и, оторвав его от пола, попытался оттащить в сторону, нашептывая успокаивающие слова.

«Двигал „Скалу“».

Экзекуция закончилась. Сол, все еще не в силах отдышаться, стоял в центре комнаты, глядя на скулящего сына. Казалось, прошла вечность. Возможно, ген патологического насилия передается в этой семье по мужской линии.

Сол потряс головой и посмотрел на меня так, словно впервые видел.

— Хорошо, — глухо произнес он, — Карен Ллойд свободна. Это все, чего ты хочешь?

— Нет, еще кое-что.

— Что?

— Женщина, которая погибла в Бруклине. — Я посмотрел на Рика. — Он нажал на курок. Я хочу, чтобы вы отдали его полиции.

Рик расправил плечи и отделился от книжных полок. Его кожаная куртка запахнулась. Сол посмотрел на Рика, потом повернулся ко мне:

— Я и раньше не сдавал своих людей копам, не намерен сдавать и в будущем. Мои парни это знают.

Рик довольно усмехнулся.

— Это сделка, Сол. Ее можно принять или отклонить.

— Никаких копов, — покачал головой Сол Де Лука, поднял «дэн-вессон», прицелился мне в лоб, затем повернулся и выстрелил Рика в грудь.

Рик, в последний момент поняв, что происходит, закричал: «Нет!» — и попытался отскочить, но пуля оказалась быстрее. Его отбросило прямо на книжные полки, а потом он обмяк и упал.

Чарли захрипел и заскулил громче. Рик попытался встать, но ноги не слушались.

Сол сделал еще один выстрел. Рик сунул руку во внутренний карман и достал пистолет. Сол выстрелил в него еще дважды. Дым от выстрелов сгустился, точно туман над перевалом Глендейл в долине Сан-Фернандо.

Из другой части дома слышались крики и топот бегущих ног, потом кто-то громко постучал в дверь. Первым вошел Фредди.

Сол был абсолютно спокоен, словно просто взял и навел порядок в комнате.

— Фредди, принеси парочку больших пластиковых мешков и позаботься об этом.

Фредди нервно сглотнул и выбежал из комнаты.

Сол посмотрел на валяющегося на полу сына, потом перевел взгляд на меня. Его глаза были пустыми и ничего не выражали.

— Годится?

Я молча кивнул.

— Хорошо. Ты получил, что хотел. А теперь моя очередь. Гамбоза ничего не должны узнать. То, о чем мы говорили, здесь и будет похоронено. Ты готов? Ты не станешь подвергать моего сына опасности?

Похоже, Сол и Карен Ллойд, каждый по-своему, заботились о своих детях.

Я снова кивнул и сказал:

— Да, мы похороним это. И все будут в безопасности.

— У нас остались кое-какие необрубленные концы, Сол. Об этом знают другие, — вмешался Вито.

— Мы решим проблемы необрубленных концов, Вито, — отрезал Сол и посмотрел на меня. — Еще что-нибудь?

— Нет.

— Тогда дело сделано. А теперь проваливай на хрен из моего дома!

Глава 36

Я вышел из дома Сола Де Луки. Легкий снежок начал заметать улицы, дорожки и припаркованные у тротуара автомобили. Воздух был холодным, небо на востоке Манхэттена розовело в лучах восходящего солнца. Однако на западе и севере солнце скрывали тяжелые тучи, обещавшие новый снегопад. Алкаш куда-то испарился, но домик из картона оставался на прежнем месте, тихий и белый в раннем утреннем свете. По Пятой авеню и 62-й улице с визгом проносились машины. По тротуарам торопливо шли тепло одетые мужчины и женщины, оставляя за собой серые цепочки следов. Где-то играла музыка, но мелодия была незнакомой. Сунув двадцатидолларовую банкноту в маленький картонный домик, я направился к «таурусу».

Я проехал через Центральный парк, Бронкс, Йонкерс и Уайт-Плейнс. Я ехал и слушал по радио старый классический рок, много Джона Фогерти и «Криденс клируотер ревайвал». «Беги сквозь джунгли». Ничего не может быть лучше в шесть утра после ночи, проведенной с крестным отцом, чем немного «ККР». Проехав Уайт-Плейнс, я остановился на смотровой площадке, выходящей на озеро. Меня начало трясти. Казалось, это продолжалось целую вечность. На самом деле прошло всего несколько минут. Я не стал выключать двигатель «тауруса», печка жарила вовсю, однако трясло меня не от холода.

У края площадки был припаркован коричнево-белый домик на колесах. Вероятно, простоял здесь всю ночь. Из него вышли мужчина и женщина лет шестидесяти с кружками кофе в руках и стали любоваться озером. Они довольно долго смотрели на водную гладь, потягивая кофе и держась за руки. Потом они повернулись и вместе направились к своей машине. Женщина дружелюбно мне улыбнулась.

Без четверти десять я остановил «таурус» возле дома Мэй Эрдич. Тоби и Джо Пайк среди желтых листьев и снега гоняли старый мяч для игры в американский футбол, Питер сидел на крыльце дома и смотрел на них. Вид у него был замерзший.

Я как раз шел по подъездной дорожке, когда из дома вышла Карен Ллойд.

— Все в порядке, — сказал я.

Она покачала головой, словно не могла поверить.

— Вы уговорили Чарли?

Тоби, забыв про мяч, подбежал к матери.

— Нет, Сола. Чарли больше не при делах. Это Сол. И Сол говорит, что вы свободны. А Чарли будет делать то, что скажет Сол.

Она нервно сжала руки.

— И я смогу остаться в банке?

— Да.

— И Чарли больше не будет? И никаких новых депозитов?

— Все в порядке, Карен.

Питер улыбнулся, скрестил руки на груди, но так и остался сидеть.

Карен спустилась с крыльца и обняла сначала меня, потом Пайка. Она заплакала и прямо-таки вцепилась ногтями нам в плечи, словно хотела удержать ускользающую реальность. Питер опустил голову, уставившись в землю.

Наконец Карен ослабила объятия, улыбнулась и снова поблагодарила нас. Слезы все еще текли по ее щекам.

— И мы можем вернуться домой? — спросила она.

— Конечно. В любое время.

Питер поднял голову и сказал:

— Карен, я так рад. Просто счастлив.

Карен улыбнулась ему и бросила взгляд на сына:

— Тоби, давай соберем вещи. И попрощаемся с Мэй.

Они вошли в дом, и мы услышали торопливые шаги Тоби, удаляющиеся по коридору. Питер встал.

— Я должен забрать тело Дани. Я хочу вернуть ее домой и позаботиться о ней.

— Хорошо, но у полиции могут возникнуть вопросы. Нам нужно хорошенько подумать, что говорить, — ответил я.

— Я скажу им правду. Она умерла, спасая мою жизнь, поскольку я клинический идиот, — расправив плечи, произнес Питер.

— Не выйдет, — отрезал Пайк.

Питер удивленно на него посмотрел, и я сказал:

— Я дал слово Солу, что Гамбоза никогда не узнают о делишках Чарли. Если ты сообщишь полицейским, или журналу «Пипл», или

еще кому-нибудь о том, как погибла Дани, Гамбоза или те, кто на них работают, прикинут, что к чему, и все поймут. Тогда договоренность с Солом утратит силу и он придет за тобой.

— Мне на себя наплевать!

— Он придет за Карен и Тоби.

Питер поджал губы и уставился в землю. Ему не понравились мои слова, но он начинал учиться жить с тем, что ему не нравится.

— У меня такое чувство, что я обманываю ее.

— Так оно и есть, но здесь уж ничего не поделаешь. Понимаешь?

Он снова недовольно поджал губы, но все же кивнул. Входная дверь распахнулась, Тоби вынес на крыльцо сумку, поставил ее на ступеньку, а потом вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Питер задумчиво посмотрел ему вслед.

— Они считают меня полным дерьмом.

Я ничего не ответил.

— Наверное, мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Скоро начинаются съемки нового фильма. Какой смысл оставаться здесь.

У меня уже не было сил с ним разговаривать. Болела спина, затекла шея, и ужасно хотелось поскорее оказаться в постели. И все же я ответил Питеру:

— Когда ты приехал сюда, то зря рассчитывал на то, что они примут тебя с распростертыми объятиями как отца и мужа. Возможно, ты сумел бы заслужить их расположение, но тебе такое даже в голову не приходило. Ты считал, что это твое право. Ты требуешь то, что хочешь получить, и, как правило, получаешь. Поэтому ты думаешь, что тебе все можно.

— Я приехал сюда вовсе не для того, чтобы все изгадить.

— Знаю.

— Я хотел как лучше. Я хотел, чтобы они стали частью моей жизни. В ней образовались пустоты.

— Быть может, тебе надо было подумать о том, как заполнить пустоты в их жизни.

Питер поджал губы и посмотрел на землю, словно нашел там что-то интересное. Листья вязов, сухие и ломкие от холода.

— Вот дерьмо! Я, пожалуй, поеду.

Он прошел через усыпанный листьями двор, сел в лимузин и нажал на газ. Ветровое стекло его машины еще было запорошено

снегом.

Мы с Пайком сидели в «тауресе» и ждали, когда из дома выйдут Карен и Тоби. Карен улыбнулась и сказала:

— Мне бы хотелось устроить маленький праздник. Как насчет позднего завтрака? Естественно, за мой счет.

— Как пожелаете.

Мы заехали в кафе в Челамае, уселись в отдельной кабинке и заказали яичницу с сосисками, блины с тыквой и жареную картошку, но праздника не получилось. Оставалось ощущение незавершенности, словно мы что-то не доделали. Тоби, отодвинув тарелку, подошел к игровому автомату и стал играть в «Space Command». Парень с бластером пытается прикончить тысячи маленьких жуков. Карен смущенно за ним наблюдала.

— Необрубленные концы? — спросил я.

— Что, так заметно? — кивнула она.

— Вам нужно о многом подумать. Ведь в вашей жизни появился Питер.

— Верно, но и это еще не все, — снова кивнула она. — У меня такое ощущение, что по небу пролетел какой-то огромный предмет, но никто, кроме нас, его не видел. Люди в кафе, Джойс Стебен в банке, да и все остальные жители города.

— Так всегда бывает, — согласился я.

— Не знаю, что мне делать. Раньше думала, что знаю, но теперь все изменилось. — Она отвернулась от сына и посмотрела на меня — Я так отчаянно боролась, чтобы сохранить все, чего добилась в Челамае и банке. А сейчас, все получив, я вдруг подумала совсем о другом. Может быть, мне удастся найти более интересную работу поближе к городу или даже в Бостоне. Может быть, я сумею перевести Тоби в школу получше. Звучит глупо, правда?

Когда Питер Алан Нельсен спрашивал меня, что делать дальше, в ответ я только пожимал плечами. И сейчас мне ничего не оставалось, как сделать то же самое.

— Вовсе нет. Раньше у вас просто не было выбора. А теперь он появился.

Карен слабо улыбнулась и перевела взгляд на сына.

— Да, наверное, — засмеялась она.

За все время моего пребывания в Челама я еще ни разу не видел, как она смеется.

Потом мы с Джо уселись в «таурус», а Карен с Тоби в «ЛеБарон», и мы отправились к ней домой. Серое небо готовилось к новому снегопаду. Мы вошли в дом и сразу стали собираться. Карен кому-то звонила по телефону, а Тоби рыскал по кухне в поисках чего-нибудь вкусенького. Когда тебе двенадцать лет, то все время хочется есть. Сложив свои вещи, я позвонил в аэропорт и заказал два обратных билета на рейс, вылетающий из аэропорта Кеннеди вечером, в шесть сорок. Пайк, конечно, был не слишком доволен, что так поздно, но ничего пораньше не было.

В половине двенадцатого к дому подъехал черный лимузин. Из него вылез Питер Алан Нельсен и подошел к двери. Карен его впустила.

— Я думала, ты вернулся в Лос-Анджелес, — удивилась она.

— Хочу начать все сначала, — заявил Питер. — Знаю, что мое появление здесь весьма осложнило твою жизнь, и хочу помочь тебе справиться со всеми трудностями. Не хочу, чтобы ты и мальчик считали меня придурком. Мне хочется, чтобы Тоби получше меня узнал, я получше узнал его, а еще договориться о таких вещах, как визиты и каникулы, чтобы мы могли проводить время вместе. Я хочу помочь тебе содержать сына. Конечно, только если ты согласишься. Мы можем это обсудить?

— Вот дерьмо! — нахмурилась Карен Ллойд.

— Ну пожалуйста, — сказал Питер.

Карен Ллойд чуть слышно присвистнула и, уставившись на телевизор, стала нервно постукивать рукой по бедру. Телевизор не был включен.

— А что, вполне разумно, — заметил я.

Карен покачала головой, нахмурилась, но ничего не ответила.

— Ну, Карен! Ну пожалуйста!

— Ради бога, да сделайте же вы шаг навстречу, — предложил я.

Карен скрестила руки на груди и нахмурилась еще сильнее.

— Посмотрим, — ответила она, явно сдавая позиции.

Зазвонил телефон, и Карен Ллойд вышла на кухню, чтобы взять трубку. Когда дверь за ней закрылась, Питер спросил:

— Ну, что думаешь?

— Поживем — увидим, — развел я руками.

Карен вернулась в гостиную и сказала:

— Какой-то человек по имени Роланд Джордж.

Я оставил их любоваться друг другом и прошел на кухню.

— Ты уже слышал? — отрывисто спросил Ролли.

— О чем?

— Об этом сообщили в новостях десять минут назад. Сол Де Лука найден мертвым в спортивном клубе. Четыре пули в упор, в голову. Стреляли около десяти часов утра. Ты об этом что-нибудь знаешь?

— Думаю, это дело рук Чарли. Если так, то следующими будем мы.

Я повесил трубку, вернулся в гостиную и рассказал обо всем Карен, Питеру и Джо Пайку. Когда я замолчал, Питер сказал:

— Ты хочешь сказать, что сукин сын вернется сюда?

— Да.

— Я знала, что все так просто не кончится. Знала. Что будем делать?

— Уедем в город, где побольше людей. Когда вы с Тоби окажетесь в безопасности, мы с Джо попробуем заняться Чарли.

Карен позвала Тоби, мы быстро вышли из дома и сели в «ЛеБарон». Я велел Питеру устроиться сзади, а сам сел за руль. Никто из них не возражал.

— Снова эти люди, мама? — спросил Тоби.

Мы выехали на улицу, потом свернули на автостраду и двинулись по направлению к центру. Было двадцать минут первого.

Не успели мы проехать и две мили, как они нас догнали.

Глава 37

Они появились сзади на двух машинах: зеленый «додж-вагон» и черный «линкольн». Начался снегопад.

Первым их заметил Пайк.

— За нами. Свернули с боковой дороги и отстают на полмили.

— Тоби, ложись на пол. Постарайся занимать как можно меньше места и прикрой руками голову, — приказал я и заставил Карен лечь сверху.

«Линкольн» перешел на левую полосу, «додж» держался правой. Расстояние между нами быстро сокращалось. Пайк вытащил из-под куртки свой «питон».

Я вдавил в пол педаль газа «ЛеБарона», но «линкольн» неумолимо приближался. Потом нас ослепили золотые вспышки, что-то дважды ударило в «ЛеБарон» — бум-бум, — словно мальчишка из-за дерева швырнул в нас камнем. Правое заднее колесо лопнуло. Карен Ллойд ахнула, а Тоби спросил:

— Что это было?

«ЛеБарон» занесло, и я резко крутанул руль. Мы съехали с дороги и покатались по тыквенному полю, сминая и снося все на своем пути: сорняки, колючую проволоку ограды и пару молодых березок. Я переключил передачу, но продолжал гнать машину через поле. «ЛеБарон» практически не слушался руля. Наконец правое спущенное колесо увязло в глине и мы остановились.

— Всем выйти, — приказал я.

«Додж» и «линкольн» затормозили у обочины, двери машин распахнулись, и из них вывалились наружу восемь парней. Пятеро были вооружены дробовиками. Чарли Де Лука вел «линкольн», Джои Путата сидел за рулем «доджа», а остальных я не знал. И конечно, очень чувствовалось отсутствие Рика. Теперь некому было контролировать Чарли, массировать ему шею и говорить успокаивающие слова. Теперь некому помешать Чарли Де Луке погрузиться в пучину безумия. Сол Скала это знал. Чарли был настоящим психопатом, неуправляемым маньяком.

Я распахнул водительскую дверцу, выскочил наружу, наклонил свое сиденье вперед и вытащил из «ЛеБарона» Карен и Тоби. Пайк выкатился с другой стороны, и его «питон» дважды выстрелил. За Пайком выбрался Питер, после чего мы впятером скрючились среди тыкв позади «ЛеБарона».

Двое парней на дороге принялись было палить из дробовиков, но потом кто-то дал отмашку и стрельба прекратилась. Триста ярдов слишком большое расстояние даже для дробовика.

Тыквенное поле оказалось совсем небольшим — шириной не более пятисот ярдов. По краям оно густо поросло молодыми деревьями. За нашей спиной стоял покосившийся сарай, которому было лет сто, не меньше. Я присел на корточки рядом с Карен и спросил:

— Здесь поблизости кто-нибудь живет?

— Разве что милях в двух отсюда, — ответила она, махнув рукой куда-то в сторону юго-запада.

— Там, сзади, есть дорога?

Она нахмурилась, пытаясь сосредоточиться, что давалось ей с явным трудом.

— Вроде бы. Что-то типа проселочной дороги.

— Есть дорога, — неожиданно подал голос Тоби. — Но ужасно разбитая.

— Далеко до нее?

— Мили полторы. Она находится по другую сторону полей. Дорога идет от маленького аэродрома, откуда взлетают самолеты сельхозавиации, но сейчас там никого нет. На зиму они все закрывают.

— Если нам повезет и мы туда доберемся, то вполне можем найти домик какого-нибудь фермера.

Снегопад усилился, «ЛеБарон» и тыквы покрылись снегом. Люди на дороге казались смутными теньями. Две тени направились налево, две — направо, а четыре пошли прямо на нас. Классические клещи. Наверное, этому тактическому приему обучают в мафиозных академиях.

— Они попытаются нас окружить. Те парни, что движутся быстрее, будут заходить с флангов, остальные будут медленно идти прямо на нас.

— Угу, — ответил Пайк, открыв рюкзак.

Он вытащил дробовик, коробку с патронами и принялся рассовывать их по карманам. В коробке двадцать пять патронов, но он сумел найти место для каждого.

Питер сидел на корточках рядом с Карен, чуть позади Тоби, непроизвольно положив руку на плечо Карен. Впрочем, может, и не совсем непроизвольно.

— Возможно, нам удастся их здесь задержать, — сказал Питер.

— У нас всего двадцать пять патронов, — покачал головой Пайк.

Я по-пластунски подполз к Карен и Питеру. Лица их заметно побледнели, в глазах застыла тревога.

— Мы должны разделиться. Пайк и я займем фланги. А вы, ребята, пойдете прямо через поле и постараетесь добраться до проселочной дороги. Ну что, все поняли?

— Да, — хором ответили они.

— Перемещайтесь, пригнувшись к земле. Кроме того, «ЛеБарон» всегда должен находиться между вами и четверкой, идущей через поле. Они будут идти медленно, поскольку знают, что мы вооружены. Так что времени у вас будет достаточно. Доберетесь до сарая, обойдите его и сразу же — к лесу. Сарай используйте как прикрытие.

Питер молча кивнул, а Карен сказала:

— Да.

— И не останавливайтесь до тех пор, пока не доберетесь до ближайшего жилья. Тогда сразу же звоните в полицию.

Карен не смотрела мне в глаза. Карен смотрела мне в рот, ловя каждое слово. Похоже, она держалась из последних сил.

— Не хочу бежать. Хочу остаться и что-то делать, — твердо заявил Питер.

— А ты и делаешь. Ты помогаешь этой женщине и своему сыну добраться до безопасного места. Это твоя работа.

Питер посмотрел на женщину, на которой был когда-то женат, потом — на сына и кивнул:

— Я все понял. Договорились!

— Тоби, ты сумеешь найти дорогу в лесу? — спросил я.

— Конечно. Нужно все время идти на юг.

— Отлично. Когда выйдете на дорогу, сможешь определить, с какой стороны аэродром?

— Я знаю. С восточной.

Я посмотрел на Карен и Питера:

— Вы должны это сделать!

— Они ведь нас точно убьют? — спросила Карен.

— Во всяком случае, попытаются. Но мы с Джо им не позволим.

Ее широко раскрытые глаза растерянно перебегали с меня на Пайка. Она крепко держала Тоби за руку.

— Но как вы сможете их остановить? Их восемь человек, а вы в ловушке на ничьей земле. И вокруг никого.

Пайк загнал патрон в патронник.

— Нет, — спокойно сказал он. — Это они попали в ловушку, напав на нас.

Я ободряюще кивнул Карен, и она, пригнувшись и схватив Тоби за рубашку, бросилась бежать. Питер двинулся следом.

— Сколько у тебя обойм? — спросил Пайк.

— Только та, что в пистолете.

Он бросил на меня осуждающий взгляд, но промолчал.

— Знаю, — вздохнул я. — Лажанулся.

Он протянул мне «питон» рукояткой вперед, а потом вручил кожаный мешочек с тремя запасными обоймами. Запасливый!

— Готов?

— Всегда готов!

— Тогда за дело.

Мы дали четыре очереди по четверке парней, идущих наперерез, и я, пригнувшись, рванул направо. Джо помчался налево. И вскоре исчез из виду.

Снег лег на поле блестящим одеялом, позволяя мне двигаться бесшумно. Чарли Де Лука увидел, что мы разделились, и трое парней, которые были вместе с ним, открыли огонь из дробовиков и пистолетов, хотя между нами оставалось еще более двухсот ярдов. Паническая беспорядочная стрельба. Наверное, не ожидали, что мы попытаемся предпринять встречный заход с флангов. Чарли что-то крикнул парням, скрывшимся в лесу, но снег, ветер и расстояние не позволили расслышать что. Картечь сыпалась на поле дождем, одна огромная тыква с шумом лопнула, но я бежал не оглядываясь на пределе возможностей. Теперь посмотрим, кто быстрее: я или те парни? А затем уже просто некогда было думать. И очень скоро я очутился среди деревьев.

Углубившись в лес, я остановился между двумя березами и прислушался. Если те, на флангах, бежали очень быстро, то вполне могли меня опередить. Однако этого не произошло. Ярдах в тридцати от дороги затрещали ветки, зашуршала опавшая листва. Впечатление было такое, точно взвод морской пехоты совершал марш-бросок. Городские мальчишки на загородной прогулке. Из-за деревьев поля им было не видно. Они не знали, что Карен, Питер и Тоби побежали назад, и понятия не имели о том, что мы с Пайком уже в лесу. Пальба у меня за спиной прекратилась, Чарли продолжал что-то кричать, но я по-прежнему не мог разобрать слова. К тому же эти двое так сильно шумели, что все равно не смогли бы услышать Чарли.

Я углубился в лес, нашел подходящее место возле упавшего вяза и стал ждать. В лесу снегопад почти не чувствовался, снежинки застревали в кронах деревьев. Выпавший ранее снег уже успел подтаять, по стволам стекали струйки воды, отчего кора становилась бархатистой, влажной на ощупь и очень приятно пахло деревом. Если не считать приближающегося противника, все было тихо. И спокойно. Как и должно быть в лесу.

Джои Путата и какой-то парень в ярко-оранжевой охотничьей куртке продирались сквозь заросли плюща. У парня в оранжевой куртке были шикарные баки и густая щетина, которую приходится брить по три раза на дню. На голове красовалась маленькая шляпа с пером. Джои Путата держал в руках дробовик «моссберг» двенадцатого калибра, а парень в оранжевой куртке был вооружен револьвером «ругер редхок» сорок четвертого калибра. С лица Джои все еще не сошли синяки, оставленные Чарли, а он как ни в чем не бывало продирался через лес. Глупость некоторых людей просто безгранична! Парень в оранжевой куртке поднырнул под низко растущую ветку, но сделал это как-то неловко. Ветка сбила шляпу с его головы, за шиворот посыпался снег.

— Вот дерьмо, — пробормотал парень, и они остановились.

— Как думаешь, мы достаточно далеко? — спросил Джои Путата, а тот, что в шляпе, ответил:

— Откуда мне знать, мать твою! Пойдем вперед и попытаемся найти Тони с Майком.

Должно быть, Тони и Майк были те двое, что пытались обойти нас с другого фланга.

Откуда-то издалека до нас донеслись два гулких выстрела — бум-бум.

— Может, мы их взяли! — радостно воскликнул Джои и пихнул в бок парня в шляпе.

Тот повернулся и увидел меня. Я выстрелил. Пуля из «питона» ударила его прямо в грудь, точно кирпич, набравший скорость курьерского поезда, и отбросила назад в заросли плюща.

— Привет, Джои, — произнес я. — Похоже, жизнь тебя ничему не учит.

Джои поднял «моссберг», но недостаточно быстро. Я выстрелил ему в шею и тут же кинулся назад к тыквенному полю.

Когда я вышел из-за деревьев, Пайк уже бежал к «ЛеБарону». Чарли и три других парня исчезли, черный «линкольн» тоже.

— Он уехал пару минут назад. В сторону от города, — сообщил Пайк.

Я подошел к Пайку и перезарядил «питон».

— Должно быть, решил, что остальные вышли на дорогу сзади, и отправился проверить.

— Не думаю, что он проверяет, — ответил Пайк. — Думаю, он отправился по проселочной дороге, по которой приехал, и прекрасно знает, куда она ведет.

— Замечательно.

И мы дружно рванули на юг через поле, промчались мимо маленького сарая и побежали дальше. Оказавшись в лесу, мы сразу же обнаружили тропинку, по которой прошли Карен, Тоби и Питер. На влажной, покрытой опавшими листьями земле их следы были хорошо видны.

Узкая проселочная дорога начиналась всего лишь в миле от поля — ближе, чем предполагал Тоби. Мы вышли из-за деревьев и двинулись на восток. Дорога шла через лес. Мы с Джо бежали рядом, холодный воздух обжигал нам горло. На снегу виднелись свежие следы пешеходов и шин, но последние вовсе не обязательно должны были принадлежать «линкольну» Чарли. Тут мог проехать кто угодно.

— Я вижу, — вдруг нарушил молчание Пайк.

Лес кончился, и дорога уже шла через плоские белые поля тыкв и кабачков. В полумиле впереди я увидел оранжевый ветровой конус, развевающийся над ангаром из рифленого железа. Если бы не яркий

цвет ветрового конуса, мы вряд ли увидели бы его на фоне снега. Перед ангаром стояли два зачехленных на зиму самолета для сельского хозяйства, безжизненных, как опавшая листва.

Возле ангара был припаркован черный «линкольн». Между самолетами сновали люди.

Мы опоздали. Чарли Де Лука их схватил.

Глава 38

Мы с Пайком припустили еще быстрее. Теперь мы бежали вдоль обочины, пар от нашего дыхания поднимался в воздух белым шлейфом. Мы бежали что было сил, пока не оказались почти у самого ангара. Здесь мы притормозили. Фигуры, которые мы увидели со стороны леса, исчезли.

«Линкольн» стоял возле ангара. Его ветровое стекло уже припорошил снег. Оба самолета находились с другой стороны, перед ними стояла пара ржавых тягачей для доставки авиационного бензина и пестицидов. Откуда-то издали донесся крик Карен Ллойд и послышался одинокий пистолетный выстрел, но ветер и снег тут же заглушили все звуки.

— Они либо в ангаре, либо на летном поле за самолетами, — сказал Пайк.

Мы подбежали к ангару, свернули за угол и увидели их через заросшее грязью оконное стекло. Карен Ллойд стояла на коленях и плакала, Чарли Де Лука держал Тоби за волосы, приставив дуло браунинга тридцать восьмого калибра к правому виску мальчика. Тоби тоже плакал. Скорее всего, он плакал от страха, однако, возможно, из-за того, что какой-то толстый парень бил Питера Алана Нельсена по лицу. Толстяк методически избивал Питера, но тот упрямо вставал и бросался на противника. У толстяка было здоровое брюхо, широкие бедра, широкие плечи и спина, что делало его похожим на сардельку. Недостаток мужественности с лихвой компенсировался переизбытком злобы. Питер не оставлял попыток добраться до Чарли, но толстяк каждый раз сбивал его с ног. Карен кричала Чарли, что она на все согласна, лишь бы только он остановился, или что-то типа того. Через стекло было не слишком-то хорошо слышно.

Я тронул Пайка за плечо и указал на большие раздвижные двери в дальнем конце ангара. Двери были открыты.

Пайк кивнул. Мы, проскользнув под окном, успели шагнуть в сторону двери, когда из-за угла появились двое других парней, сопровождавших Чарли Де Луку. Один — довольно высокий, второй — как раз наоборот. Коротышка жевал незажженную сигару, а в руке

держал револьвер тридцать второго калибра. Дылда что-то бурчал под нос, жалуясь на холод, и оба были совсем не готовы к встрече с нами. Джо Пайк уложил коротышку одним боковым ударом, таким сильным, что у того хрустнула гортань. Дылда что-то удивленно воскликнул и разрядил свой револьвер в землю, а я разрядил обойму ему в грудь. Кровь брызнула фонтаном, он удивленно посмотрел вниз, попытался заткнуть рану рукой, чтобы остановить кровотечение, — и упал.

Внутри началось какое-то движение. Пронзительно завизжала Карен, потом мы услышали истошный вопль — так кричать мог только ребенок, — потом еще один вопль и выстрелы. Пули со свистом рассекали воздух, уходя далеко в сторону. Потом стрельба прекратилась.

Мы заглянули в окно и увидели такую картину: Чарли тащил Тоби к дверям ангара, Карен шла следом, а Питер Нельсен лежал на боку. Толстяк дважды лягнул его ногой и вытащил из-под куртки синий револьвер. Затем он схватил Питера за волосы и сунул ему в рот дуло револьвера. Пайк выстрелил толстяку прямо в левое плечо, да так, что того отбросило в сторону, и тогда Пайк всадил в него еще одну пулю.

Мы как сумасшедшие промчались между самолетами и оказались у ангара. Там уже стоял Чарли, одной рукой держа Тоби Ллойда за шею, а другой прижимая браунинг к щеке мальчика. Лицо Чарли побагровело, на лбу вздулись вены. Он смотрел на крышу. Очевидно, ждал Бэтмена и Робин. При этом Чарли истошно вопил:

— Ты мой, ты, сукин сын! Я тебе, мать твою, кишки выпущу и зажарю их на сковороде!

Из-за угла появилась Карен, по ее лицу градом текли слезы, она умоляюще протягивала руки. Она хотела кинуться к Тоби, но боялась, что психопат застрелит мальчика.

— Тоби! — застонала она.

Чарли Де Лука еще сильнее вдавил дуло пистолета в щеку Тоби. Мальчик снова закричал и обмочился.

— Я его убью! — вопил Чарли. — Убью, к такой-то матери! Попробуйте только подойти ко мне, засранцы гребаные! Вырву ему глаза, мать твою!

Я посмотрел на Пайка. Плоские черные линзы очков Пайка были обращены в сторону Чарли Де Луки, дробовик лежал вдоль растяжки крыла самолета. Пайк стреляет лучше меня.

— Он это сделает, — сказал я. — Он застрелит мальчика.

— Да.

Я вернул ему «питон», взял дробовик и спросил:

— Сумеешь сделать точный выстрел?

— Помогите ему! Ну помогите же! Пожалуйста! — надрывалась Карен.

— Я могу сделать точный выстрел, но надо, чтобы он убрал от мальчика пистолет. Умирая, Чарли может дернуться.

— Тоби! — визжала Карен.

Тут из ангара показался Питер. Он еле стоял на ногах.

— Отпусти моего ребенка, ты, жирный хрен! — закричал Питер. Лоб его был рассечен, нос сломан, разбитые губы в крови. Лицо его было так сильно залито кровью, что казалось, будто он в гриме. — Я Питер Алан Нельсен, и я надеру твою жирную задницу, мать твою!

— Питер, нет! — закричала Карен.

Чарли Де Лука улыбнулся, поднял браунинг и наставил его на Питера.

— Надери это, — сказал он и выстрелил.

Питер упал, Карен и Тоби закричали, а я вышел из-за самолета и позвал:

— Эй, Чарли!

Чарли Де Лука развернулся в мою сторону и спустил курок. Что-то задело мое плечо, потом что-то тяжелое просвистело мимо моего уха, раздался грохот — и голова Чарли Де Луки взорвалась, совсем как шина, наполненная красной краской. «Питон» Пайка. Чарли был мертв еще до того, как начал падать.

Тоби лягнул ногой то, что осталось от Чарли Де Луки и с криком: «Папочка! Папочка!» — побежал к Питеру.

Левое бедро Питера было все в крови, но он сумел встать на колени. Питер подполз к Чарли Де Луке и принялся наносить удары по распростертому телу. Если Питер нашел в себе мужество подняться, то мне просто сам Бог велел. Я встал, но у меня звенело в ушах, а рубашка стала влажной. Я посмотрел вниз, расстегнул куртку и увидел, как почернела рубашка на плече. И тут же рядом оказался Пайк. Он поднял на мне рубашку и осмотрел рану.

— Ничего страшного. Слегка задета трапециевидная мышца.

— Понятно.

Пайк подошел к Питеру, вынул у него из брюк ремень и плотно перетянул раненую ногу. Потом вернулся ко мне и перевязал мне плечо своей футболкой. В том месте, где пуля задела мышцу, жгло ужасно, плечо слегка покалывало. Питер с сомнением посмотрел на свою ногу, а потом перевел взгляд на тело Чарли Де Луки и улыбнулся мне:

— Мы сделали этого выродка. Мы его сделали!

— Да, — согласился я.

— Все кончено! — расхохотался он.

Карен посмотрела на бывшего мужа и рассмеялась в ответ. Вероятно, нервная реакция.

— Да! Боже мой, да!

Потом Карен обняла меня. Тоби помог Питеру подняться на ноги, они подошли ко мне и тоже стали обнимать.

Бывают такие дни, когда тебя постоянно обнимают.

Глава 39

Мы оставили убитых в аэропорту и отправились в Челам к единственному практикующему доктору. Доктор был молодой, в очках и с бородой. Звали его Хоксли. Доктор знал свое дело. Он был из тех врачей, что наблюдают своих пациентов от колыбели до самой старости. Идеалист. Ну вы таких наверняка знаете. Осмотрев нас с Питером, Хоксли присвистнул:

— Да, такого я не видел с тех пор, как ушел со «скорой помощи» в Бронксе.

— Несчастный случай на охоте.

— Не сомневаюсь.

Он продезинфицировал наши раны, наложил швы и сделал каждому по два укола: один для подавления инфекции, другой — против столбняка. И еще вручил нам какие-то оранжевые таблетки: обезболивающее.

— Думаю, что о вашем визите не надо сообщать в полицию.

— Не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном? — спросил я.

Я позвонил Ролли Джорджу и сказал ему, где мы находимся и что произошло. Доктор стоял, скрестив руки, и рассеянно прислушивался к нашему разговору. Когда я повесил трубку, он поинтересовался:

— Может, мне не мешает туда съездить?

— Бесполезно, — покачал я головой.

Хоксли посмотрел на Питера и сказал:

— Ваше лицо кажется мне знакомым.

— Да, у меня распространенный тип.

Мы вышли от доктора, оставили Тоби у Мэй Эрдич и поехали обратно на маленький аэродром. Снегопад прекратился, но тонкое белое покрывало уже легло на дорогу, самолеты и лежащие на поле тела. Мы с Джо Пайком сняли с самолетов брезент и накрыли им тела Чарли Де Луки и трех парней, а потом сели в «ЛеБарон» и стали ждать.

Первыми приехали две полицейские машины штата Коннектикут, за ними примчался синий седан, на котором прибыл человек из офиса

окружного прокурора. Никаких тебе мигалок и сирен, и это мне сразу очень понравилось. Представитель окружного прокурора подошел к нам и поинтересовался, кто мы такие. Я назвал ему наши с Пайком имена, но не стал упоминать Карен и Питера, а он не стал спрашивать. Он сказал, что ему сообщили, что где-то есть еще трупы. Я рассказал ему, как добраться до тыквенного поля и где искать тела убитых в лесу. Он кивнул, вернулся к копам, они загрузились в полицейскую машину и отправились все проверить.

Двадцать минут спустя подкатили автомобиль с тонированными стеклами и эмблемой ФБР на боковой двери, а еще белый «форд» с человеком из офиса окружного прокурора штата Нью-Йорк и серый «кадиллак». Из машины федералов вышли двое парней, а из нью-йоркского «форда» — лысый человек и две женщины. На «кадиллаке» прибыл Ролли Джордж со своим псом. За рулем сидел студент, изучавший право. Увидев Ролли, все, кроме лысого, заулыбались и принялись жать ему руку и говорить о том, как они рады его видеть. Приятно, наверное, пожать руку известному автору детективных романов прямо на месте убийства!

— А нам не надо к ним подойти? — спросила Карен.

— Нет. Мы будем сидеть и ждать, что они скажут.

Вся компания подошла к телам под брезентом, чтобы их осмотреть. Макси понюхал труп Чарли и поднял лапу, так что Ролли пришлось его оттащить. Одна из женщин засмеялась. Они долго стояли рядом с телами, изредка поглядывая в сторону нашей машины. Похоже было, что они довольно быстро пришли к соглашению, за исключением лысого парня. Тот решительно размахивал руками, показывая в сторону нашей машины. Они еще чуток потолковали, а потом к нам подошел Ролли Джордж и наклонился к сидящей за рулем Карен. Он успокаивающе ей улыбнулся, словно добрый дедушка, а если и узнал Питера, то даже вида не подал. А затем Ролли бросил на меня пристальный взгляд и спросил:

— Мы можем взять плохого копа?

— Да, если никто из моих людей не будет упомянут и им не придется давать показания.

— Похоже, речь идет не об одном офицере. Похоже, здесь замешано несколько представителей системы безопасности аэропорта Кеннеди.

— Я так и думал, — согласился я.

Ролли вновь улыбнулся Карен, а потом они с Макси вернулись к группе, стоявшей возле тела Чарли Де Луки. Разговор продолжался, лысый проявлял все больше недовольства и снова энергично размахивал руками. Тогда одна из приехавших с ним женщин сказала:

— Мортон, кончай эту хренотень и заткнись.

Федералы и люди из офисов окружных прокуроров подозревали нас с Пайком, и мы вместе пошли по ангару, отвечая на их вопросы. Спрашивали они в основном о Чарли Де Луке, ямайских гангстерах и полицейском, которого я выследил до самого Квинса. Я не стал упоминать о тайных счетах Чарли Де Луки, о его делишках за спиной у Сола и о семье Гамбоза. Гангстеры с Ямайки и продажный полицейский почти наверняка не знали, чьи наркотики они воруют. Если же они что-то и расскажут полиции, то это нас не касается. Пусть семья Де Лука сама с ними разбирается. Тут уж ничего не поделаешь.

Когда вопросы закончились, они отвели нас обратно к машине. Никто даже не посмотрел в сторону Карен Ллойд или Питера Алана Нельсена. Как будто их здесь просто-напросто не было. Одна из женщин, федерал и парочка копов отправились на тыквенное поле. Вернулись они довольно скоро. После коротких переговоров к нам подошел Ролли Джордж.

— Похоже, мы закончили. Можете ехать.

— И это все? — спросила Карен Ллойд.

— Да, мэм.

— Вы не будете нас допрашивать? Нам не нужно ехать в полицию?

— Карен! — предостерегающе произнес Питер.

Ролли Джордж улыбнулся и зашагал к своему «кадиллаку».

— Они позволили нам остаться в стороне? Несмотря на то, что убито столько людей? — спросила меня Карен.

— Да. А теперь поехали отсюда.

Мы добрались до дома Карен Ллойд и остановились под баскетбольным кольцом, чтобы помочь Питеру создать правильную версию произошедшего. Ему без лишних вопросов разрешили забрать тело Дани, но необходимо было подумать, что сказать Нику, Ти-Джею и прессе. Убит телохранитель Питера Алана Нельсена, неизбежно

возникнут вопросы. Ему придется солгать и поддерживать эту ложь до конца своей жизни.

— Я справлюсь, — заявил Питер.

— Да уж, постарайся, — произнесла Карен.

Питер нахмурился, вышел из «ЛеБарона», уселся в свой лимузин и отчалил.

— Он справится? — спросила Карен, посмотрев ему вслед.

— Да. Он многому научился, — кивнул я.

— Надеюсь, — вздохнула Карен. — Как я все это ненавижу. Стоит кого-то впустить в свою жизнь, как он сразу же становится ее частью.

— Именно частью, — возразил я. — Вы сумели сохранить свое «я». Вы все еще вице-президент банка. Вы дважды были президентом АРУ и вице-президентом Ротари клуба. А еще вы член Библиотечного комитета. А если бы вам не было суждено пройти через все эти испытания с Питером, то, может быть, вы ничего и не добились бы. Может быть, сейчас вам было бы нечем гордиться.

Она повернулась и посмотрела на меня, потом наклонилась и поцеловала нас по очереди: сначала меня, потом Джо Пайка.

— Я сделаю так, как будет лучше для Тоби. Мне это всегда удавалось. А что теперь будет с кланом Де Лука?

Я посмотрел на дом, баскетбольное кольцо и велосипед Тоби у стены гаража. Потом повернулся к Карен:

— Не знаю. Сол и Чарли больше не участвуют в делах семьи. У них будет новый босс.

Ее губы собрались в маленький розовый бутон, и она, немного подумав, спросила:

— Как думаете, они будут и дальше меня преследовать?

Пайк наклонился и погладил ее по руке:

— Продолжайте жить своей жизнью. Мы позаботимся о Де Лука.

Карен Ллойд глубоко вздохнула и вышла из машины.

Глава 40

Пайк собрал вещи, мы попрощались с Карен Ллойд и поехали в город, где сняли номер на четырнадцатом этаже отеля «Парк Лейн» на Восточной 59-й улице. Очень симпатичный номер с видом на Центральный парк.

Мы по очереди приняли душ, переоделись и отправились в Музей современного искусства на 53-й улице. Для простоты они называют его МоМА, ^[43] что, по-моему, довольно глупо, но у них есть «Звездная ночь» Винсента Ван Гога, а это уже что-то. Очко в пользу Нью-Йорка. Я всегда хотел увидеть эту картину и теперь провел перед ней почти час. Пайк сказал:

— Понимаю, что он чувствовал.

— Говорят, он был сумасшедший.

Пайк только молча пожал плечами.

Мы прошли по Западной 73-й улице и пообедали в кафе «У Виктора». Кубинская кухня. Можно сказать, не хуже, а может, и лучше кухни ресторана «Версаль» на бульваре Венеции в Лос-Анджелесе. Я заказал отбивную из цыпленка и черные бобы. Пайк выбрал суп из белых бобов и жареные бананы. Мы выпили пива. Еще очко в пользу Нью-Йорка.

Когда мы закончили, было еще светло, и поэтому мы прошли по Центральному парку, мимо озера и фонтана Бетесда, а также мимо кафе под названием «Дом на лодке». Кафе было закрыто. Люди совершали пробежку, катались на велосипедах, два мальчугана запускали модели аэропланов. Никто не совершал преступлений, но конная полиция была на высоте. Возможно, после захода солнце здесь все изменится. Я спросил у Пайка:

— Ты боишься?

Он покачал головой и ничего не ответил.

— А если бы оказался здесь в полночь?

— Я способен применить грубую силу, — подумав, сказал он.

И я, конечно, тоже, но ночью мне здесь было бы точно не по себе.

Пайк засунул руки в карманы куртки, и мы прошли мимо небольшого пруда, где пожилой мужчина и две маленькие девочки

пускали игрушечный парусник. Мужчина и женщина в навороченных спортивных костюмах стояли, облокотившись на тандем, и наблюдали за ними. Мы тоже остановились посмотреть, и я подумал, скоро ли замерзнет пруд. Свежий осенний ветер наполнил паруса суденышка, и оно резво поплыло к противоположному берегу пруда.

— Элвис? — позвал Пайк.

— Да?

— Я помню, как испугался. Я тогда был совсем маленьким.

Мы еще некоторое время понаблюдали за пожилым мужчиной, девочками и парусником, а потом вышли из парка и зашагали к домам, еще недавно принадлежавшим Солу Де Луке. Припаркованных лимузинов рядом не оказалось, да и перед входом никто не прогуливался. На ручке двери висел траурный бант.

Джо остался на углу Пятой авеню, а я подошел к двери и позвонил. Дверь открыл Фредди. Он посмотрел на меня, и его лицо сразу же окаменело.

— Да? — спросил он.

— Ты слышал о Чарли?

— Мы слышали.

— Я в «Парк Лейн».

— Здорово. Можете отпраздновать.

— Скажи Вито. Скажи Энджи. Я буду там до тех пор, пока все не утрясем.

Фредди ухмыльнулся. Типа крутой!

— Мы не ведем с тобой дела.

— Вот тут ты ошибаешься. Скажи Вито и Энджи. «Парк Лейн».

На следующее утро на шестой странице «Нью-Йорк таймс» появилась маленькая заметка. В ней говорилось, что проститутка по имени Глория Ариб и ее сутенер Хесус Сантьяго были застрелены на складе в Нижнем Манхэттене. И у властей нет ни одной зацепки по этому делу. В статье на странице восемнадцать я прочитал, что гражданин Ямайки, известный продавец наркотиков по имени Уретро Мубата, найден мертвым в Квинсе на переднем сиденье своего «ягуара» последней модели. Его горло было перерезано, причем так, что голова практически отделилась от тела. Полиция полагает, что эта смерть — результат какой-то неудачной сделки. «Нью-Йорк пост» сообщила, что наркоман Ричард Сили найден мертвым в туалете

автобусного вокзала со следами побоев в области головы, шеи, обеих рук и левой ноги. Очевидно, наркоманы не достойны того, чтобы попасть на страницы «Нью-Йорк таймс».

Обрубались концы.

Два дня спустя, задолго до заката солнца, я возвращался из планетария Хейдена через Центральный парк. И вдруг рядом со мной остановился синий «кадиллак эльдорадо». Пайк был далеко, на противоположной стороне улицы. Вито Де Лука распахнул дверцу и велел мне сесть в машину.

Я сел. Машину вел Фредди. Вито сидел сзади, больше в салоне никого не было.

— Я капо де тутти капо. Ты знаешь, что это значит?

— Что вы Марлон Брандо.

Вито улыбнулся, но улыбка получилась не слишком веселой. Груз ответственности.

— Да. Ты убил много наших парней.

— Это были парни Чарли.

— Некоторым капо это не понравилось. Они считают, что нужно что-то сделать.

— А что считаете вы?

В окно я увидел приближающегося Джо Пайка. Он заговорил с человеком, продающим с тележки какие-то закуски. Вито посмотрел в окно, но ничего не заметил.

— Я считаю, что Чарли чуть не опозорил нашу семью. Да, он мой племянник, родная кровь. Но и Сол был моим братом. Сол знал, каким должен быть настоящий мужчина. Ты вел себя как мужчина. Эти парни говорят о Калифорнии, граноле^[44] и Диснейленде, а я говорю: «Господи, он уложил десять наших парней. Если бы он был сицилийцем, я бы его поцеловал в губы. Он мог бы стать настоящим мужчиной».

— А как насчет Карен Ллойд?

Вито повернулся и посмотрел на меня:

— Сол Де Лука был капо де тутти капо, и когда он говорил, то говорил за всю семью. Де Лука уважают собственное слово. Понятно?

— Чарли не стал бы его уважать.

— Чарли мертв.

Я молча кивнул.

— Она вне игры. Она больше никогда не увидит никого из семьи Де Лука. И семья Де Лука будет всегда держать свое слово.

Он протянул мне руку и так сильно сжал мою ладонь, что она онемела. Еще одна скала в семье.

— Впрочем, это двустороннее соглашение. Женщина об этом знает?

— Да.

— А ее муж? Парень из кино?

«Питер Алан Нельсен — парень из кино».

— Да. Я за них отвечаю.

— Это правильно. Так и будет. До конца твоей жизни, — произнес Вито.

Он отпустил мою руку, я вышел из лимузина и перешел на другую сторону улицы. Мы с Джо Пайком вернулись в отель, и я позвонил Карен Ллойд в банк и рассказал о разговоре с Вито Де Лукой. В тот же день мы покинули отель.

Глава 41

Октябрь сменился ноябрем. И три недели спустя, приятным воскресным днем, я сидел перед домом и жарил стейки из лосося и баклажаны для Синди, агента по продаже косметических товаров, Джо Пайка и еще одной женщины по имени Эллен Лэнг. Несколько лет назад Эллен Лэнг была моей клиенткой. С тех пор они с Джо Пайком стали время от времени встречаться. Она очень загорелая, а когда улыбается, на щеках появляются ямочки. Теперь она стала улыбаться гораздо чаще.

Джо Пайк, Синди и Эллен Лэнг сидели в доме и готовили салат, хлеб с чесноком, а еще чай с мятой, когда зазвонил телефон. Кто-то из них взял трубку, потом Эллен Лэнг вышла из дома и сказала:

— Это тебя. Питер Алан Нельсен. Режиссер.

— Вот это да! — удивился я. — Может, это и есть мой шанс.

— Ты в своем репертуаре, — ухмыльнулась Эллен и осталась присматривать за лососем, а я вернулся в дом и взял трубку на кухне.

Рядом с раковиной стоял Пайк и нарезал французский багет и укладывал его на блюдо. Синди наблюдала за ним. У нее были мягкие, золотисто-каштановые волосы и выразительные карие глаза. Мне нравилось смотреть, как она следит за точными движениями Пайка.

— Они приезжают в Лос-Анджелес, — сообщил Питер.

— Карен и Тоби?

— Да. У Тоби будет свободная неделя на День благодарения, и я пригласил их приехать.

— Отлично, — невозмутимо ответил я: Карен уже успела мне позвонить до того.

— Она не хочет, чтобы Тоби летел один, а потому прилетает вместе с ним.

— Еще лучше.

— Она будет не одна. А с каким-то парнем. — Об этом Карен мне тоже сообщила.

— У нее своя жизнь, Питер. И это очень хорошо. Почему бы тебе не пригласить кого-нибудь и всем вместе не отправиться куда-нибудь вечером? А Тоби можете оставить со мной.

— Знаю, знаю, — ответил Питер и, помолчав, добавил — Послушай, пока Карен со своим парнем будут гулять, я мог бы взять Тоби на съемки, показать ему Диснейленд. Ну и все такое. Ты не мог бы нас сопровождать? Хотя бы первое время?

Пайк закончил нарезать хлеб, и Синди вынесла его на террасу. Она приподняла брови и одарила меня нежной улыбкой. От нее пахло маргаритками. Просто классно!

— Конечно, Питер. Только не все время. Но поначалу можешь на меня рассчитывать.

— Большое спасибо. Я очень ценю. Правда. — В его голосе слышалось облегчение. — Я сейчас живу в доме в Малибу. Не хочешь заехать ко мне в гости?

— Сейчас я не один.

— Ну тогда в другой раз. Ладно? Если захочешь приехать, можешь даже не звонить. Просто приезжай.

— Конечно.

«Элвис Коул, звездный детектив».

Я повесил трубку, и Пайк спросил:

— Чего ему надо?

— Приезжают Карен с Тоби, и ему страшно. Взросление — трудный процесс.

— Он слишком много хочет. Может, ему следует взрослеть без тебя.

— Теперь он звонит не так часто. А потом его звонки станут все реже и реже. Он справляется.

— Да, наверное, — кивнул Пайк и добавил: — У Карен возникли какие-то проблемы с семьей Де Лука?

— Вито держит слово. Все счета Де Лука в Первом национальном банке Челама аннулированы. Деньги на счетах на Барбадосе таинственным образом исчезли.

— Значит, она свободна.

— Да. Она свободна. Насколько это возможно при таких воспоминаниях. Но, как и Питер, она неплохо справляется.

Снаружи Эллен Лэнг перевернула рыбу, чтобы та не пережарилась, а Синди положила хлеб с чесноком на центральную часть гриля. Пайк вымыл желтый перец и быстро нарезал его

колечками. Все колечки были совершенно одинаковыми. Когда перец был нарезан, он добавил его в салат и мы отнесли все на веранду.

Эллен Лэнг сказала, что если встать на моей веранде закрыв глаза, когда из каньона дует ветер, то легко представить себе, что летишь по небу вместе с Тинкербелл, Марком и Венди на остров Где-то-там искать потерянных мальчиков.

Я ничего ей не ответил, но и сам всегда так думал.

notes

Примечания

1

Каджуны — потомки колонистов из Акадии, французской колонии в Канаде на побережье Ньюфаундленда. Переселенцы оттуда в Луизиане назывались акадийцами, а потом это слово стало звучать как «каджун». Каджун — веселый и добрый человек, терпимый к другим, любящий играть на скрипке и аккордеоне, уважающий перец в супе, много креветок в улове. Каджунская кухня — гастрономическое чудо, одна из достопримечательностей Нового Орлеана. *(Здесь и далее прим. перев.)*.

«Граф Цеппелин» — немецкий авианосец.

Розеттский камень — найденная в 1799 году в Египте гранитная плита с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, двумя на древнеегипетском и одним на древнегреческом.

Коул имеет в виду фильм «Остров Надежды» («Семья Робинзонов») — приключенческую драму по роману Йохана Дэвида Уисса «Швейцарская семья Робинзонов». (*Прим. ред.*).

Нам — название Вьетнама на жаргоне американских солдат.
(Прим. ред.).

Барт Симпсон — один из наиболее известных персонажей мультипликационного сериала «Симпсоны». *(Прим. ред.)*.

Майк Хаммер — частный детектив из произведений Микки Спилейна, один из самых популярных персонажей массовой культуры.

Карл Льюис — легендарный американский легкоатлет XX века, девятикратный олимпийский чемпион в спринтерском беге и прыжках в длину, восьмикратный чемпион мира.

Бадди Эбсен — известный американский актер и танцор; снялся в роли пугала Страшилы в фильме «Волшебник страны Оз». (*Прим. ред.*).

АФАРТ — Американская федерация артистов радио и телевидения.

Маршал — гражданское должностное лицо, назначаемое президентом и сенатом США в каждый судебный округ и подчиняющееся шерифу округа. Иногда федеральная власть посылала маршалов на места — например, изловить банду опасных головорезов. (*Прим. ред.*).

Мэтт Диллон — вымышленный персонаж радио- и телевизионного сериала «Gunsmoke». Его посылают маршалом в Додж-Сити, штат Канзас, защищать закон и порядок на западной границе США в 1870-х. (*Прим. ред.*).

Клаату — пришелец-гуманоид, прибывший на Землю с предложением о вступлении планеты в содружество цивилизаций, из научно-фантастического фильма 1951 года «День, когда Земля остановилась».

«Кошелек или жизнь!» — детская игра. Как правило, на Хеллоуин дети ходят от дома к дому и просят их угостить, в противном случае угрожая какой-нибудь проделкой.

Столбик парикмахера — традиционный отличительный знак парикмахерской. Представляет собой столбик со спиральными красными и белыми полосами. Когда парикмахерская работает, столбик вращается вокруг своей оси, когда она закрыта, остается неподвижным.

Граучо Маркс играет частного детектива Сэма Граниона в фильме «Счастливая любовь».

Том Селлек — американский актер, получивший широкую известность за исполнение главной роли в телесериале «Детектив Магnum».

АРУ — Ассоциация родителей и учителей. Создается в каждой школе и выполняет функции попечительского совета.

Кальвин и Гоббс — герои ежедневных американских комиксов, которые придумывал и рисовал американский художник Билл Уоттерсон.

Чайот — мексиканский огурец, растение семейства тыквенных.
(Прим. ред.).

Пекаренок Пиллсбери — рекламный персонаж и товарный знак мукомольной компании «Пиллсбери». Этот улыбающийся подмастерье пекаря в поварском колпаке долгое время был очень популярен.

Эд Макмахон — профессиональный рекламщик и партнер Джонни Карсона, необычайно популярного в США телеведущего, в телевизионном шоу «Tonight Show». *(Прим. ред.)*.

Дэвид Робинсон и Мэджик Джонсон — выдающиеся американские баскетболисты. *(Прим. ред.)*.

Эллен Лэнг — героиня книги Р. Крейса «Зверь, который во мне живет».

Даго — презрительная кличка итальянцев и португальцев.

Эдвард Дохени — нефтяной магнат, миллионер. *(Прим. ред.)*.

Эррол Флинн — актер, сыгравший главную роль в фильме 1938 года «Рассветный патруль». *(Прим. ред.)*.

Тама Янович — американская актриса.

Коул явно вспоминает легендарный фильм-мюзикл 1961 года «Вестсайдская история», получивший десять премий «Оскар». Главные роли в нем сыграли Натали Вуд, Ричард Беймер и Джордж Чакирис. *(Прим. ред.)*.

Даннемора — известная на всю Америку тюрьма строгого режима в городке Даннемора, неподалеку от канадской границы.

Эллиот Несс — специальный агент Министерства финансов, которому удалось посадить гангстера Аль Капоне в тюрьму на 11 лет.

Дамбо — летающий слон с огромными ушами, персонаж одноименного мультфильма Диснея.

Херман Мюнстер — персонаж американского телесериала «Мюнстеры»; главные герои — семья монстров.

Уорд Кливер и Бивер — отец и сын, персонажи фильма «Предоставьте это Биверу».

Уоттс — негритянский район Лос-Анджелеса.

Об этих событиях рассказывалось в романе «Зверь, который во мне живет».

Датская выпечка — сладкие изделия из теста, вроде булочек с кремом; могут быть с начинкой из сыра, чернослива, миндальной пасты, конфитюра и т. п. Эти изделия прославили Данию на весь мир.

Амстердам-авеню — название Девятой авеню в верхней части Манхэттена, севернее 59-й улицы.

Мост Квинсборо через Ист-ривер соединяет Манхэттен и Квинс.

Хизер Томас — известная американская актриса.

Великий белый путь — так американцы называют ночной Бродвей из-за обилия неона.

Элмер Фадд — один из героев мультсериала 1950 года «Багз Банни» студии «Уорнер бразерс»; незадачливый охотник, главный враг кролика Багза Банни.

MoMA — сокращение от Museum of Modern Art.

Гранола — смесь плющеного овса с добавками коричневого сахара, изюма, кокосов и орехов.